

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Байкальский государственный университет»

На правах рукописи

Каландаришвили Христина Александровна
ПРЕЗУМПЦИЯ, ПРЕЮДИЦИЯ И ФИКЦИЯ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

12.00.09 – уголовный процесс

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор
заслуженный юрист РФ
Смолькова Ираида Вячеславовна

Иркутск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПРАВОВЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	15
§ 1. Понятие, сущность и виды презумпции, генезис формирования понятия правовой презумпции в теории уголовного процесса.....	15
§ 2. Презумпция невиновности, история становления, сущность и значение для российского уголовного судопроизводства	34
§ 3. Иные уголовно-процессуальные презумпции в российском уголовном судопроизводстве	59
ГЛАВА 2. ПРЕЮДИЦИЯ КАК ПРИЕМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	78
§ 1. Генезис нормативно-правового закрепления преюдиции в уголовном процессе России	78
§ 2. Сущность преюдиции, понятие и виды преюдиции в российском уголовном судопроизводстве	91
§ 3. Пределы действия преюдиции в российском уголовном судопроизводстве	102
ГЛАВА 3. ПРАВОВАЯ ФИКЦИЯ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	118
§ 1. Сущность правовой фикции.....	118
§ 2. Понятие правовой фикции, ее признаки и классификации	132
§ 3. Правовые фикции в российском уголовном судопроизводстве	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	165
Приложение 1. Анкета.....	195
Приложение 2. Аналитическая справка о результатах проведенного анкетирования различных групп респондентов.....	200

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что использование технико-юридических приемов в уголовно-процессуальном праве имеет множество правовых аспектов, исследование которых необходимо, с одной стороны, ввиду широкого употребления этих приемов в уголовном судопроизводстве, а с другой – для углубленного понимания структуры и закономерностей построения отдельных правовых норм. Презумпция, преюдиция и фикция направлены на координацию и упорядочивание уголовно-процессуальных правоотношений, а также на экономию и эффективность познавательной деятельности в процессе доказывания. На современном этапе развития правовой науки учение о презумпции, преюдиции и фикции в большей мере развито в теории права, гражданском праве и гражданском процессе, тогда как использование технико-юридических приемов затрагивает и основные проблемы уголовного судопроизводства (состязательность и целесообразность), и возможности достижения истины.

Для норм уголовно-процессуального законодательства важнейшими характеристиками остаются логическая стройность, внутренняя согласованность, точность формулировок, ясность и лаконизм изложения. Приемы юридической техники позволяют формулировать нормы уголовно-процессуального закона в соответствии с данными характеристиками.

Единство юридической терминологии составляет основное требование законодательной техники. Формирование последовательной терминологической базы способствует точности и ясности выражения законодательной мысли и, как результат, стабильности законодательства. Безусловно, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее УПК РФ) имеются примеры и других, помимо исследуемых, приемов юридической техники. Однако иные приемы, такие как дефиниции, аксиомы, оговорки, отсылки, все-таки выполняют прикладную функцию при формулировании правил поведения в уголовном судопроизводстве, в то время как презумпции, преюдиции и фикции задействованы законодателем

в разработке основополагающих правил доказывания и системы процессуальных гарантий прав участников уголовного судопроизводства (презумпция невиновности, презумпция истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда, презумпция недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения, межотраслевая преюдиция, отдельные правовые фикции). Кроме того, презумпция, преюдиция и фикция в основе своей являются законными предположениями и различаются главным образом возможностью и порядком их опровержения.

Осмысление сформированных с помощью презумпций, преюдиций и фикций правил доказывания в уголовном судопроизводстве, определение характерных черт названных технико-юридических приемов и их сущностного содержания выступает основным назначением диссертационного исследования.

Системно-структурные связи между презумпцией, преюдицией и фикцией можно определить, исходя из их процессуальной и логической общности. Так, каждый из перечисленных приемов выступает в уголовном судопроизводстве как самостоятельный вид предрешения, также в основе презумпции и преюдиции лежит причинно-следственная связь, общность между презумпцией и фикцией определяется через их сущностное содержание как законодательно допустимых предположений об имеющихся обстоятельствах.

Истоки теоретических представлений о презумпции, преюдиции и фикции можно найти в римских, вавилонских или древнерусских памятниках права. В результате рецепции римского права они были восприняты правовыми системами различных государств, что подтверждает факт их универсальности.

Применительно к уголовному судопроизводству следует назвать такие традиционные презумпции, как презумпция невиновности, презумпция истинности вступившего в законную силу приговора и иного решения суда. В настоящее время отдельный исследовательский интерес представляют правовые презумпции, используемые в практике Европейского суда по правам

человека (далее Европейский суд), – презумпция факта и презумпция свободы личности. На основе презумпции свободы личности сформулирована отечественная формула презумпция недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения.

Межотраслевая преюдиция как результат проявления общеправовой презумпции истинности вступившего в законную силу решения суда также является предметом обсуждения в научной литературе. Интерес к данному приему юридической техники обусловлен рядом произошедших изменений в уголовно-процессуальном законодательстве, направленных на создание единообразной практики использования универсальных правовых категорий в гражданском, арбитражном, административном и уголовном судопроизводстве. Федеральным законом от 29.12.2009 № 83-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в уголовно-процессуальное законодательство была введена межотраслевая преюдиция. Данные изменения вызвали дискуссию в научных кругах относительно того, что ст. 90 УПК РФ в измененном виде вошла в резкий диссонанс с принципами уголовного судопроизводства и в первую очередь с принципом свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ).

Специфическая задача фикции как приема юридической техники в уголовном судопроизводстве заключается в обеспечении гибкости законодательства при сохранении его стабильности. Представленный в литературе широкий круг признаков, определяющих это понятие, тем не менее является более чем синонимичным и не дает возможности выделить отдельные свойства правовой фикции. В теории уголовного судопроизводства приводятся примеры этого технико-юридического приема, однако самостоятельной работы, посвященной проблемам применения правовой фикции и ее роли в уголовном судопроизводстве, в настоящее время нет. В диссертационном исследовании рассматриваются теоретические вопросы и

практика реализации презумпции, преюдиции и фикции в уголовном судопроизводстве.

Степень научной разработанности темы исследования. Разработкой проблемы использования приемов юридической техники занимались в дореволюционный период такие известные ученые, как Л.Е. Владимиров, Г.Ф. Дормидонтов, М.В. Духовский, Д.И. Мейер, С.А. Муромцев, Л.И. Петражицкий, Н.Н. Розин, В.К. Случевский. Вопросы преюдициального производства рассматривались И.Я. Фойницким.

В советский период данная проблематика нашла отражение в работах В.К. Бабаева, В.К. Гавло, В.И. Каминской, Я.О. Мотовиловкера, П.Ф. Пашкевича, Н.Н. Полянского, М.С. Строговича, Я.Л. Штутина, У.М. Юсубова и др.

Вопросы правовых презумпций в современный период освещаются в трудах А.В. Агутина, В.С. Бурдановой, Л.М. Васильева, Т.Ю. Вилковой, Л.В. Головки, И.Н. Горячева, В.Н. Григорьева, А.В. Гриненко, И.С. Дикарева, З.З. Зинатуллина, Г.К. Кожевникова, И.Н. Кондрата, А.А. Крымова, О.А. Кузнецовой, О.В. Левченко, Д.Р. Мажиняна, Е.А. Нахоевой, И.Ю. Панькиной, Т.Н. Радько, А.В. Смирнова, И.В. Смольковой, В.С. Тадевосяна, А.И. Трусова, О.В. Химичевой, Ф.Г. Шахкелдова, С.Ф. Шумилина, Г. А. Шумского и др.

Проблемам преюдиции посвящены работы В.А. Азарова, Т.Т. Алиева, В.С. Баклашина, В.О. Белоносова, Л.В. Головки, А.Г. Гореликовой, Н.А. Громова, И.С. Дикарева, А.П. Ереминой, С.П. Ефимичева, Л.С. Заржицкой, А.В. Карданец, Н.А. Колоколова, В.А. Лазаревой, С.В. Михайлова, Д.М. Нурбаева, П.А. Скобликова, С.В. Фидельского, И.В. Чащиной.

Юридическая фикция рассматривается в общей теории права М.Л. Давыдовой, Л.А. Душаковой, О.А. Курсовой, Е.Ю. Марохиним, Н.А. Никиташиной, П.М. Резиньковым, О.В. Танимовым и А.М. Ширвиндтом. В уголовном праве презумпциям и фикциям посвящены диссертационные

исследования Ю.Г. Зуева, К.К. Панько и В.В. Тарасенко. В уголовном процессе проблемами фикций занимались В.К. Гавло, Д.В. Зотов, А.В. Смирнов, И.В. Филимонова.

Объектом диссертационного исследования является совокупность общественных отношений, урегулированных и не урегулированных уголовно-процессуальным законодательством, возникающих и развивающихся в связи с практическим использованием презумпции, преюдиции и фикции в российском уголовном судопроизводстве.

Предметом исследования выступает современное уголовно-процессуальное законодательство, теоретические положения, объясняющие понятие и сущность презумпции, преюдиции и фикции и их соотношение в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, а также использование данных приемов юридической техники в практике Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке единого теоретико-методологического подхода к пониманию презумпции, преюдиции и фикции как приемов юридической техники, используемых в российском уголовном судопроизводстве для упорядочения уголовно-процессуальных правоотношений, обеспечения прав и законных интересов их участников, повышения эффективности доказательственной деятельности, а также в обосновании предложений, направленных на совершенствование уголовно-процессуального законодательства России в рассматриваемой сфере.

Достижение указанной цели предопределило постановку и решение следующих **задач**:

– проследить эволюцию уголовно-процессуального законодательства и научных взглядов на правовую презумпцию, преюдицию и фикцию, их влияние на правоприменительную практику в различные исторические периоды;

- определить сущность и значение презумпции, преюдиции и фикции в уголовном судопроизводстве, выделить их виды;
- раскрыть понятия, значение и основные элементы содержания (свойства) презумпции, преюдиции и фикции как приемов юридической техники, оказавших влияние на формирование и развитие современного российского уголовно-процессуального законодательства;
- установить место и роль презумпции, преюдиции и фикции как законных предположений в российском уголовном судопроизводстве;
- выявить правовые презумпции, используемые в международной судебной практике (презумпция невиновности, презумпция факта и презумпция свободы личности) и соотнести их с отечественными процессуальными презумпциями (презумпция невиновности, презумпция истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда и презумпция недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения);
- раскрыть сущность межотраслевой преюдиции, ее виды и пределы действия в уголовном судопроизводстве;
- выявить в действующем уголовно-процессуальном законе правовые нормы, сконструированные законодателем в виде правовых фикций, раскрыть их содержание.

Методологическая основа исследования. Диссертационное исследование базируется на общенаучном диалектическом методе познания, на основе которого применялись *историко-правовой метод*, позволивший проанализировать процесс формирования и изменения понятий презумпции, преюдиции и фикции в теории уголовно-процессуального права; *системно-структурный метод*, давший возможность выявить специфику обстоятельств, подлежащих доказыванию с учетом использования межотраслевой преюдиции; *сравнительно-правовой метод*, с помощью которого выявлены примеры правовых фикций в законодательстве зарубежных стран. *Формально-юридический метод* положен в основу оценки использования презумпции

невиновности, презумпции истинности вступившего в законную силу приговора суда и межотраслевой преюдиции. Также при решении различных исследовательских задач применялись иные общенаучные (анализ, синтез, гипотеза, обобщение, индукция, дедукция и др.) и частнонаучные (правового моделирования, социологического опроса, статистический, изучения уголовных дел и др.) методы познания.

Правовой базой исследования являются нормы и положения Конституции Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, иных федеральных законов, а также правовые позиции Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации в части решения ими правовых вопросов, связанных с темой диссертации. В работе также использовалось законодательство досоветского и советского периодов.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют научные труды процессуалистов дореволюционной России, советского периода, а также публикации и диссертационные работы современных авторов по уголовному, гражданскому, арбитражному процессу, уголовному праву, теории государства и права.

Эмпирическая основа диссертационного исследования представлена материалами опубликованной практики Европейского суда по правам человека и Верховного Суда Российской Федерации, в которых затрагивались вопросы применения правовых презумпций и межотраслевой преюдиции в уголовном судопроизводстве. По наиболее важным вопросам диссертационного исследования было опрошено 288 практических работников (из них 36 судей, в том числе мировых, 88 следователей, 164 помощника судей, специалиста и секретаря судебного заседания). Сбор эмпирического материала осуществлен среди практических работников г. Иркутска и Иркутской области, г. Якутска и

Республики Саха (Якутия), Республики Тыва, г. Улан-Удэ и Республики Бурятия (приложения 1, 2).

В ходе исследования было изучено 206 актов судов общей юрисдикции первой, апелляционной и кассационной инстанции в государственной автоматизированной системе «Правосудие» за период с 2011 по 2020 гг., отражающих реализацию приемов юридической техники в российском уголовном судопроизводстве, в том числе презумпции невиновности, презумпции недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения, межотраслевой преюдиции. Кроме того, использованы эмпирические данные, полученные другими исследователями и представленные в открытой печати, официальная судебная статистика о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2017–2020 гг.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые на монографическом уровне разработан концептуальный подход к пониманию сущности презумпции, преюдиции и фикции как технико-юридических приемов, используемых в российском уголовном судопроизводстве в качестве законных предположений, направленных на координацию и упорядочение уголовно-процессуальных правоотношений, обеспечение прав и законных интересов их участников, повышение эффективности доказательственной деятельности, а также сформулированы предложения по оптимизации российского уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Презумпция, преюдиция и фикция являются законными предположениями разной степени опровержимости, преследующими цель координации и упорядочивания уголовно-процессуальных правоотношений, а также экономии процессуальных средств в уголовном судопроизводстве. У каждого из перечисленных приемов юридической техники имеется собственное сущностное содержание. Применение этих приемов необходимо, когда

отсутствуют средства к достижению достоверного знания, а результат познания категорически необходим (правовые фикции), когда повторное исследование уже изученных обстоятельств правоприменителем в уголовном судопроизводстве признается излишним (преюдиция), а также для законодательного закрепления предположений, формирующих обязанности сторон в процессе доказывания определенных фактов (презумпции).

2. Правовая презумпция в уголовном судопроизводстве – это прием юридической техники, существующий в виде законного предписания (при этом не обязательно именуемый в тексте закона презумпцией), который представляет собой предположение о фактах, подтвержденных или опровергнутых при расследовании и рассмотрении уголовного дела, распределяющий бремя доказывания между сторонами. Использование правовой презумпции в уголовном судопроизводстве обусловлено особенностями уголовно-процессуального познания и служит эффективности и процессуальной экономии уголовного судопроизводства.

3. Для повышения правовой защищенности личности в уголовном судопроизводстве предлагается расширение действия презумпции невиновности. По этой причине ч. 1 и ч. 2 ст. 14 УПК РФ необходимо изменить следующим образом: *«1. Лицо считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. 2. Никто не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения».*

4. В практике Европейского суда по уголовным делам используются следующие правовые презумпции: презумпция невиновности, презумпция факта и презумпция свободы личности (ее частный случай – презумпция в пользу освобождения). Понимание презумпции невиновности Европейским судом совпадает с практикой применения аналогичного принципа в российском уголовном судопроизводстве. Сферу действия презумпции факта формируют

доказанные и установленные национальным судом обстоятельства уголовного дела. Механизм повторной оценки установленных фактов на международном уровне производится только после предоставления убедительных и законных доказательств, опровергающих первоначальные выводы. Сферу действия презумпции свободы личности и презумпции в пользу освобождения составляет законное и обоснованное применение мер, ограничивающих личные свободы людей, а также установленный Европейским судом стандарт доказывания, в силу которого лицо, заключенное под стражу, должно быть освобождено, если его заключение перестает быть обоснованным.

5. На основании презумпции свободы личности и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ сформулирована презумпция недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения, согласно которой: 1) обвиняемый и подозреваемый может быть ограничен в праве на личную свободу до тех пор, пока ограничение его свободы согласуется с реально существующим публичным интересом, мера пресечения не может носить карательного характера; 2) бремя доказывания необходимости применения и продления срока меры пресечения лежит на стороне обвинения; 3) использование тяжести обвинения в качестве единственного или наиболее существенного условия для избрания меры пресечения не допускается.

6. Преюдиция – это закрепленный в уголовно-процессуальном законе прием юридической техники, в основе которого лежит законное предположение об истинности обстоятельств уже вступившего в законную силу приговора или иного решения суда, обязывающий посредством его применения не совершать обязательные процессуальные действия по проверке и оценке отдельных обстоятельств и фактов уголовного дела ввиду того, что подобные действия уже были совершены.

7. Преюдицию в уголовном процессе следует подразделять на общую и исключительную. В основу деления положено волеизъявление законодателя о том, какие приговоры имеют преюдициальное значение. *Общая* преюдиция признает преюдициальными все без исключения вступившие в законную силу

приговоры суда, *исключительная* преюдиция определяет перечень приговоров, которые преюдициальностью не обладают.

8. Правовая фикция представляет собой прием юридической техники, существующий в виде законного неопровержимого предположения, которое применяется в уголовном судопроизводстве с целью упорядочивания правоотношений и их согласования с установленными нормативными предписаниями, результатом действия фикции является экономия познавательной деятельности. Недействующие нормы права не могут признаваться правовой фикцией. Правовая фикция может быть сформулирована законодателем в границах нескольких норм права.

Теоретическая и практическая значимость работы. Разработанные автором научные положения развивают теорию уголовного процесса и могут использоваться в рамках дальнейшего осмысления уголовно-процессуальных принципов и механизма их реализации, системы гарантий прав участников уголовного судопроизводства, системы средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам. Сформулированные выводы, предложения и рекомендации будут полезными в правоприменительной деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование, и судов, а также могут стать основой для проведения экспертизы законопроектов в сфере уголовно-процессуального права на предмет качества регламентации отдельных правил доказывания. Их использование возможно также в системе профессиональной подготовки и повышения квалификации сотрудников судебных и правоохранительных органов, в процессе преподавания учебных дисциплин «Уголовный процесс», «Теория судебных доказательств» в высших учебных заведениях по специальности «Юриспруденция», при разработке программ общих и специальных курсов для бакалавров, магистров, специалистов.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования осуществлены на заседании кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института государства и права Байкальского государственного

университета, а также на восемнадцати научно-практических конференциях и круглых столах международного, всероссийского, межрегионального и межвузовского уровня, состоявшихся в Иркутске (2012-2021 гг.), Самаре (2015 г.), Екатеринбурге (2015 г.), Томске (2016 г.), Краснодаре (2018 г.), Волгограде (2020 г.).

Основные результаты диссертационного исследования изложены в 19 опубликованных работах общим объёмом 5,4 а.л., в том числе 6 научных статей в журналах, включенных в перечень, рекомендованный ВАК Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс Иркутского национального исследовательского технического университета, Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, Бурятского государственного университета, а также в практическую деятельность Иркутского областного суда, районных (городских) судов и мировых судей г. Иркутска и Иркутской области, что подтверждается актами о внедрении.

Достоверность и научная обоснованность достигнутых результатов обеспечены использованием методов научного познания с опорой на судебную практику международных и национальных судов, а также на результаты интервьюирования практических работников.

Структура исследования обусловлена его целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих девять параграфов, заключения, списка используемых источников и приложений.

ГЛАВА 1. ПРАВОВЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1. Понятие, сущность и виды презумпции, генезис формирования понятия правовой презумпции в теории уголовного процесса

Процесс доказывания всегда являлся и продолжает оставаться центральной проблемой уголовного судопроизводства, с которой связано большинство вопросов современной уголовно-процессуальной деятельности. Познавательный характер процесса доказывания предполагает использование множества приемов, среди которых наибольшей сложностью и значимостью выделяется прием презюмирования.

Этот прием юридической техники достаточно полно представлен в отечественном законодательстве¹. Вместе с тем и в юридической науке, и в теории уголовно-процессуального права, где представлено множество определений законной или правовой презумпции, отражающих различные свойства исследуемого понятия, не сложилось однозначного подхода к пониманию ее сущности. Указанное положение искажает смысловое содержание дефиниции правовой презумпции и приводит к тому, что некоторые авторы и практикующие юристы называют презумпциями нормы права, которые в действительности законными предположениями не являются². В данной главе автором диссертационного исследования раскрыты понятие, значение и основные элементы содержания (свойства) правовой презумпции как приема юридической техники, оказавшего влияние на формирование и

---

¹ См.: Презумпции так или иначе закреплены в ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ, ст. 20 ГК РФ, п. 5 ст. 10 ГК РФ, ст. 48 СК РФ, п. 6 ст. 108 НК РФ и др.

² К примеру, *О.В. Левченко* рассматривает презумпцию равенства всех видов доказательств по уголовному делу, притом что опровержение данной «презумпции» невозможно в силу ст. 17 УПК РФ. См.: *Левченко О.В.* Презумпция равенства всех видов доказательств по уголовному делу // Вестник АГТУ. 2007. №5. С. 190-193. Кроме того, данный факт неоднократно отмечался в литературе, признавалось наличие квазипрезумпций (ложных обобщений): *Бабаев В.К.* Презумпции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. *Каранина Н.С.* Сущность правовой презумпции: определение понятия «презумпция» в современной теории права и российском законодательстве; признаки правовой презумпции // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 214.

развитие современного российского уголовно-процессуального законодательства, выявлены и проанализированы правовые презумпции, действующие в современном уголовно-процессуальном законе и сформулированные международной судебной практикой.

Презумпция – заимствованное понятие, пришедшее в систему российского права и в русский язык в процессе рецепции римского права.

В Латинско-русском словаре И.Х. Дворецкого следующим образом определяется глагол *praesumo*: 1) брать вперед, принимать наперед или заранее, запастись терпением, 2) заранее предвкушать, наперед представлять себе, заранее воображать, предугадывать, предчувствовать, ожидать, предполагать, 3) быть самонадеянным, зазнаваться¹.

Понятие «презумпция» происходит от латинского слова *presumption* и означает предположение, первоначально в римском праве понималось как «вперед взять» или «принять», в широком смысле оно значило: верить, думать, полагать, держаться чего-либо без доказательства.

Другой латинско-русский словарь предлагает иные определения анализируемого понятия. Так, термину «презумпция» придаются следующие значения: 1) преждевременное пользование, заблаговременное использование; 2) предположение, ожидание, надежда, чаяние; 3) ритор, предвосхищение возражений, заблаговременное их опровержение; 4) предубеждение; 5) упорство².

Авторы толкового словаря определяли термин «презумпция» как «предположение, основанное на вероятных посылках»³. Согласно словарю С.И. Ожегова, презумпция – это «предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное»⁴.

---

¹ См.: *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 2000. С. 612.

² См.: Латинско-русский словарь / под общ. ред. *С.И. Соболевского*. М., 1949. С. 802.

³ Толковый словарь русского языка. М., 1939. С. 345.

⁴ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1989. С. 472.

«Большой юридический словарь» дает определение презумпции как «предположение, признаваемое достоверным, пока не будет доказано обратное»¹.

В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона презумпция рассматривается как «положения, устанавливающие наличие фактов или событий без полного доказательства их существования»².

Следует отметить, что русское слово «предположение» по своему смысловому содержанию не тождественно понятию *praesumptio*. Данный факт отмечал еще Г.Ф. Дормидонтов, указывая, что как немецкое слово *Vermuthung*, так и русское «предположение» технически совпадают с ним, но полностью его не охватывают, поскольку при переводе древнеримских источников *praesumptio* очень часто можно перевести как «наперед желать», «предвидеть», «догадываться», «решиться на что-либо», на языке составителей Юстинианова свода *praesumere* часто значило «иметь дерзость», «осмелиться», «отважиться»³. В связи с этим в работе наравне с терминами «презумпция» и «правовая презумпция» будет также использоваться понятие «законное предположение».

Логическая структура презумпции в литературе описывается по-разному. Так, М.А. Дрягин логическую структуру законного предположения рассматривает так: «Если есть А, то, весьма вероятно, есть и В (большинство А есть В)»⁴. Таким образом, презумпция состоит из двух фактов: А (логическая посылка) и В (презюмируемый факт), на основании первого можно судить о существовании второго. Согласно А.В. Смирнову, логическая структура презумпции сложнее, автор описывает трехчастную структуру: «При

---

¹ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1999. С. 535.

² Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. В 82 т. Т. 49. Ярославль, 1992. С. 52.

³ См.: Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895. С. 23.

⁴ Дрягин М.А. Презумпция невиновности в российском уголовном судопроизводстве: дис ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 15.

презумировании достоверного установления или констатации в ходе доказывания требует не сам искомый факт А, а лишь факт В, провоцирующий приведение презумпции в действие. Доводы С, направленные на опровержение презюмируемого положения А, могут иметь либо достоверный, либо (реже) в той или иной степени вероятностный характер»¹. Представляется, что структура, описанная В.И. Смирновым, более приближена к сущности процессуальной презумпции, поскольку предусматривает процесс опровержения искомого факта. Однако логическое содержание презумпции – это умозаключение, сделанное индуктивным способом (от частного к общему), предпосылками которому послужил ряд сходных явлений и действий, при неоднократном повторении которых результат остался одинаковым.

Презумпция никогда не являлась исключительно юридическим термином и до сих пор широко применяется в других отраслях научного познания. Существование самостоятельной особой правовой проблемы презумпций связано с результатом их использования в доказывании. Так, по вполне обоснованному мнению В.И. Каминской, выделение вопроса о презумпциях в самостоятельную проблему происходит в силу того, что этот прием свойственен всякой когнитивной деятельности, однако в правовой сфере вызывает специально юридические, а не только гносеологические последствия².

С позиции юридической техники Т.К. Кашанина предлагает два определения презумпции: 1) «признание установленным неизвестного или неточно выявленного факта индуктивным путем, основываясь на другом факте, известном или вероятном с точки зрения статистики или психологии»; 2) «предположение о наличии или об отсутствии предметов, фактов, основанное на связи между ними, подтвержденное жизненной практикой»³.

В правовой науке термин «презумпция» рассматривается как предположение о наличии или отсутствии какого-либо факта при наличии

---

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. М., 2020. С. 256.

² См.: Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., 1948. С. 3.

³ Кашанина Т.К. Юридическая техника: учебник. М., 2008. С. 184.

определенной типичной ситуации, иными словами, *praesumptio pexeo quod plerumque fit* (термин «презумпция» проистекает из того, что происходит обычно, много раз). В.И. Каминская в этой связи замечала: «Презумпция в широком понимании этого слова, точно так же как и правовая презумпция, – это положение, формулирующее какое-либо наиболее обычное, наиболее часто встречающееся отношение»¹. Аналогичного мнения придерживается и Ф.Г. Шахкелдов: «Характерная особенность презумпции состоит в том, что, благодаря длительным наблюдениям, выявляется устойчивая связь между фактами, то есть при появлении одного факта существование другого факта, связанного с ним, предполагается, презюмируется и не требует особого доказательства»².

Исследовательский интерес вызывает определение термина «презумпция», данное В.К. Бабаевым: «Правовая презумпция – это закрепленное в законе правило, предполагающее наличие или отсутствие фактов до представления доказательств противного (опровержения презумпции) или запрещающее их опровержение (неопровержимая презумпция). Это правило применяется лишь при достоверном установлении факта (принятии акта), с которым закон связывает действие презумпции. Правовая презумпция учитывает реальные связи и зависимости и потому правильно отражает подавляющее большинство ситуаций, на которые рассчитана»³. Таким образом, В.К. Бабаев рассматривал искомое понятие как предварительное знание, достоверность которого подтверждается или опровергается при дальнейшем процессе доказывания, а также указывает на то, что заблаговременная уверенность в предварительном знании складывалась исторически и длительный период времени.

По мнению С.С. Алексеева, все без исключения средства и приемы

---

¹ См.: Каминская В.И. Указ. раб. С. 5.

² Шахкелдов Ф.Г. Концептуальные аспекты презумпции невиновности в уголовном процессе: генезис и тенденции совершенствования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 13.

³ Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. С. 3.

юридической техники вырабатываются прежде всего на практике¹. Данная точка зрения поддерживается исследователями в иных отраслях права. Так, Б.А. Булаевский рассматривает правовую презумпцию в качестве модели юридически значимого явления, основанного на достоверных данных, а также обладающего свойством модельной точности. На взгляд автора, это, с одной стороны, позволяет использовать правовую презумпцию без дополнительных проверок, с другой стороны, неполное соответствие юридически значимого обстоятельства сконструированной модели дает возможность опровержения сформулированного правила².

Таким образом, в теории сложилось однозначное суждение, что законодатель не является автором презумпции, он лишь провозглашает ее и делает общеупотребительным и обязательным для исполнения правилом; истинным источником презумпции является практическая деятельность определенной общности людей, исторический путь которых сложился таким образом, что в итоге было сформулировано используемое в доказывании юридически значимое предположение, основным признаком которого является признание его опровержимости.

Однако для теории уголовного процесса в дополнение к представленному суждению об истоках правовых презумпций характерны рассуждения о социальной значимости и нравственном содержании законных предположений. Так, по мнению З.З. Зинатуллина, основной целью использования правовых презумпций следует признать не столько процессуальную экономию и процессуальную эффективность, а их нравственное значение, которое «заключено в их простой констатации, их социальной значимости, вере в них, а потому и необходимости их использования в уголовно-процессуальном доказывании без каких-либо сомнений»³. Также и Н.Н. Полянский называл презумпцию невиновности непререкаемым началом, важным постулатом

---

¹ См.: *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права. Свердловск, 1966. С. 156.

² *Булаевский Б.А.* Функции правовых презумпций // Журнал российского права. 2011. № 3. С. 40.

³ *Зинатуллин З.З.* Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск, 2003. С. 211.

уяснения и соблюдения основ судебной этики¹. Следует признать справедливость данного утверждения, с той лишь оговоркой, что для уголовного судопроизводства как для отрасли публичного права всегда «болезненным» являлся вопрос состязательности и равноправия сторон², именно из-за этого в литературе всегда уделялось большое внимание социальному назначению и нравственному содержанию правовых презумпций в уголовном процессе, и в первую очередь презумпции невиновности³. Однако следует отметить, что никаких принципиальных особенностей в содержании и логическом построении уголовно-процессуальных презумпций нет. Данный вывод подтверждается анализом отдельных уголовно-процессуальных презумпций, представленным в тексте данного диссертационного исследования.

Все исторически сформулированные законные предположения отличаются по своему содержанию, но однообразны по механизму действия. Если рассмотреть основные правовые презумпции, наличие которых практически не оспаривается в литературе (презумпция отцовства, презумпция истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда, презумпция невиновности), можно с уверенностью утверждать, что все они ориентированы на охрану различных интересов. При этом в одном случае

---

¹ См.: *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного судопроизводства. М., 1956. С. 175.

² См., напр.: *Барабаи А.С.* Вклад Ивана Яковлевича Фойницкого в определение места состязательности в российском уголовном процессе // *Российское правосудие.* 2008. № 3. С. 102–104; *Головки Л.В.* Идеи М. С. Строговича и современность: переосмысливая принцип состязательности // *Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича.* М., 2020. С. 5–13; *Конин В.В.* Некоторые проблемные вопросы состязательности и равноправия в уголовном процессе // *Пробелы в российском законодательстве.* 2008. № 1. С. 354–355; *Корнакова С.В.* Состязательность условие равноправия сторон в уголовном судопроизводстве // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2009. № 1 (7). С. 92–97.

³ См., напр.: *Цыбулевская О.И.* Презумпция невиновности: нравственный аспект // *Юридическая техника.* 2010. № 4. С. 571–573; *Дершиев Ю.В., Мурашкин И.Ю.* Принцип презумпции невиновности: теория, противоречия реализации и пути их нейтрализации // *Научный вестник Омской академии МВД России.* 2012. № 2. С. 44–48; *Цыбулевская О.И., Омариева А.Н.* Презумпция невиновности: аксиологическое измерение // *Вестник ПАГС.* 2015. № 4 (49). С. 51–57.

объектом их защиты является порядок государственного устройства (презумпция истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда), а в другом – интересы участников процесса (презумпция невиновности). Однако механизм правового регулирования всех перечисленных презумпций одинаков, и фактически его основой является главный постулат презумпции добропорядочности (*ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat* – кто обвиняет, тот и должен доказать). Так, при рассмотрении вопросов, затрагивающих интересы менее защищенных участников правоотношений, не обладающих, к примеру, правом собирать доказательства, бремя доказывания возлагается на сторону, которая находится в более «сильном» положении (кто обвиняет, тот и должен доказать), с другой стороны, участник, несогласный со вступившим в законную силу приговором, обязан в установленном законом порядке подать жалобу и представить в суде доводы, на основании которых суд кассационной и надзорной инстанции мог бы прийти к выводу о незаконности и неистинности приговора.

И если признается, что правовая презумпция конструируется в процессуальном законодательстве для защиты прав и интересов, то логично предположить, что в рамках доказывания эта защита будет связана с распределением бремени доказывания и возложением бремени доказывания на конкретного участника процесса. Этой же позиции придерживается А.В. Смирнов, по мнению которого, «смысл и назначение презумпций состоит в распределении бремени доказывания, которое есть возложение на сторону неблагоприятных юридических последствий недоказанности ею того или иного факта»¹. Таким образом, распределение бремени доказывания является важнейшим признаком (свойством) правовой презумпции в уголовном судопроизводстве. Кроме того, можно предположить, что основой всех уголовно-процессуальных презумпций является презумпция добропорядочности, главным постулатом которой является правило о

---

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. М, 2020. С. 257.

возложении обязанности доказывания на того участника, который не согласен с презюмируемым положением.

Сама природа юридических предположений представляет собой весьма сложный предмет изучения. Это прием юридической техники, характеризуемый как отклонение от нормального порядка доказывания или как «суррогат доказательства»¹. Есть некие события и факты, имеющие юридическое значение, с которыми норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Однако эти события и факты не всегда можно установить с должной степенью достоверности. Именно в таких случаях законодатель и прибегает к помощи презумпций: он устанавливает предположение, которое будет считаться истинным вплоть до его опровержения. В свою очередь не опровергнутое никем предположение признается единственно верным².

Исследуя юридическую природу вероятности и ее взаимосвязь с предположением, Д.И. Мейер рассуждал о том, что достаточно часто существование определенных фактов для нас вероятно, однако отсутствует возможность установить их несомненность. И поскольку «вероятность в отдельном случае никогда не исключает возможности факта невероятного; обнимая большинством фактов какой-либо категории, вероятность не дает никакого ручательства за принадлежность представляющегося факта именно к большинству, а не к меньшинству, хотя каждый раз эта принадлежность весьма вероятна. Признание факта существующим по вероятности, что он существует, и называется предположением»³.

Данное замечание является более чем справедливым, поскольку при использовании правовой презумпции в доказывании по уголовному делу всегда существует законодательно установленная возможность с ее помощью

---

¹ См.: *Фетисов А.К.* Неопровержимые презумпции в праве России // Юрист. 2005. № 6. С. 6.

² См.: *Каландаршвили Х.А.* К вопросу о терминологическом анализе и видах уголовно-процессуальных презумпций // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 1 (7). С. 5.

³ *Мейер Д.О.* юридических вымыслах, предположениях, скрытых и притворных действиях. Казань, 1854. С. 31.

установить не соответствующий объективной действительности факт, который может лечь в основу приобретения участником уголовного судопроизводства такого состояния, которое не соответствует действительности. В связи с этим некоторые авторы не раз высказывали свое негативное отношение к правовым презумпциям. В частности, В.Д. Спасович считал, что «юридические презумпции суть вообще зло, которого следует всячески избегать. Законоведение опирается на костыли, называемые предположениями, только тогда, когда оно не в состоянии разрешить вопрос прямо и естественно, а должно разрубить его наугад и искусственно»¹. Другой теоретик, Р. Лукич, противопоставлял законное предположение (презумпцию) материальной истине. По его мнению, формальный способ доказывания не способствует достижению материальной истины, а презумпция используется для того, чтобы избежать трудного и сложного доказывания, считая доказанным то, что считается обычным и наиболее вероятным². Ю.К. Орлов называл презумпции «методом принятия решений за неимением лучшего, когда просто нет другого выхода»³.

Негативное отношение к правовым презумпциям как к «неизбежному злу», на наш взгляд, несправедливо. Правовые презумпции позволяют существенно ускорить процесс доказывания, делают его более эффективным и экономным, притом что их наличие в законе позволяет участникам отстаивать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве.

Безусловно, невозможно отрицать, что если сторона, на которую было возложено бремя доказывания, не сможет опровергнуть правовую презумпцию, в процессуальном документе будут установлены обстоятельства, не соответствующие действительности. Так, в случае, если следователем или дознавателем собрано недостаточное количество доказательств по делу, либо

---

¹ Спасович В.Д. Обзор решений гражданского кассационного департамента правительствующего Сената, по вопросам гражданского и торгового права // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. Кн. 2-март. С. 177.

² См.: Лукич Р. Методология права. М., 1981. С. 213.

³ Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000. С. 97.

при возникновении у присяжных заседателей разумных сомнений в достаточности представленных доказательств лицо, совершившее преступление, должно быть признано невиновным по делу. Однако может ли современный уголовный процесс обойтись без них? По нашему мнению, нет. Современное уголовное судопроизводство, основанное на принципе состязательности, не может безусловной и достижимой целью признавать установление объективной истины по делу. По справедливому замечанию А.С. Емузова, доктрина объективной истины фактически нивелирует главный постулат состязательности – принцип равноправия сторон¹, эту позицию поддерживали и поддерживают иные авторы².

Все-таки правовые презумпции не всегда защищают исключительно «неблагонадежных» участников уголовного процесса (презумпция невиновности, презумпция в пользу освобождения). Правовые презумпции иногда стоят и на защите государственного порядка. Так, К.К. Панько, рассматривая презумпцию знания закона (*ignorantio non est argumento*), совершенно справедливо указывает – презумпция знания закона обеспечивает стабильность правопорядка, «даже наличие исключительных обстоятельств, при которых лицо не могло знать опубликованный закон, не охватывается общей формулой знания закона и не является основанием освобождения от уголовной ответственности при совершении преступления»³.

Таким образом, следует признать, что обязательным свойством правовой презумпции является вероятностный результат ее действия, который может не соответствовать объективной действительности. Однако подобная вероятность

---

¹ См.: Емузов А.С. Приоритет достижения юридической истины перед иными целями доказывания в условиях состязательности // Адвокатская практика. 2004. № 4. С. 11.

² См., напр.: Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 1991. С. 97; Карякин Е.А. Взгляд на состязательное уголовное судопроизводство сквозь призму процессуальной формы // Уголовное право. 2005. № 4. С. 68–69; Грешнова Н.А. Проблема реализации принципа состязательности в рамках установления истины в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 122-128.

³ Панько К.К. Презумпции в уголовном праве и процессе, их значение и классификация // Вестник Воронежского государственного университета. №с1 (14). С. 312.

существует только в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения субъектом доказывания возложенных на него обязанностей. С другой стороны, использование правовых презумпций в уголовном судопроизводстве дает возможность оптимизировать судебное разбирательство, освобождая сторону от представления доказательств, обойти процессуальные тупики, уравнивать процессуальные возможности сторон, в случае когда только одна из них обладает возможностью собирать и проверять доказательства.

Представляется, что названные в литературе особенности уголовно-процессуального познания, такие как необходимость принятия решения по делу и ограниченность процесса доказывания процессуальными сроками¹, как раз и вынуждают законодателя и правоприменителя пользоваться правовыми презумпциями. Именно необходимая эффективность, результативность и, как следствие, вынужденная процессуальная экономия доказывания в уголовном судопроизводстве являются основной причиной наличия не только презумпций, но и межотраслевой преюдиции и фикции в российском уголовном судопроизводстве.

Следует заметить, что вопрос эффективности правовой презумпции фактически не исследован в теории уголовно-процессуального права, но рассматривается в теории права. Так, более чем справедливым необходимо признать высказывание М.П. Прониной об эффективности презумпции как об обязательном, постоянном ее свойстве, выражающемся в соотношении цели закрепленного в норме права презюмируемого положения, средств ее достижения и полученных результатов².

Таким образом, презумпция – это в первую очередь способ экономии мышления³, представленный в уголовном судопроизводстве в виде приема

---

¹ См.: Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М, 2009. С. 8.

² См.: Пронина М.П. Эффективность правовых презумпций: понятие, критерии // Юридический мир. 2010. № 7. С. 53.

³ Субъективно-идеалистическое положение, по которому критерий истины всякого познания состоит в достижении максимума знаний с помощью минимума познавательных средств. Введен этот принцип австрийским философом и физиком Махом Эрнстом («Принцип

юридической техники. Использование этого приема в доказывании обусловлено, во-первых, необходимостью четкого разграничения обязанностей сторон, во-вторых, возможностью принятия процессуального решения в любом случае. Указанный прием укоренился в уголовном процессе, поскольку для разрешения спора и регулирования правоотношений конкретный вывод необходим, этот вывод ложится в основу процессуального решения и подкрепляется мерами государственного воздействия.

Большой массив законных предположений как в законодательстве, так и в правоприменительной практике указывает на необходимость дифференциации правовых презумпций по различным основаниям.

В настоящее время в литературе выделяется множество классификаций презумпций. Прежде всего используемые в праве презумпции подразделяются на фактические (естественные) и законные, которые в свою очередь делятся на опровержимые и неопровержимые. Подобное деление укоренилось в науке уголовно-процессуального права еще в XIX в. Так, И.Я. Фойницкий выделял презумпции законные (легальные) и естественные. Под естественными презумпциями он понимал выводы, «дедуктивно сделанные из общей предпосылки, составляющей логическую аксиому или закон природы, предположение из обычного хода вещей ... (Не то, чтоб доказательства не могли быть представлены, мы лишь воздерживаемся от их представления за ненужностью)¹. К указанному виду презумпций автор относит презумпцию истинности и целесообразности норм права. Фактические презумпции выделяют и советские², и современные авторы³, основным и принципиальным различием между фактическими и законными презумпциями остается их закрепление в законе. При этом совершенно необязательным является

сохранения работы», 1872) и Авенариусом («Философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей траты сил», 1876 г.);

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: Т. 2. СПб., 1910. С. 180–181.

² См.: Васильев Л.М. Фактические презумпции в советском уголовном судопроизводстве. Краснодар, 1977. С. 4.

³ См., напр.: Зинатуллин З.З. Указ. раб. С. 211; Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М, 2009. С. 119.

закрепление законного предположения под заголовком «презумпция», в этом смысле принцип презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве является скорее исключением из правил. Так, непоименованными в законе сегодня остаются презумпция истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда, презумпция в пользу освобождения, а также все многочисленные правовые презумпции, выделяемые в уголовном праве¹.

Под законными презумпциями, по справедливому замечанию И.Я. Фойницкого, следует понимать «предписания закона, требующие, чтобы известным указываемым им обстоятельствам было придаваемо значение доказательств других обстоятельств»². Данные презумпции в свою очередь, по мнению автора, подразделяются на абсолютные (неопровержимые, *praesumptio juris et de jure*³) и относительные (опровержимые, *praesumptio juris*⁴) и действуют вплоть до представления доказательств обратного.

Неопровержимая презумпция как метод правового регулирования характерна в большей мере для формальной теории доказательств. Так, В.И. Каминская приводила следующий пример ст. 154 французского кодекса (Coded`instruction criminale): «Никому не разрешается под страхом недействительности оспаривать при помощи свидетельских показаний содержание протоколов или донесений чиновников судебной полиции, которым закон предоставил право констатации поступков и нарушений»⁵. Приведенное правило презюмирует истинность документа, составленного указанным в законе лицом. В настоящее время основные споры относительно неопровержимых презумпций ведутся по двум вопросам: 1) можно ли относить неопровержимую презумпцию к законным предположениям (правовым

---

¹ См.: Тарасенко В.В. Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид наук. Краснодар, 2017. С. 4.

² Фойницкий И. Я. Указ. раб. С. 180-181.

³ Юридическая презумпция, относящаяся к праву, неопровержимая презумпция // Латинская юридическая фразеология. М., 1979. С. 202.

⁴ Там же.

⁵ Каминская В.И. Указ. раб. С. 5.

презумпциям); 2) презумпция знания закона – опровержимая или неопровержимая презумпция?¹

Представляется, что неопровержимая презумпция – это правило, в соответствии с которым обстоятельство признается окончательно доказанным в силу установления другого факта. Следует отметить, что неопровержимое законное предположение презумпцией не является, а представляет собой иной прием юридической техники – правовую фикцию, поскольку рассматривать ее через категорию вероятности (свойство правовой презумпции) невозможно. Впрочем, иное мнение относительно неопровержимой презумпции высказывает А.В. Смирнов, утверждая, что отождествление правовой фикции с неопровержимой презумпцией – «лишнее удвоение понятий, ибо единственная роль презумпций состоит в таком распределении в процессе правоприменения бремени доказывания, при котором в принципе всегда остается возможность их опровержения»². Таким образом, автор не считает обоснованным ни выделение неопровержимых презумпций в отдельный вид законных предположений, ни отнесение неопровержимых презумпций к правовым фикциям. На наш взгляд, данное деление правовых презумпций необходимо учитывать в рамках научного дискурса о приемах юридической техники в уголовном процессе, поскольку с помощью данной классификации можно продемонстрировать сущностную взаимосвязь правовой презумпции и правовой фикции.

Современная правовая наука признает еще один способ дифференциации правовых презумпций. Согласно функциям, выполняемым ими в процессе правового регулирования, законные предположения можно подразделить на материальные (основная цель – установление юридического факта) и процессуальные (основная цель – определение бремени доказывания).

Следует отметить, что современные отечественные исследователи при определении вида правовых презумпций по данной классификации в первую

---

¹ См.: Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В. Опровержима ли неопровержимая правовая презумпция? // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 87–95.

² Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М., 2018. С. 210.

очередь исходят из нормативно-правового акта, в котором закреплено законное предположение. Данная позиция представляется более чем обоснованной, однако возникает соответствующее затруднение при рассмотрении правовых презумпций, закрепленных, к примеру, в иных федеральных законах, кроме УПК РФ и УК РФ, либо сформулированных Пленумом Верховного Суда РФ. В подобной ситуации необходимо исходить как раз из сущностных признаков, разработанных в теории уголовного права и процесса, поскольку содержание и сущность материальных и процессуальных презумпций весьма различна. Так, для материальных презумпций не характерен признак наличия правила о распределении бремени доказывания. Вообще исследование правовых презумпций в уголовном праве в настоящее время представляет собой отдельное самостоятельное учение, в рамках которого сформирован собственный отраслевой подход к материальным презумпциям. Так, по мнению Ю.Г. Зуева, «материально-правовой аспект презумпций выражается в том, что они представляют собой регламентированное в уголовном законе предположения о наличии (отсутствии) юридически значимого факта, влекущего: а) существование материальных и проявление, развитие соответствующих процессуальных правоотношений; б) конкретизацию правового значения отдельных обстоятельств дела; в) предопределение уголовно-правовой оценки преступных действий»¹. В.В. Тарасенко в своем диссертационном исследовании предлагает не только конкретный список признаков, отражающих сущность уголовно-правовых презумпций, но и их исчерпывающий перечень в российском законодательстве².

В вопросе о дифференциации правовых презумпций на материальные и процессуальные в отечественной правовой науке наиболее обоснованной, на наш взгляд, остается позиция, сформулированная В.И. Каминской: «Если условное принятие за истину не составляет непосредственного содержания

---

¹ Зуев Ю.Г. Уголовно-правовые презумпции: понятие, признаки и виды // Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. Н.Новгород, 2000. С. 331.

² См.: Тарасенко В.В. Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид наук. Краснодар, 2017. С. 4.

нормы, а является лишь основанием для установления в правовой норме какого-либо обязательного порядка отношений между людьми, то мы имеем дело с материальной презумпцией... Если же какое-либо обстоятельство, представляющееся законодателю вероятным или из каких-либо иных соображений юридически принимаемое им за истину, составляет содержание правовой нормы, регулирующей процессуальный вопрос о том, что считать доказанным, – мы имеем процессуальную презумпцию»¹. Сходного мнения придерживается М.П. Пронина, которая пишет, что юридико-практическое значение правовых презумпций состоит в том, что «в одном случае презумпции освобождают участников судебного процесса от доказывания определенных фактов, признаваемых законом как существующих, исходя из определенной степени их вероятности. При использовании презумпций суд устанавливает только закрепленный в гипотезе презумптивной нормы наличный факт, связанный с фактом презюмируемым, выступающий в качестве основы решения и, как следствие, влекущий определенные материально-правовые последствия. В другом случае презумпция распределяет бремя доказывания, указывая на то, кто и каким образом опровергает презюмируемый факт, что позволяет устранить споры, ускорить по ним разбирательство, принять законное и обоснованное решение»².

Так, например, в литературе выделяются характерные признаки процессуальных презумпций: «1) они возникают в процессе разрешения социальных конфликтов; 2) в их основе лежит опыт разрешения социальных конфликтов; 3) они всегда публичны, поскольку все виды судопроизводства осуществляются от имени государства; 4) они формируют отношения власти и подчинения; 5) цель включения их в Конституцию и процессуальные законы – оптимизация процесса; 6) они отличаются особой процессуальной формой выражения; 7) они характеризуются специфическим правовым режимом

---

¹ Каминская В.И. Указ. раб. С. 50.

² Пронина М.П. Эффективность правовых презумпций: понятие, критерии // Юридический мир. 2010. № 7. С. 53.

обеспечения законности»¹.

Таким образом, можно сделать общий вывод, что если с помощью правовой нормы сформулировано правило о распределении бремени доказывания, презумпция является процессуальной; если же имеется императивный запрет или дозволение, на основании которого правоприменитель действует, перед нами презумпция материального характера. Так, лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, не должно отвечать за свои поступки ввиду неспособности понимать свои действия и руководить ими – материальная презумпция, а предположение об истинности вступившего в законную силу приговора (или иного решения), возлагающее бремя доказывания на участника, не согласного с этим судебным решением, – процессуальная презумпция. Таким образом, одним из основных свойств процессуальной презумпции остается распределение бремени доказывания, рассмотренное в работе ранее.

А.В. Смирнов в своем исследовании формальных средств доказывания предлагает совершенно новые для науки уголовно-процессуального права классификации правовых презумпций: односторонние и встречные презумпции (дифференциация в зависимости от распределения бремени доказывания между сторонами), связанные и несвязанные презумпции (дифференциация в зависимости от замены (либо отсутствия замены) первоначальной презумпции на противоположную), сильные и слабые презумпции (дифференциация в зависимости от продолжительности действия презумпции при ее опровержении)². Думается, что предложенные классификации являются новым направлением в исследовании теоретических положений о презумпциях и представляют собой концептуально новый взгляд на проблему использования приемов юридической техники в уголовном судопроизводстве.

---

¹ Колоколов Н.А. Роль презумпций в российском судопроизводстве // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 257; Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции / под ред. Н.А. Колоколова. М., 2012. С. 19.

² См.: Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М., 2019. С. 34, 40, 46.

Помимо указанных видов правовых презумпций, анализ конституционных и уголовно-процессуальных норм права позволяет сформулировать предположение о «парности» презумпции истинности вступившего в законную силу приговора суда и презумпции невиновности. Так, действие первой начинается в тот момент, когда прекращается действие второй. Указанный способ позволяет на законодательном уровне упорядочить процесс познания при расследовании и рассмотрении уголовного дела. Таким образом, данные презумпции являются парными и выступают своего рода «константами», постоянными величинами, с помощью которых следователь, дознаватель, прокурор и суд формируют внутреннее убеждение и достигают определенного познавательного результата. В свою очередь, презумпция в пользу освобождения не корреспондируется по времени действия с другими презумпциями и, соответственно, парной не является.

На основании обобщения представленных теоретических суждений и собственных выводов о правовых презумпциях следует перечислить их характерные свойства. Итак, правовые презумпции в уголовном судопроизводстве:

- 1) отражают повторяемость явлений, обстоятельств, жизненных процессов, приобретают характер закономерности;
- 2) обладают вероятностным характером и придают законный характер обстоятельствам, если не предложено доказательств обратного;
- 3) опровержимы;
- 4) распределяют бремя доказывания между сторонами;
- 5) способствуют процессуальной эффективности и экономии средств познавательной деятельности.

Таким образом, правовая презумпция в уголовном судопроизводстве – это прием юридической техники, существующий в виде законного предписания (при этом не обязательно именуемый в тексте закона презумпцией), который представляет собой предположение о фактах, подтвержденных или опровергнутых при расследовании и рассмотрении уголовного дела,

распределяющий бремя доказывания между сторонами. Использование правовой презумпции в уголовном судопроизводстве обусловлено особенностями уголовно-процессуального познания и служит эффективности и процессуальной экономии уголовного судопроизводства.

В литературе традиционно выделяются фактические и правовые презумпции. Деление правовых презумпций на опровержимые и неопровержимые необоснованно, поскольку неопровержимая презумпция не предусматривает возможности своего опровержения представленными доказательствами, следовательно, рассматривать ее через категорию вероятности (основной признак правовой презумпции) невозможно. Распределение бремени доказывания является сущностным признаком правовой презумпции в уголовном судопроизводстве и отличает ее как от материальных презумпций уголовного права, так и от других приемов юридической техники. Предложена собственная классификация парных и непарных правовых презумпций.

§ 2. Презумпция невиновности, история становления, сущность и значение для российского уголовного судопроизводства

В юридической литературе практически единодушным является мнение, что прообразом презумпции невиновности являлась древнеримская формула *praesumptio boni viri*¹, означавшая, что каждый субъект правоотношений заранее признается добросовестным, а утверждающий обратное обязан самостоятельно доказывать недобросовестность оппонента². В общем виде применительно к любой отрасли права презумпцию добросовестности можно охарактеризовать как состояние, при котором поведение любого субъекта

---

¹ См.: *Омельченко О.А.* Основы римского права. М., 1994. С. 100; *Абдрашитов В.М.* Принцип презумпции невиновности в России и современные тенденции в области прав человека // *Legal Concept*. 2012. № 1. С. 33; и др.

² См.: *Фойницкий И.Я.* Указ. раб. С. 245; *Даев В.Г.* Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982. С. 60.

правоотношений считается добросовестным, пока в установленном законом порядке не будет доказано иное¹.

Во времена Великой французской революции презумпция невиновности приняла вид общественно-политической идеи «третьего сословия» и уже в 1789 г. была закреплена в Декларация прав человека и гражданина (далее Декларация 1789 г.).

Свое первое законодательное воплощение в России она получила в период реформ Александра II. Значение Судебных уставов 1864 г. велико, а ст. 14 Устава уголовного судопроизводства (далее – УСС), гласившая, что «никто не может быть наказан за преступление или проступок, подлежащие судебному ведомству, иначе как по приговору надлежащего суда, вошедшему в законную силу»², стала символом состязательного и равноправного уголовного процесса. Так, по мнению О.В. Химичевой и Г.П. Химичевой, основное значение УУС 1864 г. «состоит в том, что оно дало новый импульс теоретической разработке презумпции невиновности выдающимися русскими юристами»³. В этой связи И.Я. Фойницкий отмечал, что «современный процесс исходит из предположения невиновности, в силу которого на обвинении лежит обязанность доказать все элементы как объективной, так и субъективной виновности, рассеяв всякое разумное сомнение в пользу невиновности»⁴.

Похожей позиции придерживались и другие ученые-правоведы⁵, к примеру, М.В. Духовский считал, что «в прежнем судебном процессе подсудимый – бесправный объект исследования. Теперь это, доколь его

---

¹ См.: подробнее: *Каландаршвили, Х.А.* Глава 12. Презумпция невиновности. Принципы современного российского уголовного судопроизводства: монография / под науч. ред. И.В. Смольковой. М., 2015. С. 206-220.

² Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 8: Судебная реформа. М., 1991. С. 118.

³ *Химичева О.В., Химичева Г.П.* О совершенствовании принципов уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 627.

⁴ *Фойницкий И.Я.* Указ. раб. С. 208.

⁵ См., напр.: *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах (общая часть). Харьков, 1988. С. 161; *Розин Н.Н.* в Хрестоматии по уголовному процессу России. М., 1999. С.157.

виновность не доказана, полноправный гражданин страны»¹. Таким образом, являя собой положение, обладающее огромным теоретическим значением, презумпция невиновности была не просто декларацией, но являлась реально действующим институтом. Так, по делу Каракозова, стрелявшего в императора Александра II, министр юстиции Д.Н. Замятин, поддерживавший обвинение в Верховном уголовном суде, отказался от обвинения одного из соучастников покушения – Кобылина в связи с недоказанностью вины в суде².

После Октябрьской революции пришедшие к власти большевики в одном из своих первых распоряжений (Инструкция Народного комиссариата юстиции РСФСР от 16 июня 1918 г.) сделали революционные трибуналы главным орудием в борьбе с контрреволюцией, саботажем и отменили для них какие-либо ограничения. И вплоть до принятия в 1958 г. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик³ презумпции невиновности не было места в законодательстве СССР. Однако несправедливо было бы утверждать, что одна из основополагающих гарантий прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве в течение 40 лет признавалась не имеющей практического значения декларацией формального характера. В 1940–1950-е гг. за презумпцию невиновности высказывались В.И. Каминская, Н.Н. Полянский, М.С. Строгович. В судебной практике также можно найти примеры толкования и применения презумпции невиновности. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 декабря 1946 г. по делу Калинина было указано, что «всякий обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке: по содержанию и духу советского закона не обвиняемый обязан доказывать свою невиновность, а органы обвинения обязаны доказывать правильность предъявленного обвинения»⁴. Так, Т.Ю. Вилкова указывает на широкое использование отдельных постулатов

---

¹ *Духовский М.В.* Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 165–166.

² Цит. по: *Звягинцев А.Г.* История российской прокуратуры (1722–2012). М., 2012. С. 199.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

⁴ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. 1946–1962. М., 1964. С. 47.

презумпции невиновности в судебной практике советского периода¹.

С другой стороны, были и те, кто высказывался категорически против презумпции невиновности. Например, А.И. Трусов писал: «Это запутанное, внутренне противоречивое невразумительное правило, которое непонятно не только гражданам, но внутренний смысл которого не могут вскрыть и опытейшие юристы»². Похожей позиции придерживался также В.С. Тадевосян³. М.А. Чельцов, отвечая на вопрос: «Какой реальный практический смысл может иметь теория, требующая считать невиновным гражданина, которого мы сами, как следователь и прокурор, привлекаем к ответственности или, как судья, предаем суду ввиду наличия достаточных доказательств его виновности?», – указывал: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, в своей деятельности исходят не из каких-либо презумпций, всегда затрудняющих отыскание истины, а из фактов, устанавливаемых по каждому конкретному делу с помощью точно перечисленных в законе средств доказывания, в порядке, точно определенном в законе»⁴.

Однако приходится признать, что в первой половине XX в. учение о презумпции невиновности признается лишним в научном дискурсе, из юридической литературы фактически исключается данное понятие. Так, Т.Г. Морщакова отмечает, что в 1968 г. «из уже отпечатанного в типографии тиража первого тома курса М.С. Строговича по советскому уголовному процессу была изъята страница, на которой автор аргументировал необходимость закрепления презумпции невиновности в действующем

---

¹ См.: *Вилкова Т.Ю.* Принцип презумпции невиновности в период действия УПК РСФСР 1923 года // *Юридическая наука.* 2016. № 6. С. 141–146.

² *Трусов А.И.* Основы теории судебных доказательств. М., 1960. С. 155.

³ См.: *Тадевосян В.С.* К вопросу об установлении материальной истины // *Советское государство и право.* 1948. № 6. С. 70.

⁴ *Чельцов М.А.* О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию // *Ученые записки Всесоюзного юридического заочного института: Вопросы уголовного процесса.* Вып. VI. М., 1958. С. 69.

законодательстве»¹. Иные авторы и сейчас пишут о том, что презумпция невиновности не нужна в современном законодательстве. Так, по мнению А.В. Агутина и Н.В. Агутиной, презумпция невиновности – это западноевропейская идея, и, как воззрение элиты, ошибочно воспринятая в ходе судебной реформы 1864 г.²

Вполне возможно, что негативное отношение к презумпции невиновности в советский период сложилось в связи с отсутствием достаточно разработанного теоретического базиса об особенностях построения и использования приемов юридической техники, в особенности в публичных отраслях советского права. В литературе этого периода, посвященной проблемам презумпций, можно встретить критику в адрес презумпции невиновности. Так, по мнению В. Т. Томина, «поднимая флаг презумпции, она таковой не является, ибо не содержит предположение, истинность которого подтверждается предшествующей практикой. Напротив, подавляющее большинство обвиняемых оказывалось виновным в совершении преступления... а подавляющее большинство граждан действительно невиновно в совершении преступлений»³. Сложности толкования термина «презумпция невиновности» признаются и В.М. Савицким: «Все дело в том, что презумпция невиновности – особого рода презумпция, которая лишь традиционно, по инерции, а может быть, и по причине отсутствия более точного слова именуется презумпцией, т. е. предположением, основанным на вероятном знании. В действительности же презумпция невиновности имеет характер утверждения, которое заведомо считается истинным без специального обоснования, пока не будет доказано обратное. В данном случае – что

---

¹ Морщакова Т.Г. Строгович Михаил Соломонович: 120 лет со дня рождения // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3. С. 17.

² См.: Агутин А.В., Агутина Н.В. Теоретические и нравственные основания принципов в современном отечественном уголовном судопроизводстве. М., 2009. С. 69.

³ Томин В.Т. Презумпция невиновности и советский уголовный процесс // Развитие науки и практики уголовного судопроизводства в свете требований Конституции СССР. М., 1978. С. 66.

обвиняемый виновен в совершении преступления»¹. В этой связи представляет интерес точка зрения С.В. Левчук, по утверждению которой, презумпция – это не убеждение, а теоретическое допущение, в основе которого лежит психологическая установка, а «любая попытка объективации этого принципа сталкивается с проблемой дуализма его правовой природы, что прямо противоречит требованию объективности любого принципа права»².

Однако существует противоположная позиция по данному вопросу, представляющаяся более логичной и обоснованной. Так, Н.Н. Полянский, критикуя подход М.С. Строговича, в 1956 г. писал, что презумпция невиновности имеет в своей основе именно предположение, что граждане – добропорядочные люди, и смысл ее в том, что обвиняемый предполагается невиновным³. Современные авторы также придерживаются мнения, что презумпция невиновности, как и любая традиционно признаваемая и давно используемая в практике презумпция, предполагает невиновность не конкретного подозреваемого и обвиняемого по уголовному делу, а вообще невиновность человека и тот факт, что совершение преступления не норма поведения в обществе. Так, с точки зрения З.В. Макаровой, в основе презумпции невиновности лежит предположение, что «любое государство, а тем более демократическое, исходит из того, что большинство его граждан добровольно соблюдают законы, не совершают правонарушений, уважают и не нарушают права, свободы, законные интересы граждан, а также охраняемые законом интересы общества и государства, заинтересованы в поддержании режима законности и правопорядка»⁴. По мнению О.В. Качаловой, «сущность презумпции невиновности заключается в том, что все граждане предполагаются добропорядочными и могут считаться виновными в совершении преступлений лишь при наличии определенных условий и в строго определенных законом

---

¹ Савицкий В.М. Презумпция невиновности. М., 1997. С. 26.

² Левчук С.В. Политико-правовая природа принципа «презумпция невиновности» // История государства и права. 2015. № 16. С. 11–16.

³ См.: Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 45.

⁴ Макарова З.В. Презумпция невиновности: прошлое и настоящее // Уголовная юстиция: связь времен // Избранные материалы международной научной конференции. 2012. С. 75.

момент»¹. Схожего мнения придерживается и Т.Ю. Вилкова признавая презумпцию невиновности «элементом общеправового статуса каждого гражданина»². Так, содержание рассматриваемого понятия заключается в распространении состояния (идеи) добропорядочности и законопослушности на всех без исключения людей до вступления в законную силу итогового решения о виновности или невиновности в отношении конкретного человека.

В настоящее время презумпция невиновности уже стала неотъемлемой частью как национального, так и международного законодательства. Так, ст. 11 Всеобщей декларации прав человека (далее – Декларация) устанавливает, что «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты»³, согласно ч. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – Пакт) «каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону»⁴, п. 2 ст. 6 Конвенции о защите прав и основных свобод (далее – Конвенция) закрепляет: «Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком»⁵.

Сегодня презумпция невиновности закреплена по меньшей мере в четырех нормативных актах (Конституции РФ, УПК РФ, КоАП РФ⁶, КТМ РФ¹).

---

¹ Качалова О.В. Презумпция невиновности // Уголовно-процессуальное право. М, 2021. С. 156.

² Вилкова Т.Ю. Презумпция невиновности - принцип уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 63.

³ Всеобщая декларация прав человека // Рос. газета. 1995. 5 апр.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁶ См.: Ст. 1.5 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Рос. газета. 2001. 31 дек.

Ст. 49 Конституции РФ провозглашает следующие постулаты презумпции невиновности:

- «1. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.
2. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.
3. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого».

Позднее на основе конституционной нормы была сформулирована ст. 14 УПК РФ и «многострадальное» понятие «презумпция невиновности» получило наконец законодательную прописку в названии данной статьи. Также в тексте УПК РФ было расширено содержание презумпции невиновности и добавлено еще одно положение: «4. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях».

Каждый из перечисленных постулатов презумпции невиновности имеет глубокий внутренний смысл и играет большую роль в защите прав и законных интересов обвиняемого. На взгляд И.Ю. Мурашкина, став результатом общественного развития общества, презумпция невиновности органично влилась в законодательство различных государств, в том числе и российское. Автор отдельно отмечает значимость презумпции невиновности для российского права как основополагающего принципа юридической практики².

Формула, устанавливающая невиновность обвиняемого до вступления в законную силу обвинительного приговора суда, имеет весьма широкое значение и выступает в качестве гарантии свободы и неприкосновенности личности. Только суд и никакой другой государственный орган не вправе вынести обвинительный или оправдательный приговор. Речь идет не только о конкретном органе власти, наделенном законодателем функцией разрешения

---

¹ См.: Ст. 315 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Рос. газета. 1999. 1-5 мая.

² См.: *Мурашкин И.Ю.* Эволюция принципа презумпции невиновности в российском и международном праве // История государства и права. 2014. № 13. С. 25-31.

дела по существу и осуществляющем правосудие, но и о праве подсудимого, предусмотренном ст. 47 Конституции РФ: «Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом». Только по приговору суда, процесс постановления которого детально регламентирован УПК РФ (гл. 39), лицо можно признать виновным и подвергнуть предусмотренному в этом приговоре наказанию.

Ч. 1 ст. 49 Конституции РФ и ч. 1 ст. 14 УПК РФ формируют общее положение презумпции невиновности, это ключевое положение реализуется в рамках уголовного судопроизводства. Вступление в законную силу обвинительного или оправдательного приговора завершает предыдущие стадии уголовного судопроизводства. В дальнейшем речь идет уже не о презумпции невиновности, поскольку вопрос о виновности и невиновности уже был решен вступившим в законную силу приговором суда, но о презумпции истинности вступившего в законную силу приговора суда.

Положение закона о возложении бремени доказывания виновности на сторону обвинения служит основой для главной аксиомы уголовного судопроизводства: доказывать обвинение обязан тот, кто его выдвинул. Это правило уравнивает стороны, изначально различные по своим возможностям. Таким образом, второй постулат презумпции невиновности (ч. 2 ст. 49 Конституции РФ) устанавливает обязанность следователя, дознавателя, прокурора доказать виновность подозреваемого и обвиняемого в совершенном преступлении и одновременно освобождает подозреваемого и обвиняемого от обязанности доказывать свою невиновность. Вследствие этого отказ подозреваемого и обвиняемого от дачи показаний не влечет репрессивных последствий. Этот отказ не может рассматриваться судом или стороной обвинения в качестве основания избрания в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения, не должен восприниматься как обстоятельство, отягчающее наказание, либо как попытка воспрепятствовать производству по уголовному делу, либо как подтверждение виновности обвиняемого. По справедливому мнению В.А. Лазаревой, введением такого распределения

обязанностей доказывания УПК РФ ставит перед стороной обвинения задачу научиться доказывать обвинение, не прибегая к помощи обвиняемого¹. Вместе с тем за обвиняемым всегда остается право участвовать в процессе доказывания по уголовному делу. Он вправе представлять доказательства, заявлять ходатайства о допросе свидетелей или производстве следственных действий, результатом которых может стать получение новых доказательств (ст. 47 УПК РФ).

По справедливому замечанию О.В. Макарова, «презумпция невиновности в ее истолковании Европейским Судом совпадает с содержанием ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ, а также с теоретическими разработками российских ученых, посвященных этой проблеме»². Презумпция невиновности включает в себя ряд правил, установленных международной судебной практикой, в том числе право не свидетельствовать против себя самого и право обвиняемого на молчание.

В Постановлении Европейского суда от 17 декабря 1996 г. по делу «Саундерс против Соединенного Королевства» (жалоба № 19187/91) установлено, что право на молчание и право не оговаривать себя, хотя они специально не упомянуты в ст. 6 Конвенции, являются общепризнанными международными правилами отправления правосудия, лежащими в основе понятия справедливости судебного акта. Смысл их заключается в защите обвиняемого от ненадлежащего принуждения со стороны обвинения. В указанном смысле это право тесно связано с презумпцией невиновности, содержащейся в п. 2 ст. 6 Конвенции³.

Также Европейский суд неоднократно высказывал свою позицию о комментариях и выводах должностных лиц относительно виновности или невиновности подсудимого. С одной стороны, правовая конструкция,

---

¹ См.: Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2011. С. 249.

² Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации. М., 2013. С. 215.

³ См.: Постановление ЕСПЧ от 17.12.1996 по делу «Саундерс против Соединенного Королевства» (жалоба № 19187/91) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

предусмотренная п. 2 ст. 6 Конвенции, выступая одной из гарантий справедливого разрешения уголовного дела, не может сводиться только к декларации основных принципов. Результатом ее действия является и строгий запрет на преждевременное выражение судом мнения о виновности лица, обвиняемого в совершении преступления; этот запрет также распространяется и на других должностных лиц, имеющих отношение к неоконченному предварительному расследованию, ввиду того что подобные заявления способствуют формированию преждевременного признания подозреваемого или обвиняемого виновным и опережают оценку фактов компетентными органами судебной власти. Никакие умозаключения и суждения о виновности лица в совершенном преступлении недопустимы как с позиции правопорядка, так и с позиции нравственности¹. Выводы стороны обвинения о виновности лица на досудебном производстве являются предварительными, а негативные последствия этих выводов, которые может претерпевать обвиняемый, имеют исключительно процессуальный характер и никакого отношения к наказанию как мере государственного воздействия иметь не могут. Таким образом, речь идет именно о выводах о виновности или невиновности лица, которые ложатся в основу принятых процессуальных решений.

С другой стороны, по мнению Европейского суда, необходимо делать различие между решениями или высказываниями должностных лиц, отражающими мнение о виновности лица, и высказываниями этих же субъектов, констатирующими лишь наличие подозрения. Первые нарушают презумпцию невиновности, тогда как вторые неоднократно признавались соответствующими духу ст. 6 Конвенции. Разрешение вопроса о том, нарушило ли высказывание должностного лица принцип презумпции невиновности, должен рассматриваться в контексте конкретных обстоятельств, в которых это

---

¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 29.01.2019 по делу «Стирманов против Российской Федерации» (жалоба № 31816/08) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

высказывание было сделано¹.

Так, в решении Европейского суда по делу «Аллене де Рибемон против Франции» от 10 февраля 1995 г. был также рассмотрен вопрос о соотношении принципа презумпции невиновности с правилом о свободном выражении своего мнения, предусмотренным ст. 10 Конвенции. В этой связи Европейский суд указал: ст. 6 (п. 2) Конвенции о защите прав человека не может препятствовать властям информировать общественность о введшихся уголовных расследованиях, но она требует, чтобы власти делали это сдержанно и деликатно, как того требует уважение презумпции невиновности².

В 2011 г. Европейским судом было принято решение по делу «Федоренко против России», в рамках которого были сформулированы важнейшие правила толкования презумпции невиновности. Так, согласно обстоятельствам дела заявитель жаловался, в частности, на незаконность содержания под стражей и отсутствие для этого достаточных оснований, несоблюдение требования безотлагательности рассмотрения кассационным судом его кассационной жалобы на постановление суда о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу и несоблюдение в отношении него принципа презумпции невиновности.

В результате рассмотрения дела Европейский суд пришел к следующим выводам: 1) постановление, на которое жаловался заявитель, было вынесено на следующий день после того, как заявитель был задержан сотрудниками милиции. Хотя в то время против него не было выдвинуто никаких официальных обвинений, его задержание и заключение под стражу являлись частью расследования и превратили его в лицо, «которому было предъявлено обвинение в совершении уголовного преступления» по смыслу п. 2 ст. 6. Конвенции. Оспариваемое заявление районного суда прямо связано с данным

---

¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 18.03.2010 по делу «Кузьмин против Российской Федерации» (жалоба № 58939/00) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление ЕСПЧ от 10.02.1995 по делу «Аллене Де Рибемон против Франции» (жалоба № 15175/89) [Электронный ресурс] // Европейская конвенция о защите прав человека. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461453/2461453.htm>. (дата обращения: 18.10.2014).

расследованием, поэтому п. 2 ст. 6 Конвенции применим в настоящем деле. Европейский суд также отметил, что в Постановлении от 28 апреля 2005 г. районный суд принял решение о применении к заявителю меры пресечения в виде заключения под стражей, поскольку он «совершил тяжкое уголовное преступление», за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет. Заявление не ограничивалось описанием «подозрения» в отношении заявителя, оно было представлено без всяких оговорок как установленный факт – заявитель причастен к совершению тяжкого преступления; 2) также Европейский суд заявил, что не может согласиться с доводом властей Российской Федерации о том, что «это была техническая ошибка», как заявил Московский городской суд при рассмотрении кассационной жалобы. В этой связи суд отметил, что кассационный суд не представил никаких объяснений относительно оснований, по которым он сделал соответствующий вывод. Суд кассационной инстанции также не указал, можно ли объяснить «ошибку», на которую он ссылался, некорректным цитированием слов судьи Б. районного суда, либо опечаткой при подготовке печатной версии постановления от 28 апреля 2005 г., либо какими-то иными причинами. Более того, кассационный суд не предпринял никаких попыток к изменению соответствующей формулировки постановления районного суда, не исправив тем самым обжалуемый недочет. В свете вышеизложенного Европейский суд принял решение о том, что формулировка постановления районного суда от 28 апреля 2005 г. и, в частности, его указание на то, что заявитель «совершил тяжкое уголовное преступление», в отсутствие вступившего в законную силу обвинительного приговора были равносильны признанию виновности заявителя и нарушили его право на презумпцию невиновности. Соответственно, имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции¹.

---

¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 20.09.2011 по делу «Федоренко против Российской Федерации» (жалоба № 39602/05) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Относительно особенностей толкования и развития второго постулата презумпции невиновности в практике Европейского суда можно сказать следующее. В настоящее время правило *onus probandi* в редких случаях может становиться и обязанностью стороны защиты. Так, по мнению А. А. Воронцова, М. В. Парфеновой, в международной практике презумпция невиновности не всегда защищает обвиняемого, в исключительных случаях она может становиться на сторону обвинения¹. В качестве примера авторы приводят выводы Европейского суда в решении по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства»² от 8 февраля 1996 г. и указывают, что иногда бремя доказывания частично может переходить и на сторону защиты, если без каких-либо объяснений (доводов) обвиняемого лица в пользу своей невиновности, хотя их и требует здравый смысл, факты очевидным образом свидетельствуют против него. При этом суд может делать умозаключения против обвиняемого из его неспособности вопреки здравому смыслу объяснить подобные обстоятельства: например, в случае отказа обвиняемого по делу о захвате заложника вразумительно объяснить свое пребывание в том же помещении, где содержался заложник. Кроме того, как указывает А. А. Воронцов, сегодня в России уже сформировался законодательный подход, предоставляющий возможность переноса бремени доказывания «законности происхождения незаконно полученной собственности, но в рамках гражданского, а не уголовного судопроизводства»³.

Третий постулат презумпции невиновности (ч. 3 ст. 14 УПК РФ) устанавливает, что все неустранимые сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу. Следует отметить тот факт, что Европейский суд, активно используя презумпцию невиновности, определяет содержание требования «доказанности вины обвиняемого» как необходимого условия

---

¹ См.: Воронцов А.А., Парфенова М.В. Перенос бремени доказывания законности происхождения собственности на обвиняемого // Законность. 2014. № 3. С. 48.

² См.: Постановление ЕСПЧ от 28.10.1994 по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (жалоба № 14310/88) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

³ Смирнов А.В. Презумпции и распределение бремени доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 2008. № 1. С. 60–68.

опровержения презумпции невиновности. Показательным в этом плане считается решение по делу «Бербера, Мессега и Хабардо против Испании»¹ от 6 декабря 1988 г., в котором отмечено, что по смыслу п. 2 ст. 6 Конвенции доказательства, положенные в основу вывода суда о виновности обвиняемого, должны соответствовать как требованию достаточности, так и убедительности².

В свою очередь, правило, касающееся неустранимых сомнений, которые должны трактоваться в пользу обвиняемого, исходит из того, что виновность лица, обвиняемого в совершении преступления, будет установлена объективно и все возможные сомнения так или иначе будут устранены. Однако в случае, если тщательная и полная оценка собранных по делу доказательств не порождает у следователя, дознавателя или суда уверенности относительно виновности обвиняемого, а возможности сбора дополнительной доказательственной информации нет, их обязанностью является прекращение уголовного преследования. Б.Т. Безлепкин вполне обоснованно по данному поводу замечал, что следователь выполняет эту обязанность, прекращая уголовное дело, а суд – вынесением оправдательного приговора³.

Представляет отдельный интерес вопрос о том, на какие обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании по уголовному делу, распространяется правило, установленное ч. 3 ст. 14 УПК РФ. Ответ на данный вопрос дал Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», указав, что «все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельные его составляющие (форма вины, степень и характер участия в совершении преступления, смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства и т. д.), толкуются в пользу подсудимого»⁴.

---

¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 06.12.1988 по делу «Бербера, Мессега и Хабардо против Испании» (жалоба № 10590/83) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

² См.: Проблемы развития процессуального права России. М., 2016. С. 117.

³ См.: *Безлепкин Б.Т.* Указ. раб. С. 52.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1. С. 4.

Так, наличие неустранимых сомнений в виновности подсудимого часто является основанием для вынесения оправдательных приговоров по делам частного обвинения¹. Безусловно, данное правило применяется и в иных случаях. Так, согласно приговору, Новичков обвинялся в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Во время судебного заседания подсудимый утверждал, что употребляет наркотики давно, приобрел наркотическое средство для личного употребления, а не с целью дальнейшего сбыта. Показания подсудимого подтверждались фактическими обстоятельствами дела, а также показаниями свидетелей. Кроме того, у подсудимого был изъят лишь один сверток. Доказательств, опровергающих доводы подсудимого и подтверждающих версию обвинения, что подсудимый готовил героин к сбыту, суду не представлено. Согласно выводам суда само по себе большое количество наркотика, обнаруженного у подсудимого, не свидетельствует о том, что последний готовил его к сбыту. Суд, руководствуясь нормами ч. ч. 3, 4 ст. 14 УПК РФ, признал Новичкова виновным в незаконном приобретении, хранении наркотических средств в крупном размере, без цели сбыта².

Третий постулат презумпции невиновности предполагает следующие правила: обстоятельства, устанавливающие виновность обвиняемого, должны быть подтверждены достаточной совокупностью допустимых и достоверных

---

¹ См.: Приговор мирового судьи судебного участка № 46 Волгоградской области от 18.02.2016 № 162/2016 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: [https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=52a557cfe77845de766a74c29c944b94&shard=Всe%20дела%20\(новое\)&from=p&r=](https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=52a557cfe77845de766a74c29c944b94&shard=Всe%20дела%20(новое)&from=p&r=) (дата обращения: 05.02.2021); Приговор мирового судьи судебного участка № 4 по Мелеузовскому району и г. Мелеузу Республики Башкортостан от 29.04.2016 № 112/2016 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: [https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=323ad4380825e667a29c358baf22f27b&shard=Всe%20дела%20\(новое\)&from=p&r=](https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=323ad4380825e667a29c358baf22f27b&shard=Всe%20дела%20(новое)&from=p&r=) (дата обращения: 05.02.2021); Приговор мирового судьи судебного участка № 2 по г. Кумертау Республики Башкортостан от 03.06.2019 № 113/2019 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: [https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=ce43ac0f699f0801b609c8f587f1c61b&shard=Всe%20дела%20\(новое\)&from=p&r=](https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=ce43ac0f699f0801b609c8f587f1c61b&shard=Всe%20дела%20(новое)&from=p&r=) (дата обращения: 05.02.2021); и др.

² См.: Приговор Промышленного районного суда г. Самары Самарской области от 12.08.2016 № 13-36/16 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: [https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=5726ac954d76e116ddde5b5fcda6b3ea&shard=Всe%20дела%20\(новое\)&from=p&r=](https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=5726ac954d76e116ddde5b5fcda6b3ea&shard=Всe%20дела%20(новое)&from=p&r=) (дата обращения: 07.02.2021).

доказательств в отсутствие неустранимых сомнений. При этом отмечается, что данный постулат имеет логическое продолжение в тексте УПК РФ. Так, в этой связи Т.Ю. Вилкова в качестве следствия правила толкования неустранимых сомнений в пользу обвиняемого справедливо рассматривает ч. 2 ст. 305 УПК РФ, т. е. положение о недопустимости включения в оправдательный приговор формулировок, ставящих под сомнение невиновность оправданного¹.

Четвертый постулат презумпции невиновности (ч. 4 ст. 14 УПК РФ) устанавливает, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Конвенциональная истина предполагает, что недоказанная виновность тождественна доказанной невиновности, поскольку отсутствует фигура «оставленного в подозрении», характерная для розыскного уголовного процесса. Статус лица, в отношении которого уголовное преследование прекращено за непричастностью, соответствует статусу лица, чью виновность сторона обвинения не смогла доказать, оба имеют законное право на реабилитацию.

Нагляднее всего решения о признании лица невиновным в совершении преступления можно увидеть при анализе оправдательных приговоров, вынесенных на основе вердикта коллегии присяжных заседателей. В рамках диссертационного исследования было изучено 47 оправдательных приговоров: согласно собранным данным, в подавляющем большинстве случаев (66 %) присяжные признавали именно недоказанность причастности лица к совершенному преступлению и только в 10 приговорах было не доказано совершение самого события преступления.

Из содержания презумпции невиновности вытекает ряд важнейших правил, используемых в процессе доказывания. В полной мере они сформулированы и собраны в единую систему А.Р. Белкиным:

1) виновность может быть установлена лишь с помощью достаточных доказательств;

---

¹ См.: Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства России. М., 2015. С. 187.

- 2) недоказанная виновность приравнивается к доказанной невинности;
- 3) бремя доказывания не может быть возложено на обвиняемого;
- 4) неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого;
- 5) презумпция невинности применительно к конкретному случаю может быть опровергнута лишь в результате полного, всестороннего и объективного, без всякой предвзятости исследования обстоятельств дела во всей их совокупности только установленными законом средствами и при безусловном соблюдении всех процессуальных гарантий и процедур¹.

С точки зрения Е.В. Селиной, презумпцию невинности следует воспринимать в качестве «культурного кода», предостерегающего государство от таких «порочных» явлений, как объективное вменение; осуждение и наказание при отсутствии преступного деяния; необъективность выяснения обстоятельств дела; неблагоприятствование защите обвиняемого и подозреваемого². Однако данное суждение сформулировано в логике признания высокой социальной значимости и нравственного содержания презумпции невинности.

Фактически же следует признать, что презумпция невинности соответствует основным свойствам правовой презумпции в уголовном процессе и является ее классическим примером: 1) отражает повторяемость явлений, обстоятельств, жизненных процессов, приобретает характер закономерности; 2) опровержима; 3) обладает вероятностным характером и придает законный характер обстоятельствам, если не предложено доказательств обратного; 4) распределяет бремя доказывания; 5) способствует процессуальной эффективности и экономии средств познавательной деятельности. Что касается ее видовой принадлежности, то презумпция невинности – правовая, процессуальная, парная презумпция.

---

¹ См.: *Белкин А.Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 152.

² См.: *Селина Е.В.* Презумпция невинности в уголовном праве // *Российская юстиция.* 2015. № 8. С. 37-39.

В юридической литературе активно обсуждается вопрос о субъектном составе участников уголовного судопроизводства, на который распространяется принцип презумпции невиновности.

Исходя из буквального смысла ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ, таким участником является обвиняемый (в ч. 2 ст. 14 УПК РФ также назван подозреваемый). Впрочем, помимо названных участников, в уголовном судопроизводстве достаточно лиц, чья невиновность вызывает «сомнения» у следователя и дознавателя. Так, возникает вопрос, распространяет ли свое действие презумпция невиновности на таких участников, как: лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка; лицо, привлекаемое к уголовной ответственности; лицо, в отношении которого прекращено уголовное преследование; лицо, совершившее преступное посягательство, в отношении которого действует правовой иммунитет в связи с исполнением им государственной или общественной деятельности; и др.

Следует заметить, что проект УПК РФ 1994 г. предусматривал иную формулировку принципа презумпции невиновности, без указания конкретного участника: «Каждый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда»¹.

В литературе идея о распространении действия исследуемой презумпции на иных лиц также неоднократно высказывалась. Так, Д.Р. Мажинян предлагал не ограничивать сферу действия презумпции невиновности указанием на конкретную фигуру и отмечал, что «презумпция добропорядочности каждого гражданина трансформируется в презумпцию невиновности уже с момента появления в уголовном судопроизводстве лиц, невиновность которых вызывает сомнения у правоохранительных органов, т. е. лиц, которые уголовно-процессуальным законом могут именоваться как «подозреваемый», «обвиняемый», «подсудимый»... «лицами, совершившими преступление»,

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Общая часть: Проект // Российская юстиция. 1994. № 9. С. 10.

«лицами, совершившими деяния, содержащие признаки преступления»¹. Аналогичную позицию занимает В.М. Абдрашитов, в том числе называя таких участников, как «лицо, в отношении которого прекращено уголовное преследование» (ч. 4 ст. 213); «лицо, привлекаемое к уголовной ответственности» (п. 4 ч. 5 ст. 318); «лицо, в отношении которого подано заявление» (ч. 3, 4 ст. 319); «лицо, сделавшее добровольное сообщение о совершенном им преступлении» (ч. 1 ст. 142); «лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера» (п. 5 ч. 2 ст. 133); «лицо, подвергнутое мерам процессуального принуждения» (ч. 3 ст. 133); «свидетель, допрашиваемый об обстоятельствах, могущих быть использованными против него» (п. 1 ч. 4 ст. 56)»². Также и Г.П. Химичева пишет, что презумпция невиновности должна применяться «не только в отношении обвиняемого и подозреваемого в рамках понятий, определенных в ст. 46 и 47 УПК РФ, но и на всякое лицо, невиновность которого ставится под сомнение»³.

Следует заметить, что вопрос о субъектах, в отношении которых действует принцип презумпции невиновности, тесно связан с вопросом о начале и окончании процесса привлечения лица к уголовной ответственности. При этом, если окончание процесса привлечения к уголовной ответственности не вызывает споров в теории уголовного процесса и большинство исследователей согласно с тем, что моментом завершения процесса привлечения лица к уголовной ответственности следует считать вступление обвинительного либо оправдательного приговора в законную силу, то вопрос о том, что следует считать отправной точкой процесса привлечения к уголовной ответственности, до настоящего времени остается открытым.

---

¹ Мажинян Д.Р. Презумпция невиновности и гарантии ее осуществления в советском уголовном судопроизводстве. Ереван, 1989. С. 6.

² См.: Абдрашитов В.М. Принцип презумпции невиновности в России и современные тенденции в области прав человека // Legal Concept. 2012. № 1. С. 34–35.

³ Химичева Г.П. К вопросу о корректировке принцип презумпции невиновности // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 85.

Исходя из положений ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ, также можно определить временной промежуток действия презумпции невиновности от вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого по уголовному делу (либо с момента появления подозреваемого) до вступления приговора в законную силу. Однако представляется, что правильнее считать началом действия презумпции невиновности момент начала последственной проверки сообщения о преступлении, поскольку уже на данной стадии уголовного судопроизводства может появиться человек, чья невиновность сомнительна для следователя и дознавателя. При этом презумпция невиновности на него распространяться не может, поскольку он не является ни подозреваемым, ни обвиняемым.

Однако в настоящее время многие авторы поддерживают позицию о разграничении понятий «уголовное преследование» и «обвинение»¹, также признается, что уголовное преследование – более широкое понятие, чем обвинение, поскольку данная процессуальная деятельность начинается уже на стадии возбуждения уголовного дела². По справедливому замечанию Ю.В. Деришева и Е.И. Земляницина, «положение лица, в отношении которого осуществляется предварительная проверка сообщения о преступлении, по своему содержанию схоже с процессуальным положением подозреваемого»³. Кроме того, для легального определения статуса лица, против которого осуществляется уголовное преследование, на стадии последственной проверки

---

¹ См., напр.: *Гатауллин З.Ш.* Понятие и содержание уголовного преследования в состязательном судопроизводстве // Вестник КРУ МВД России. 2017. № 4 (38). С. 51–55; Харзинова В.М., Небратенко Г.Г. Обвинение как институт уголовного процесса // ЮП. 2015. № 4 (71). С. 52–55; и др.

² См., напр.: *Усачев А.А.* Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. С. 163; *Деришев Ю.В., Земляницин Е.И.* Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29). С. 99; и др.

³ *Деришев Ю.В., Земляницин Е.И.* Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29). С. 99.

А.В. Калинин предлагал ввести фигуру «изобличаемый» в УПК РФ¹. Однако до настоящего времени статус лица, в отношении которого проводится доследственная проверка сообщения о преступлении, в уголовно-процессуальном законодательстве не определен.

Таким образом, для повышения правовой защищенности личности в уголовном судопроизводстве предлагается расширение действия презумпции невиновности. Разрешение проблемы расширения субъектного состава участников, на которых распространяется презумпция невиновности, возможно при законодательном изменении ст. 14 УПК РФ и замене термина «обвиняемый» на термин «лицо». По этой причине ч. 1 и 2 ст. 14 УПК РФ необходимо изменить следующим образом: *«1. Лицо считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. 2. Никто не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения»*.

Также в ходе опроса было установлено, что 49 % судей из числа опрошенных считают необходимым внесение подобных изменений в ст. 14 УПК РФ.

Следует заметить, что подобные изменения не будут противоречить ни международному, ни конституционному пониманию презумпции невиновности. Так, общепризнано, что понятие «обвиняемый» в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ч. 1, 2 ст. 6) используется «не в формальном, а в сугубо материальном смысле, имея в виду любое лицо, против которого осуществляется фактическое уголовное преследование»².

---

¹ Калинин А.В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 12.

² Курс уголовного процесса: учебник / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 356.

Кроме того, данная правовая позиция была воспринята Конституционным Судом РФ в постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П, в котором подчеркивалась связь между правом на защиту и правом на справедливое судебное разбирательство, а также указывалось на возможность пользоваться данными правами вне зависимости от формального процессуального статуса лица¹. В свою очередь, составной частью права на справедливое судебное разбирательство, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, является презумпция невиновности².

Таким образом, предложенные изменения ст. 14 УПК РФ позволят легально расширить сферу деятельности презумпции невиновности, в том числе и на стадию проверки сообщения о преступлении. Кроме того, данные изменения логично соотносятся с сущностным содержанием презумпции невиновности как частным случаем действия презумпции добропорядочности.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, распространяется ли действие презумпции невиновности на обвиняемого, в отношении которого уголовное дело рассматривается в особом порядке при согласии с предъявленным обвинением.

Совершенно справедливой следует признать точку зрения И.В. Смольковой по данному вопросу: «Содержание презумпции невиновности, установленное ст. 49 Конституции РФ, обязывает следователя, дознавателя, прокурора и суд считать лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, невиновным. Из этого следует, что обязанность доказывать обвинение, даже в случае, когда с ним соглашается обвиняемый, не снимается с обвинителя. В соответствии с презумпцией невиновности обвиняемый продолжает считаться невиновным, несмотря на то, что он признает свою вину,

---

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Рос. газета. 2017. 29 дек.

более того, он продолжает считаться невиновным до тех пор, пока презумпция невиновности не будет опровергнута»¹.

Правильное и точное применение конкретной нормы закона, а также использование ее во взаимосвязи с другими нормами является обязанностью правоприменителя. Безусловную взаимосвязь можно проследить между принципом презумпции невиновности и правом обвиняемого на защиту. Как верно указывал в свое время М.С. Строгович, «право обвиняемого на защиту является интегрированным выражением всей совокупности принадлежащих обвиняемому процессуальных прав, осуществляя которые он может защищаться от предъявленного ему обвинения, оспаривать его, приводить доказательства и доводы в свое оправдание или для смягчения своей ответственности»². Отступление от презумпции невиновности неизменно влечет за собой нарушение права обвиняемого на защиту, как, в свою очередь, нарушение права обвиняемого на защиту обязательно ведет к нарушению презумпции невиновности.

Презумпция невиновности не является препятствием в расследовании преступления и никоим образом не мешает следователю и дознавателю избирать лицо в совершении преступления и собирать доказательства. Однако она устанавливает запрет на широкое, публичное объявление лица виновным, на ограничение его личных, имущественных, семейных, жилищных и иных прав, которое возможно только после вступления обвинительного приговора в законную силу (например, изъятие паспорта). Кроме того, недопустимо признавать лицо виновным до вступления в законную силу обвинительного приговора в актах судебного контроля, поскольку это нарушение права на справедливое судебное разбирательство. Любые же негативные последствия, которые может повлечь за собой привлечение лица к

---

¹ Смолькова И.В. Признание обвиняемым своей вины: доказательственное и правовое значение. М., 2017. С.339-340.

² Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С. 68

уголовной ответственности, должны быть нивелированы при реабилитации обвиняемого (гл. 18 УПК РФ).

Выводы следователя, дознавателя, прокурора о виновности лица в совершении преступления – это предварительные выводы должностных лиц, участвующих в уголовном преследовании со стороны обвинения, они не обладают обязательным характером для суда и представляют собой версию обвинения по поводу того, как, кем и когда было совершено расследуемое преступление. Законную силу (опровержение презумпции невиновности) эта версия приобретет только в том случае, если суд, рассмотрев все представленные по делу доказательства (как со стороны обвинения, так и со стороны защиты), придет к выводу о том, что данная версия обоснована и может стать основой обвинительного приговора.

Из вышеизложенного можно сделать следующий вывод: презумпция невиновности прошла сложный эволюционный путь развития. Социальные преобразования XVII–XVIII вв., буржуазно-демократические революции внесли неоценимый вклад в процесс формирования той стройной системы процессуальных ценностей и гарантий, которой пользуется и по сей день большинство европейских государств. Произошел качественный переход от инквизиционного типа уголовного судопроизводства к состязательному посредством установления правила о предположении невиновности лица до вступления приговора в законную силу. В настоящее время презумпция невиновности является как международным, так и национальным принципом осуществления правосудия. Существенные проблемы реализации принципа презумпции невиновности связаны с декларативным характером ее действия. Необходимо законодательное изменение формулы презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) с целью распространения ее действия на иных лиц. Однако законодательное признание этого принципа – большой шаг для Российского государства как в сторону реальной охраны прав и законных интересов граждан, так и в сторону приведения национального законодательства в соответствие с международными принципами и нормами. Установление этого

принципа в Конституции РФ имеет важное значение для расследования и рассмотрения уголовного дела, а также является дополнительной гарантией осуществления справедливого правосудия. Широкое использование презумпции невиновности в практике Европейского суда послужило условием дальнейшего процессуального развития отдельных ее постулатов. В настоящее время презумпция невиновности остается наиболее разработанной правовой презумпцией, которая имеет процессуальное закрепление и получила свое логическое развитие в постулатах, устанавливающих распределение бремени доказывания.

§ 3. Иные уголовно-процессуальные презумпции в российском уголовном судопроизводстве

На протяжении всей истории существования учения о законных предположениях авторами назывались различные правовые презумпции, действующие в уголовном судопроизводстве. Основываясь на Уставе уголовного судопроизводства, И.Я. Фойницкий считал, что «главнейшее судебное назначение имеют предположения, что человек действует по соответствующим мотивам, что вина не доказанная есть несуществующая, и потому всякий человек предполагается невинным; что внутренние состояния оставляют внешние следы и могут быть познаваемы по ним... что утверждающий что-либо (истец и обвинитель) имеет данные для такого утверждения, об экспертизе сведущих людей, о присяге»¹.

По утверждению М.С. Строговича, в уголовном судопроизводстве правовых презумпций только три: презумпция знания закона, презумпция истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда, презумпция невиновности². Однако автор также выделял некоторые фактические презумпции, к примеру презумпция истинности показаний лица,

---

¹ Фойницкий И.Я. Указ. раб. С. 181.

² См.: Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С. 82.

данных в ходе судебного разбирательства, по отношению к показаниям, данным им же в ходе следствия¹.

Другой теоретик юридической техники в уголовном процессе В.И. Каминская выделяла только презумпции невиновности и презумпции истинности вступившего в законную силу приговора суда². Позиция В.И. Каминской представляется более обоснованной, поскольку презумпцию знания закона в лучшем случае можно назвать общеправовой, а в худшем вообще следует признать правовой фикцией, поскольку ее опровержение в настоящее время фактически невозможно³.

З.З. Зинатуллин относит к уголовно-процессуальным презумпциям презумпцию знания закона, презумпцию правосубъектности обвиняемого, презумпцию невозможности дальтоника свидетельствовать о цветах наблюдаемого им предмета (явления) и др.⁴ Представляется, что последнюю из названных презумпций опять же следует признать фактической.

К вышеперечисленным законным предположениям Ф.Г. Шахкелдов добавляет презумпцию необъективности либо некомпетентности субъекта доказывания по уголовному делу при наличии указанных в законе оснований для его отвода, презумпцию недостаточности признания вины для постановления (вынесения) обвинительного приговора, а также презумпцию правосубъектности участников процессуального правоотношения⁵. Относительно второй презумпции существует обоснованное мнение о ее принадлежности к классу доказательственных фикций⁶. А последняя из названных презумпций скорее имеет уголовно-правовой, а не уголовно-процессуальный характер. К.Б. Калиновский в своих работах рассматривает

---

¹ См.: *Строгович М.С.* Учение о материальной истине. М., 1947. С. 189.

² См.: *Каминская В.И.* Указ. раб. С. 6.

³ См.: *Черниловский З.М.* Презумпции и фикции в истории права // Советское государство и право. 1984. № 1. С. 98–99; *Червяковский А.В.* Спорные вопросы презумпции знания закона // Право и политика: история и современность. Омск, 2007. С. 82–84.

⁴ См.: *Зинатуллин З.З.* Указ. раб. С. 211.

⁵ См.: *Шахкелдов Ф.Г.* Указ. раб. С. 18.

⁶ См.: *Зотов Д.В.* Доказательственные фикции в уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 51.

презумпцию недопустимости доказательства, полученного с нарушением уголовно-процессуального закона¹. По мнению Т.Ю. Вилковой современная система принципов российского уголовного судопроизводства содержит по меньшей мере три правовые презумпции: презумпцию невиновности, «презумпцию знания закона, на которой основан принцип законности, и презумпцию причинения вреда вследствие нарушения права на судопроизводство в разумный срок»².

Таким образом, следует отметить, что количество выделяемых в литературе правовых презумпций достаточно велико. Однако согласно выявленным свойствам и видам правовых презумпций в рамках диссертационного исследования рассмотрены только некоторые из них: презумпция невиновности и презумпция истинности приговора или иного решения суда. Также на основе отечественной и международной судебной практики автором сформулирована презумпция недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения. Следует заметить, что на данный выбор более всего повлияли исследования отечественных авторов³, занимавшихся проблемами правовых презумпций, а также отечественная судебная практика и практика международных судебных органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека⁴. По нашему мнению, важнейшим основанием для развития самостоятельной системы современных российских уголовно-процессуальных презумпций является практика

---

¹ См.: *Калиновский К.Б.* Презумпция недопустимости доказательства, полученного с нарушением уголовно-процессуального закона // Актуальные проблемы права и судебной власти в современном российском обществе: матер. конф. (11 апр. 2008 г., г. Краснодар). Краснодар, 2009. С. 34–37.

² *Вилкова Т.Ю.* Презумпция невиновности - принцип уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 60.

³ См.: *Строгович М.С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С. 82; *Каминская В.И.* Указ. раб. С. 6 и др.

⁴ См.: Решение ЕСПЧ от 6.07.2006 по делу «Зеневич против Российской Федерации» (жалоба № 4567/02) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2007. № 5. С. 19; Постановление ЕСПЧ от 19.07.2011 по делу «Кондратишко и другие против Российской Федерации» (жалоба № 3937/03) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» и др.

Европейского суда по правам человека¹. В своих решениях Европейский суд, в отличие от национальной судебной системы, не только широко пользуется арсеналом приемов, выработанных современной юридической техникой, но и называет их в текстах своих решений. Уже в настоящее время можно говорить о самостоятельной системе презумпций, используемой Европейским судом. В данную систему входят: презумпция невиновности, презумпция факта, презумпция относительно телесных повреждений, появившихся в период содержания под стражей, и презумпция свободы личности. Основные положения, связанные с презумпцией невиновности, были представлены в предыдущем параграфе, в этом будут рассмотрены оставшиеся.

Презумпция истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда является законным предположением, сформулированным в теории уголовного процесса на основе межотраслевой презумпции истинности вступившего в законную силу решения суда.

Судебный акт в России обладает законной силой. Практическое значение данного положения сводится к тому, что обстоятельства, установленные судом и закрепленные им в судебном акте, вступившем в законную силу, должны восприниматься прочими субъектами доказывания как истинные вне зависимости от воли воспринимающего их субъекта. В основе всякой судебной работы лежит общепринятая, общеправовая, известная еще в Древнем Риме презумпция *res iudicata pro veritate habetur*². По справедливому замечанию В.И. Каминской, эта презумпция является выражением авторитета суда как единственного органа, уполномоченного осуществлять правосудие. Также, по ее мнению, будучи выраженной в праве, «она влечет совершенно определенный правовой результат: обстоятельства, установленные судебным приговором, если они имеют значение для разрешения какого-либо другого судебного дела,

---

¹ См.: подробнее: *Каландаршвили, Х.А.* Стандартизация доказывания с помощью уголовно-процессуальных презумпций в решениях Европейского суда по правам человека // *Российский судья.* 2018. № 5. С. 44-48.

² Судебный приговор следует рассматривать как истину.

не подлежат уже доказыванию и признаются за истину»¹. Этим определяется нерушимая связь презумпции истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда и механизма межотраслевой преюдиции, освобождающего суд, прокурора, следователя и дознавателя от необходимости доказывать ранее установленные факты.

Исследование отечественного нормативного материала не дает в должной мере возможности говорить о соответствующем законодательном закреплении презумпции истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда, однако оно вытекает из последовательного толкования норм уголовно-процессуального права.

В Конституции РФ содержание данной презумпции (в сравнении с презумпцией невиновности) представлено неполно, так как предусмотрено только право осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом (ст. 50). А диспозиция ст. 392 УПК РФ устанавливает лишь обязательность приговора, определения, постановления суда. В то же время «обязательность» может основываться только на предполагаемой «истинности». Именно здесь и заложена правовая презумпция: законодатель исходит из того, что судебный акт в должной мере отражает объективную действительность, и, следовательно, в силу авторитета судебной власти и особого места, занимаемого органами, осуществляющими правосудие, признает его обязательным для исполнения на всей территории государства. Хотя понятие презумпции и не содержится в тексте закона, она все-таки имеет место, поскольку именно признак истинности судебного акта в уголовном судопроизводстве носит «презюмируемый» характер.

И.В. Каминская презумпцию истинности судебного приговора предлагала формулировать так: «*Всякий судебный приговор считается истинным до тех пор, пока он не опровергнут надлежащей судебной инстанцией*», а «реализуемые в приговоре материально-правовые и процессуальные нормы

---

¹ Каминская В.И. Указ. раб. С. 6.

придают ему свою юридическую силу, но содержание и назначение понятия «законная сила приговора» определяются не этим. Они заключаются в тех специальных качествах, которыми государство наделяет акты правосудия в силу специфического положения судов в системе государственных органов»¹. Подобным же образом сформулировано понятие презумпции истинности вступившего в законную силу приговора суда А.В. Буниной: «...признание приговора правильным до тех пор, пока он не отменен соответствующим судом в порядке, установленном федеральным законом»². Подтверждая статус вступившего в законную силу приговора или решения суда, законодатель устанавливает уголовную ответственность за неисполнение приговора, определения, постановления суда, предусмотренную ст. 315 УК РФ.

Можно предположить, что законная сила, которую приговор и любое иное решение суда приобретают по прошествии определенного срока, установленного процессуальными нормами, либо после апелляционной инстанции, придает судебному акту ряд свойств, а именно истинность и общеобязательность. Как утверждает И. Л. Петрухин, «презумпция истинности вступившего в законную силу приговора основана на предположении, что процессуальных гарантий нормальных стадий процесса достаточно для установления истины по уголовному делу, поэтому приговор суда презюмируется истинным»³. Согласно другой точке зрения, «в отношении вступившего в законную силу приговора действует презумпция его истинности, его отмена возможна только при строго ограниченных законом условиях»⁴. Так, И. Я. Фойницкий считал, что «судебное решение почитается за истину, но если эта презумпция падает, если решение оказывается ошибочным, оно должно быть заменено другим, справедливым. Истина – высший закон правосудия,

---

¹ Каминская В.И. Указ. раб. С. 124.

² Бунина А.В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2005. С. 83.

³ Петрухин И.Л. Презумпции и преюдиции в доказывании // Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 395.

⁴ Уголовно-процессуальное право / под ред. П.А. Лупинской. М., 2009. С. 359.

стремлением к ней должны быть проникнуты все меры его»¹. Представляется, что столь высокий уровень стабильности приговоров и решений в России (более 90 %) ² подтверждает, что данная презумпция отражает повторяемость явлений, обстоятельств, жизненных процессов.

Посредством судебной истины правосудие формирует с помощью специальных правовых механизмов (в данном случае это презумпция истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда) единое юридическое «пространство», в котором событиям и действиям дана конкретная оценка³. Однако всегда остается возможность того, что вступивший в законную силу приговор или решение не соответствует действительности, и никогда нет и не может быть полной уверенности в его истинности. В связи с этим рассматриваемая презумпция остается опровержимой вплоть до момента использования всех возможных инстанций. Фактом, подтверждающим опровержимость и вероятностный характер рассматриваемой презумпции, являются показатели статистики отмен и изменений приговоров, определений и постановлений, к примеру, в надзорной инстанции. Так, в 2019 г. Верховный Суд РФ рассмотрел 5294 надзорные жалобы и представления по уголовным делам. В порядке надзора на судебном заседании Президиумом Верховного Суда РФ рассмотрено 205 уголовных дел в отношении 219 лиц. Удовлетворены жалобы и представления в отношении 200 человек⁴. За первые шесть месяцев

---

¹ Фойницкий И.Я. Указ. раб. С. 89.

² См.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2018 г. [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/statistics/?year=2018> (дата обращения: 11.12.2020); Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 г. [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/statistics/?year=2019> (дата обращения 12.12.2020)

³ См.: подробнее: *Каландаришвили, Х.А.* Содержание презумпции истинности вступившего в законную силу приговора суда в уголовном судопроизводстве // Финансовая экономика. 2018. № 5. Ч. 8. С. 938-940.

⁴ См.: Обзор статистических о рассмотрении в Верховном Суде РФ в 2019 г. административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел данных [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/statistics/28771/> (дата обращения: 12.12.2020).

2020 г. Президиумом Верховного Суда РФ рассмотрено 2072 представления и жалобы по уголовным делам, проведены судебные заседания по 40 уголовным делам в отношении 49 лиц, удовлетворены жалобы и представления в отношении 42 человек¹.

Впрочем, вступивший в законную силу приговор уже не только признан за истину, он уже ею стал. Истинными и достоверными в данном случае признаются не только установленные факты и обстоятельства, но и уголовно-правовая квалификация содеянного, установленное наказание, присужденная компенсация, распоряжение относительно конфискации имущества и множество других решений, касающихся уголовно-процессуальных и уголовно-правовых вопросов рассматриваемого уголовного дела. Такие понятия, как судебная истина, презумпция истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда, преюдициальность как свойство некоторых приговоров и механизм межотраслевой преюдиции, находятся в постоянной взаимосвязи друг с другом и представляют собой характерный только для органов правосудия единый механизм, выражающий авторитет судебной власти.

Что касается распределения бремени доказывания, то, как и с любой процессуальной презумпцией, действует правило «кто обвиняет, тот и должен доказать». Так, бремя доказывания возлагается на сторону, оспаривающую приговор или решение суда, и ст. 401.4 УПК РФ устанавливает обязательное наличие в жалобе или представлении указаний на допущенные судами существенные нарушения норм уголовного или уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, с приведением доводов, свидетельствующих о таких нарушениях.

Кроме того, данная правовая презумпция как нормативное предписание

---

¹ См.: Обзор статистических о рассмотрении в Верховном Суде РФ в первом полугодии 2020 г. административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел данных [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/statistics/29222/> (дата обращения: 12.12.2020).

обеспечивает эффективность, стабильность и соблюдение практических интересов общества и отдельных людей в определенности их процессуального статуса и окружающих их процессуальных отношений. Согласно приведенным ранее классификациям, данное законное предположение является правовой, процессуальной, парной презумпцией.

В свою очередь в практике Европейского суда можно встретить презумпцию факта¹. Сферу действия данной презумпции образуют доказанные и установленные национальным судом обстоятельства уголовного дела. Как известно, Европейский суд по своей инициативе не производит замещения оценки фактов, сделанной национальным судом, так как именно в обязанности национального суда входит исследование представленных сторонами доказательств. Механизм повторной их оценки, замена выводов внутригосударственного правосудия на международном уровне представляет в настоящее время отдельный исследовательский интерес. При этом, несмотря на то что Европейский суд не связан выводами национального суда, при нормальном течении дела он требует от сторон представления убедительных и законных доказательств, опровергающих первоначальные выводы. В общем виде презумпция факта идентична по своему действию с презумпцией истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда, сформулировать которую можно следующим образом: выводы национального суда относительно обстоятельств уголовного дела являются истинными для Европейского суда до тех пор, пока не представлены достоверные доказательства обратного.

Также вместе с названной презумпцией в решениях Европейского суда часто используется стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения», также сходный по своему действию с другими законными и опровержимыми презумпциями. Чаще всего эта конструкция используется при решении вопроса о «предполагаемом жестоком обращении» в отношении лица, к которому была

---

¹ См.: Решение ЕСПЧ от 6.07.2006 по делу «Зеневич против Российской Федерации» (жалоба № 4567/02) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2007. № 5. С. 19.

применена мера пресечения в виде заключения под стражу. Практическое использования подобного стандарта означает, что события, полностью или частично происходящие в сфере исключительной компетенции властей, как в случае с лицами, находящимися под стражей, проистекают по вине соответствующих государственных учреждений. Таким образом, возникает правовая презумпция относительно телесных повреждений, появившихся в период задержания и содержания под стражей. Впрочем, подобная презумпция является опровержимой и предполагает возможность предоставления доказательств обратного. Бремя доказывания факта получения телесных повреждений не по вине государственных учреждений, а ввиду иных обстоятельств, от них не зависящих, лежит на властях, что предполагает представление достаточных и убедительных доказательств.

В качестве примера использования данного стандарта доказывания можно привести следующее: Европейский суд обращает внимание на то, что вскоре после предполагаемого избиения, 13 марта 1999 г., заявитель был обследован врачом в местном травмпункте. Заключение по результатам осмотра рассмотрено и учтено национальным судом. Впоследствии заявитель был обследован 19 марта 1999 г. в медико-санитарной части следственного изолятора, по поступлении в изолятор у него были зафиксированы обширные кровоподтеки на задней стороне плеча и на левом бедре. Согласно результатам судебно-медицинской экспертизы, телесные повреждения были причинены заявителю приблизительно за неделю-полторы до первого обследования, то есть в период с 9 по 12 марта 1999 г. Европейский суд отметил довод властей Российской Федерации о том, что заявитель в ходе осмотра в местном травмпункте в качестве причины своих телесных повреждений назвал падение с пожарной лестницы. Тем не менее у Европейского суда имеются сомнения относительно достоверности этого утверждения. По мнению Европейского суда, заявитель не мог поставить в известность врачей травмпункта об истинных причинах полученных им травм в присутствии предполагаемых преступников. Европейский суд не может исключать возможность того, что на

заявителя оказывалось давление со стороны лиц, обвиняемых им в ненадлежащем обращении. Кроме того, Европейский суд должен учитывать и тот факт, что заявитель в своих жалобах, направленных в прокуратуру, а затем и в национальные суды, неоднократно излагал свою версию случившегося, в том числе указывал, что был избит сперва сотрудниками Бежицкого районного отделения милиции в ходе задержания, а затем в период пребывания под стражей. Более того, из замечаний заявителя следует, что в ходе производства по уголовному делу национальным судом были допрошены его коллеги по работе Ж. и Л., сообщившие, что 11 марта 1999 г. вызовов пожарной команды зафиксировано не было, следовательно, заявитель не имел возможности упасть с пожарной лестницы. Также свидетели показали, что при переодевании в служебную форму в тот день не заметили на теле заявителя никаких травм. Европейский суд отметил, что властями не оспаривался тот факт, что свидетели были допрошены судом и дали соответствующие показания. Учитывая обязанность национальных властей нести ответственность за травмы, полученные лицами, находящимися под стражей, и в отсутствие убедительного и достоверного объяснения факта полученных травм со стороны властей Европейский суд считает установленным в соответствии со стандартом доказывания, требуемым в рамках конвенционной процедуры, что телесные повреждения на теле заявителя явились результатом жестокого обращения, за которое власти Российской Федерации должны нести ответственность¹.

Следует заметить, что очень сходная правовая презумпция имеет место и в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Так, согласно ч. 1 ст. 133 УПК РФ устанавливается, что вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

---

¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 19.07.2011 по делу «Кондратишко и другие против Российской Федерации» (жалоба № 3937/03) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Помимо рассмотренных законных предположений, в литературе также упоминается презумпция недопустимости необоснованного ограничения прав личности. Как отмечает Н.А. Колоколов, существование данной презумпции общеизвестно в уголовном процессе. По мнению автора, сущность данной презумпции выражается в обязанности суда помнить, что при рассмотрении ходатайства о заключении обвиняемого под стражу на него возложена функция обеспечения баланса интересов следствия и личности¹. Представляется, однако, что наименование данной презумпции нуждается в уточнении, поскольку в представленном виде ее скорее можно отнести к общеправовым презумпциям². В связи с этим правильнее именовать данное предположение презумпцией недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения (в особенности при принятии решения о заключении под стражу и продлении срока заключения).

Основой данной презумпции выступают ст. 97 УПК РФ и отдельные положения (п. 3, 5, 6, 21, 22) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»³.

Ориентируясь на уголовно-процессуальное законодательство и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, можно предложить следующую формулировку. Презумпция недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения представляет собой законное предположение, заключающееся в том, что: 1) обвиняемый и подозреваемый

---

¹ См.: *Колоколов Н.А.* Меры пресечения. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики. М., 2013 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См.: *Сухина И.В.* Конституционные презумпции в сфере прав и свобод человека и гражданина // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 11-13.

³ См.: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 (ред. от 11.06.2020) № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

может быть ограничен в праве на личную свободу до тех пор, пока ограничение его свободы согласуется с реально существующим публичным интересом, мера пресечения не может носить карательного характера; 2) бремя доказывания необходимости применения и продления срока меры пресечения лежит на стороне обвинения; 3) использования тяжести обвинения в качестве единственного или наиболее существенного условия для избрания меры пресечения не допускается.

По нашему мнению, данная презумпция также является разновидностью общеправовой презумпции добропорядочности и соответствует ранее выявленным свойствам правовых презумпций в уголовном судопроизводстве: отражает повторяемость явлений, обстоятельств, жизненных процессов, приобретает характер закономерности; обладает вероятностным характером и придает законный характер обстоятельствам, если не предложено доказательств обратного; опровержима; распределяет бремя доказывания между сторонами; способствует процессуальной эффективности и экономии средств познавательной деятельности. Также данная презумпция является правовой, процессуальной, непарной.

Однако реализация данной презумпции в современной судебной практике вызывает определенные замечания.

В рамках подготовки диссертационного исследования автором было изучено более 70 постановлений судов общей юрисдикции о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей, вынесенных с 2011 по 2020 г. Следует отметить, что при повторном и последующих продлениях меры пресечения в виде заключения под стражу судами неоднократно в качестве основания для продления срока признавалась «тяжесть обвинения», причем фактически в качестве единственного аргумента.

Так, согласно обстоятельствам дела Т. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. На первоначальном этапе расследования к нему была применена мера пресечения в виде заключения под стражу. Впоследствии срок предварительного

о расследования по уголовному делу был продлен. В ноябре 2019 г. следователь повторно ходатайствовал о продлении срока заключения. Оценка и анализ совокупности исследованных в судебном заседании материалов позволил суду прийти к выводу о необходимости продления срока содержания под стражей. В обоснование данного решения было указано на тяжесть предъявленного Т. обвинения, на неснятую и непогашенную судимость, а также на подозрение в совершении иных преступлений. На основании изложенного суд указал, что не исключает того, что обвиняемый продолжит заниматься преступной деятельностью либо скроется от органов предварительного следствия и суда¹.

На наш взгляд, подобное обоснование недопустимо. В качестве дополнительных аргументов в данном примере представлены: 1) неснятая и непогашенная судимость, 2) подозрение в совершении других преступлений. Следует отдельно заметить, что доказательств, подтверждающих наличие обоснованного подозрения в совершении иных преступлений, в постановлении не было. Можно привести и иные примеры подобных решений².

Представляется, что судами расширительно толкуется положение, сформулированное в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», о том, что суду надлежит учитывать обстоятельства, указанные в ст. 99 УПК РФ, и *другие обстоятельства*, обосновывающие продление срока применения меры пресечения в виде заключения под

---

¹ См.: Постановление Октябрьского районного суда г. Иркутска Иркутской области от 18.11.2019 № 3/2-234/2019 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=81481fcd030d9e348706c390f6ab47ff&shard=Производство%20по%20материалам&from=p&r=> (дата обращения: 03.03.2021).

² См.: Постановление Каслинского городского суда Челябинской области от 29.04.2019 № 3/2-18/2019 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=bb7c97b46877e76bc0fad28c09cba471&shard=Производство%20по%20материалам&from=p&r=> (дата обращения: 04.03.2021); Постановление Октябрьского районного суда г. Иркутска Иркутской области от 26.02.2020 № 3/2-35/2020 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=babe645bde4aa3e67d0b7290fbd04b31&shard=Производство%20по%20материалам&from=p&r=> (дата обращения: 04.03.2021).

стражу. И данное расширительное толкование приводит к формированию фактической презумпции сохранения меры пресечения до принятия решения по делу.

Следует отметить, что в современной литературе отдельные вопросы применения мер пресечения чаще соотносят с презумпцией невиновности. По мнению А.А. Сумина, «с презумпцией невиновности крайне плохо согласуется и избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, и продление процессуального срока этой меры пресечения»¹. Однако, на наш взгляд, презумпция невиновности отвечает за невозможность признания лица виновным в совершении преступления в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела. В то время как презумпция недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения отвечает за защиту личности, в частности от необоснованного заключения и продления срока содержания под стражей. Названная презумпция, безусловно, является логическим продолжением презумпции невиновности, но не тождественна ей. На данный факт также указывает практика Европейского суда по правам человека.

Так, сходным приемом доказывания в его арсенале следует признать презумпцию свободы личности (а также ее частный случай – презумпцию в пользу освобождения), основанием для которой служит ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Данной статьей регулируются сразу два основных вопроса: обоснованность применения заключения под стражу (ч. 1 ст. 5) и обоснованность продления срока содержания под стражей (ч. 3 ст. 5). При этом второй вопрос, за который отвечает презумпция в пользу освобождения, намного чаще рассматривается в практике Европейского суда. Данный факт связан с тем, что сам суд неоднократно отмечал, что заключение под стражу на первоначальном этапе расследования может быть обусловлено подозрением в причастности к совершенному преступлению или к попыткам

---

¹ Сумин А.А. Презумпция невиновности и меры процессуального принуждения: совмещение несовместимого // Вестник Московского университета МВД России. 2020. №3. С. 45-46.

запугивания свидетелей и потерпевших. В то время как необоснованное продление срока заключения также неоднократно становилось основанием для присуждения компенсации¹.

Как неоднократно указывал Европейский суд, ч. 3 ст. 5 Конвенции «не предоставляет судебным властям выбора между осуществлением правосудия в отношении обвиняемого в разумный срок или его условным освобождением до суда»². Смысл презумпции в пользу освобождения заключается в возможности временного освобождения обвиняемого, как только его содержание под стражей перестает быть обоснованным³. В связи с этим национальный суд, во-первых, обязан исследовать все факты, «свидетельствующие в пользу или против существования реального требования публичного интереса»⁴, во-вторых, в обязательном порядке исследование должно производиться с учетом принципов презумпции невиновности и уважения личной свободы, в-третьих, решение о продлении срока содержания под стражей и невозможности освобождения лица, обвиняемого в преступлении, должно содержать выводы, сделанные на основании исследованных фактов. Доводы за и против освобождения не должны быть общими и абстрактными⁵. Если национальный закон содержит презумпцию в пользу сохранения меры пресечения, то существование конкретных фактов, превалирующих над принципом уважения личной свободы, должно быть убедительно продемонстрировано в

---

¹ См.: Правовые позиции Европейского Суда по правам человека, касающиеся применения пункта 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. М., 2013 [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=8856 (дата обращения: 09.07.2017).

² См.: Постановление ЕСПЧ от 23.10.2012 по делу «Зенцов и другие против Российской Федерации» (жалоба № 35297/05) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ЕСПЧ от 17.01.2006 по делу «Маккей против Соединенного Королевства» (жалоба № 543/03). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление ЕСПЧ от 12.06.2008 по делу «Власов против Российской Федерации» (жалоба № 78146/01) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Постановление ЕСПЧ от 08.06.2006 по делу «Корчуганова против Российской Федерации» (жалоба № 75039/01) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 по делу «Смирновы против Российской Федерации» (жалобы №№ 46133/99 и 48183/99) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

процессуальном решении. Наличие обоснованного подозрения является определяющим условием законности содержания под стражей, однако по прошествии времени оно перестает быть достаточным. Согласно прецедентной практике Европейского суда вопрос о том, какой срок содержания под стражей считается разумным, не может быть разрешен отвлеченно от уголовного дела. Обоснованность продления срока содержания обвиняемого под стражей должна определяться в каждом конкретном деле.

Так, по мнению Европейского суда, заключение заявителя под стражу в октябре 2004 г. могло быть обусловлено подозрением в причастности к попыткам запугивания свидетелей. Однако уже в декабре 2004 г., т. е. через два месяца, расследование уголовного было приостановлено. Тем не менее заявитель содержался в следственном изоляторе вплоть до 2008 г. В период с 2005 по 2008 г., продлевая срок содержания под стражей, национальный суд ссылаясь на тяжесть обвинений против заявителя, утверждая, что он имеет возможность скрыться, помешать расследованию по уголовному делу или оказывать давление на свидетелей. Однако в своих решениях национальный суд не привел фактических данных, позволяющих сделать вывод о возможности заявителя скрыться от органов следствия и суда. Вместе с тем Европейский суд пришел к выводу, что со временем данная угроза вообще свелась к минимуму ввиду ухудшения здоровья заявителя и его последующей госпитализации в тюремную больницу в июле 2007 г. Факт того, что лицо обвинялось в преступном сговоре, также не мог стать основанием для неоднократного продления срока содержания под стражей. В настоящем деле нет данных о том, что заявитель действительно пытался угрожать свидетелям или препятствовать производству по уголовному делу любым иным способом. С учетом изложенного Европейский суд не смог в должной мере установить наличие риска вмешательства заявителя в отправление правосудия. Более того, подобный риск имел тенденцию к снижению по мере продолжения судебного процесса и допроса основных свидетелей. Не исследуя отдельные обстоятельства уголовного дела и не рассмотрев возможность применения

альтернативных мер пресечения, руководствуясь только тяжестью предъявленных обвинений, национальный суд продлевал срок содержания заявителя под стражей по основаниям, которые хоть и имели значение для дела, однако не могли рассматриваться как «достаточные» для оправдания длительности этого срока. Следовательно, были нарушены основные права и свободы личности в уголовном судопроизводстве, что позволяет констатировать невыполнение властями Российской Федерации взятых на себя обязательств по защите граждан от незаконного и необоснованного осуждения, обвинения и иного ограничения прав¹.

Таким образом, Европейский суд при рассмотрении жалобы ориентируется и оценивает исключительно факт обоснованности применения и продления срока содержания под стражей, не используя в своих рассуждениях презумпцию невиновности. Представляется, что презумпция недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения является отечественным «аналогом» презумпции свободы личности в практике Европейского суда. Однако расширительное толкование отдельных правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ не позволяет в должной мере регулировать соответствующие правоотношения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Правовая презумпция в уголовном судопроизводстве – это прием юридической техники, существующий в виде законного предписания (при этом не обязательно именуемый в тексте закона презумпцией), который представляет собой предположение о фактах, подтвержденных или опровергнутых в судебном решении, вступившем в законную силу. Уголовно-процессуальные презумпции могут быть сформулированы в нормах уголовно-процессуального закона и постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Использование правовой презумпции в уголовном судопроизводстве обусловлено особенностями уголовно-процессуального познания и служит

---

¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 15.03.2011 по делу «Сизов против Российской Федерации» (жалоба № 33123/08) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

эффективности и процессуальной экономии уголовного судопроизводства, распределяет бремя доказывания между сторонами. К уголовно-процессуальным презумпциям следует относить презумпцию невиновности, презумпцию истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда; презумпцию недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения. Европейский суд по правам человека в своей практике активно использует презумпцию невиновности, презумпцию факта и презумпцию свободы личности. Частным случаем презумпции свободы личности следует признать презумпцию в пользу освобождения.

ГЛАВА 2. ПРЕЮДИЦИЯ КАК ПРИЕМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1. Генезис нормативно-правового закрепления преюдиции в уголовном процессе России

Одним из технико-юридических приемов, используемых при расследовании и рассмотрении уголовного дела, является преюдиция (от лат. *praejudicio* – предрешение), которая в теории уголовного процесса часто определяется как правило, освобождающее от необходимости повторного доказывания обстоятельств, ранее установленных судом и нашедших отражение во вступившем в законную силу судебном решении, обеспечивающее существенную процессуальную экономию¹.

Классическая теория о средствах и приемах юридической техники не рассматривает преюдицию как прием юридической техники. Основоположники учения о презумпциях и фикциях в уголовном судопроизводстве также не именуют преюдицию ни средством юридической техники, ни технико-юридическим приемом². Классический арсенал средств юридической техники предусматривает, как правило, наличие в законодательном акте таких приемов, как правовые презумпции, правовые фикции, правовые аксиомы, правовые оговорки.

Однако современные авторы приходят к выводу о принадлежности преюдиции к приемам юридической техники. Так, по справедливому замечанию С.А. Маркунцова, «оптимальным является рассмотрение этого правового явления как особого средства юридической техники наряду с

---

¹ См., напр.: Курс уголовного процесса: учебник / под ред. Л.В. Головки. М., 2016. С. 478; Гореликова А.Г. Преюдиция в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 57; Дикарев И.С. Преюдициальность судебных решений в уголовном процессе // Законность. 2014. № 10. С. 51.

² См., напр.: Дормидонтов Г.Ф. Указ. раб. С. 8-9; Каминская В.И. Указ. раб. М., 1948; Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969; и др.

правовыми аксиомами, презумпциями и фикциями»¹. Похожего мнения придерживается и А.В. Карданец, полагая, что «преюдиция – это прием юридической техники, представляющий собой правило доказывания»².

Представляется, что, помимо ранее названных, к средствам юридической техники следует также относить способы словесно-документального изложения текста нормативного и ненормативного акта (его реквизиты) и в особенности средства юридического выражения воли законодателя (при помощи которых возможно конструировать право, облекать в юридическую форму необходимое содержание). Именно к ним и нужно относить преюдицию. Важно отметить, что перечисленные ранее приемы активно используются в иных отраслях научного знания, именовать их исключительно юридическими конструкциями невозможно, тогда как «преюдиция» является собственно правовым термином, непосредственно связанным с такими дефинициями, как «правосудие», «суд», «судебный акт» и «судебное решение».

Согласно латинской юридической фразеологии понятие *praejudicium* означает предрешение, предубеждение; *praejudicialis* – вопрос предрешенный; вопрос, по которому заранее вынесено решение³.

Обращаясь к историческому значению термина «преюдиция», следует отметить, что римское право воспринимало его как судебное следствие в отдельном процессе по какому-либо самостоятельному вопросу, имеющему значение для вынесения правильного решения по основному делу. Так, Е.А. Худяков приводит следующее толкование: преюдиция «включает в себя два элемента: 1) «*praecedo*» – идти вперед, предшествовать; 2) «*praeiudico*» – судить вперед, предварительно, а «*judicium*» эквивалентно правовому решению, имеющему юридическую силу закона. Синтез данных понятий дает

---

¹ Маркунцов С.А. О понимании административной преюдиции как особого средства юридической техники и расширении ее использования в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 31–42.

² Карданец А.В. Преюдиции в российском праве (Проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 30.

³ См.: Латинская юридическая фразеология / сост. Б.С. Никифоров. М., 1979. С. 201.

предрешение вопроса, заранее принятое решение, обстоятельство, позволяющее судить о последствиях»¹.

Понятие преюдиции возникает в Древнем Риме в период действия формулярного процесса (120 г. до н. э.). Механизм ее действия представлен следующим образом: претором составлялась письменная формула, в которой содержались указания присяжному судье по содержанию резолютивной части решения², «судья разбирал только фактическую сторону дела, а ответственность за то, заслуживало ли данное притязание судебной защиты, лежала на преторе»³. И.В. Чащина указывает на то, что самые ранние из сохранившихся свидетельств использования преюдиции – это заметки Цицерона и Цезаря о преюдициальных формулах в формулярном процессе и преюдициальных исках. Также встречаются упоминания о преюдициальных связях в трудах Квинтилиана, Ливия, Плиния, Тацита, Сенеки, Фронтоня, Курция, Светония, Мацера и др., полнее же всего преюдиция представлена в Своде римского права и в Институции Гая⁴.

Позднее в странах континентальной правовой семьи стало широко использоваться правило *resjudicata*, смысл которого сводился к тому, что судебное решение являлось юридическим фактом и было обязательно лишь для участвующих в деле сторон⁵. Американское право рассматривает преюдицию (в отличие от прецедента) только как способ использования судебных решений⁶.

В России преюдиция имеет весьма продолжительную историю существования. Как и многие другие правовые понятия (принципы свободной оценки доказательств и презумпции невиновности), без которых сегодня немислимо уголовное судопроизводство, преюдиция впервые упоминается в

---

¹ Худяков Е.А. Эффективность применения норм с административной преюдицией. М., 1981. С. 9.

² См.: Колотинский Н.Д. История римского права. Казань, 1912. С. 316.

³ Фидельский С.В. Указ. раб. С. 29.

⁴ См.: Чащина И.В. Преюдиция в уголовном процессе России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 13.

⁵ См.: Гореликова А.Г. Указ. раб. С. 14.

⁶ См.: Кудрявцева Е.В. Судебное решение в английском гражданском процессе. М., 1998. С. 136–137.

отечественном праве в связи с судебной реформой Александра II.

Изучение научных трудов по рассматриваемой проблематике показывает, что данный прием юридической техники с момента своего возникновения в 1864 г. периодически становился предметом пристального внимания ученых-юристов. Введение в УУС норм о преюдиции широко обсуждалось не только на страницах юридической печати, но и в судебных учреждениях всех уровней от мировых судебных установлений до Правительствующего сената. Споры по поводу действия преюдиции при рассмотрении уголовных дел разгорелись в ходе работы правительственной комиссии по пересмотру судебных уставов.

Следует отметить, что вопросами преюдициальными, или «предсудимыми», в дореволюционной России называли вопросы, которые «обуславливали разрешение уголовного иска и подлежали ведению другого суда, а само разбирательство (этих вопросов), приостанавливающее уголовное судопроизводство, называлось преюдициальным разбирательством»¹. Так, в этой связи В.К. Случевский отмечал, что предсудимым в уголовном судопроизводстве может признаваться такой вопрос, предметом которого должно быть обстоятельство, определяющее преступность деяния, но разрешение этого вопроса должно лежать в сфере суда гражданского или духовного, а не уголовного, решающего вопрос о виновности подсудимого².

Один из авторов судебной реформы 1864 г. Н.А. Буцковский по данному поводу писал: «Невозможность юридическая обнимает собою случай, когда по уголовному делу возникают вопросы, от разрешения которых зависит направление и решение возбужденного обвинения, а между тем разрешение этих вопросов не может быть дано судом, рассматривающим данное дело по существу»³. Необходимо отметить, что понятие «юридическая невозможность», которым активно пользовались правоведа XIX в., пришло из римского права и

---

¹ Фойницкий И.Я. Указ. раб. С. 47.

² См.: Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: судопроизводство. М., 2008. С. 224.

³ Буцковский Н.А. Основания кассационной практики по вопросам преюдициальным. СПб., 1872. С. 32.

трактовалось как правило, прекращающее обязательство. Именно для разрешения вопросов, возникающих в процессе рассмотрения уголовного дела, если эти вопросы подлежали ведению суда духовного либо гражданского и ответ на которые непосредственно влиял на разрешение исходного уголовного дела, и применялось преюдициальное разбирательство¹.

Уголовное дело приостанавливалось, если для его разрешения необходимо было рассмотреть следующие вопросы: о правах состояния; о праве собственности на недвижимое имущество; о свойстве несостоятельности.

Из сочинений И.Я. Фойницкого следует, что институт «преюдимости» был заимствован составителями УУС из других правовых систем, возможно французской или германской. Французская доктрина и практика выработали сложную систему относительно преюдициальных вопросов. Так, французское судопроизводство выделяло: 1) вопросы предварительные, разрешение которых входит в компетенцию уголовного суда, но с применением к ним правил гражданского законодательства, и 2) преюдициальные в тесном смысле, разрешение которых не подлежит судам уголовным. Последние в свою очередь распадаются на: а) без разрешения которых не может быть возбуждено уголовное преследование, а начатое должно быть прекращено; и б) приостанавливающие лишь постановление окончательного приговора впредь до разрешения их компетентным органом. К преюдициальному французскому законодательству относились вопросы о факте несостоятельности, о правах на недвижимое имущество, о наличии прав, проистекающих от рождения или брака (вопросы законности рождения и действительности брака), и некоторые другие. Органами же, уполномоченными рассматривать указанные вопросы, признавались гражданские суды и административные установления.

О немецком механизме использования преюдиции автор писал, что в германских законодательствах круг преюдициальных вопросов достаточно тесен. Австрийский устав 1873 г. признавал за уголовным судом право на

---

¹ См.: подробнее: *Каландаришвили, Х.А.* Институт преюдиции в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года // *ГлаголЪ правосудия.* 2014. № 2(8). С. 14-16.

решение всех предварительных вопросов гражданского свойства, кроме вопроса о законности рождения вследствие действительности брака. Германский устав 1877 г. ликвидировал и это ограничение, предоставив уголовному суду возможность или самому разрешать всякого рода предварительные вопросы, или в интересах лучшего разъяснения дела выждать по ним решения гражданского суда. Подобные системы сложились в Норвегии и Швеции¹. Институт «предсудимости» был заимствован из французской системы права, так или иначе предусматривающей механизм приостановления уголовного дела при наличии не разрешимых в суде уголовном вопросов.

Как отмечает А.Г. Гореликова², к преюдициально установленным фактам в Российской империи относили: 1) в целях определения рецидива – справки о судимости³; 2) для определения возраста обвиняемого – справки о врачебном освидетельствовании⁴.

На основании изложенного можно сделать вывод, что институт преюдиции в Римской империи и Российской империи содержал в себе иной смысл, нежели его современная трактовка. В сущности, правило, установленное ст. 27 УУС, намного ближе по своему смыслу к существующим сейчас правилам о приостановлении производства по делу, однако не в уголовно-процессуальном праве, а в арбитражном процессе (ст. 143 АПК РФ).

В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона значение и сущность преюдициальности рассматривались сквозь призму ограничения компетенции суда уголовного и изъятия из его ведения разрешения различных

---

¹ См.: *Фойницкий И.Я.* Указ раб. С. 47.

² См.: *Гореликова А.Г.* Указ. раб. С. 18.

³ Ст. 414 УУС предусматривала, что, не ограничиваясь показаниями самого обвиняемого, «следователь своевременно собирает сведения о звании его и о том, не имеет ли он каких-либо особых заслуг и отличий, а также не находился ли прежде под судом и, если находился, то какой постановлен по его делу приговор; но за неполучением сих сведений дело не останавливается в дальнейшем его ходе».

⁴ Ст. 413 УУС предусматривала, что когда «возраст обвиняемого может иметь влияние на вменение ему содеянного в вину или на определение ему наказания, то показание его о годах поверяется справкой из метрических книг, а за неимением их из ревизских сказок или других документов; за невозможностью же сих справок возраст обвиняемого определяется посредством освидетельствования его чрез судебного врача».

юридических вопросов, выходящих за пределы уголовного права, если от решения таких вопросов будет зависеть квалификация судимого деяния. Так, «предсудимые», или преюдициальные, вопросы (*questions prejudicielles*) предаются судом уголовным «на разрешение тех судов и учреждений, к ведомству которых они относятся по своему содержанию; дальнейшее направление уголовного дела в таком случае обуславливается решением, какое состоится по преюдициальному вопросу»¹. А.С. Лыкошин отмечает, что круг преюдициальных вопросов в уголовном судопроизводстве Российской империи, в сравнении с иностранными государствами, был еще более расширен, судебная же практика Правительствующего сената распространяла «предсудимость»: 1) на все случаи, когда преступность деяния, в котором обвинялся подсудимый, зависела от определения прав собственности на движимое имущество, основанных на формальном акте, и 2) на те случаи, когда уголовное преследование обуславливалось разрешением спора о правах по обязательствам и договорам, для доказательства которых требовалось письменное удостоверение и не принимались свидетельские показания. По разъяснению Сената, вопросы гражданского права считались преюдициальными и требующими рассмотрения в гражданском суде только тогда, когда гражданская сделка, из которой они возникали, заинтересованными сторонами признавалась спорной. Преюдициальные вопросы уголовного права, подлежащие разрешению в другом уголовном суде, могли возникать: 1) в делах о клевете, когда обвиняемый, утверждая, что все сказанное им соответствует истине, требовал приостановки дела впредь до разрешения уголовным судом дела о преступном деянии, обвинение в котором выставлялось клеветой; 2) в делах о ложном доносе, когда обвиняемый требовал, чтобы возбужденное его доносом дело было сначала окончено, так как обвинение в ложном доносе могло окончиться либо оправдательным приговором, либо определением о прекращении следствия; 3) когда сторона

---

¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: в 88 т. Т. 49. Ярославль, 1992. С. 105.

заявляла о подлоге письменных документов, представленных в доказательство вины или невиновности подсудимого¹.

Таким образом, сложившаяся практика приостановления производства по уголовному делу давала возможность при его последующем возобновлении использовать выводы суда духовного или гражданского в качестве достоверно установленных сведений и фактов. Таким образом, фактически ограничивалась компетенция суда уголовного при решении вопросов, выходящих за пределы его подсудности.

Как следует из содержания норм УПК РСФСР 1922 г. (в ред. 1923 г.) и УПК РСФСР 1960 г., в процессе реформирования законодательства и создания новой правовой системы законодатель коренным образом видоизменил механизм преюдиции по сравнению с ранее действовавшим. Ст. 12 УПК РСФСР 1922 г. (в ред. 1923 г.) устанавливала следующее: вступившие в законную силу решения гражданского суда обязательны для уголовного суда только в отношении вопроса, имело ли место событие или деяние, но не в отношении виновности подсудимого. Необходимо отметить, что советский законодатель очень конкретно определил круг обстоятельств, которые могли иметь статус преюдициальных, видоизменяя и уравнивая преюдицию с юридическим фактом. Данное решение представляется более удачным по сравнению с современной формулировкой, предусматривающей, что преюдициальными могут быть любые обстоятельства (кроме тех, которые указывают на виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле).

Похожую позицию советский законодатель занял при формулировании ст. 28 УПК РСФСР 1960 г. «Значение решений или определений суда по гражданским делам для разрешения уголовных дел». Так, вступившее в законную силу решение, определение или постановление суда по гражданскому делу было обязательно для суда, прокурора, следователя и лица, производящего

---

¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: в 88 т. Т. 49. Ярославль, 1992. С. 106.

дознание, при производстве по уголовному делу только по вопросу, имело ли место событие или действие, но не в отношении виновности обвиняемого. Отличия представленных формулировок заключаются в том, что советский законодатель дополнил правовую норму о преюдиции иными видами судебных решений (определениями и постановлениями суда), а также расширил субъектный состав участников уголовного судопроизводства, для которых преюдиция стала обязательной (помимо суда, это прокурор, следователь и лицо, производящее дознание), кроме того, он заменил уголовно-правовое понятие «деяние» на общеправовое понятие «действие». Также обе правовые формулы предусматривали прямой запрет на использование обстоятельств, установленных иным вступившим в законную силу актом суда, подтверждавших виновность лица, в отношении которого было возбуждено уголовное преследование.

Последнее, возможно, проистекает из попытки законодателя пресечь обвинительную (или оправдательную) деятельность суда при оценке действий лиц, виновность или невиновность которых не являлась предметом рассматриваемого уголовного дела.

Как утверждает Г.Я. Борисевич, практическое применение ст. 28 УПК РСФСР 1960 г. не вызывало проблем. При исследовании доказательств суд не был лишен права проверить обстоятельства, установленные при рассмотрении гражданского дела. В случае если при этом были выяснены новые данные, опровергающие какие-либо факты или обстоятельства, вступивший в законную силу приговор мог послужить поводом к пересмотру решения по гражданскому делу¹.

Кроме того, законодатель в ст. 28 УПК РСФСР 1960 г. окончательно закрепил преюдицию как результат действия презумпции истинности вступившего в законную силу судебного решения, не предусматривая (как ранее) возможности разрешения каких-либо отдельных вопросов,

---

¹ См.: *Борисевич Г.Я.* О проблемах применения статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Вестник Перм. ун-та. Юрид. науки. 2014. № 1. С. 260-268.

необходимых для рассмотрения конкретного уголовного дела, до разрешения самого дела. Таким образом, было потеряно традиционное, сложившееся в дореволюционной России значение преюдиции¹.

Сравнивая дореволюционный и советский механизм преюдиции, А.Г. Гореликова пишет, что не следует отождествлять понятия преюдиции и предсудимости, ввиду того что предсудимость всегда предполагает предшествующую судимость и намного ближе к таким понятиям, как «рецидив» и «неоднократность»². Современное же понятие преюдиции основано на советском опыте и предполагает необходимую взаимосвязь между различными видами судопроизводства. Смысл механизма преюдиции в том, что обстоятельства, установленные ранее вынесенным решением суда, кладутся в основу нового судебного акта без дополнительной, повторной проверки.

Однако не все исследователи считают, что механизм преюдиции коренным образом был изменен. По мнению И.В. Чащиной, по УУС 1864 г. преюдиция использовалась не с целью обязательного изъятия и непрямого предрешения какого-либо вопроса судом гражданским и духовным, а «применительно к фактическому положению, когда суд становится перед фактом, что какое-либо действие лица, фактические обстоятельства дела уже были предметом рассмотрения и по ним вынесено решение»³.

Однако, по нашему мнению, механизм преюдиции был существенно изменен советским законодателем. Так, отказавшись от понятия «предсудимость», советский законодатель создал термин «преюдиция» в значении правила, освобождающего от доказывания отдельных обстоятельств по уголовному делу.

Современный этап истории формирования понятия «преюдиция» начинается с принятия нового УПК РФ. Как и в случае с презумпцией

---

¹ См.: Юсубова У.М. Преюдиция в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 21

² См.: Гореликова А.Г. Указ. раб. С. 18.

³ Чащина И.В. Преюдиция в уголовном процессе России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 20

невиновности, понятие «преюдиция» впервые было закреплено в российском законодательстве только в 2001 г.

За период действия УПК РФ ст. 90 не раз претерпевала коренные изменения. Первоначальная формулировка предусматривала только отраслевую преюдицию: обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, если эти обстоятельства не вызывают сомнений у суда. При этом такой приговор не может предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле. Не упоминались, таким образом, акты гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, и был проигнорирован весь предыдущий законотворческий опыт советского периода.

Следует согласиться с А.Г. Гореликовой, которая, исследуя норму о преюдиции в новом уголовно-процессуальном законе до 2009 г., указывает на ряд причин усечения ее законодателем до отраслевой, среди которых называет отход законодателя от принципа объективной истины¹. Если в уголовном процессе дискуссия о необходимости возвращения объективной, материальной истины ведется до настоящего времени, то гражданское и арбитражное судопроизводство восприняло формальную истину более чем органично. Так, АПК РФ устанавливает, что признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, освобождает другую сторону от необходимости доказывания таких обстоятельств (ч. 3 ст. 70). Подобный подход в доказывании неприемлем для уголовного судопроизводства, так как противоречит основным гарантиям прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого. Как справедливо отмечает М.К. Треушников, объем фактов, подлежащих доказыванию по каждому из видов судопроизводства, различается самым коренным образом, кроме того, различны и источники формирования предмета доказывания².

---

¹ См.: Гореликова А.Г. Указ. раб. С. 18.

² См.: Треушников М.Г. Судебные доказательства. М., 2005. С. 16.

Несмотря на органичную взаимосвязь отраслевой преюдиции с теорией доказывания в уголовном судопроизводстве, федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» представил следующую формулировку уголовно-процессуальной преюдиции: обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решения не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле. Основанием для внесения этих изменений послужило Определение Конституционного Суда РФ, вынесенное по жалобе гражданина Т.Р. Суринова от 15 января 2008 г. № 193-ОП, в котором Конституционный Суд РФ высказал свое мнение относительно возможности и невозможности использования фактических данных, установленных в рамках иного вида судопроизводства, и указал, что ст. 90 УПК РФ не предполагает возможности при разрешении уголовного дела не принимать во внимание обстоятельства, установленные неотмененными решениями арбитражного суда по гражданскому делу, которые вступили в законную силу, пока они не опровергнуты стороной обвинения¹.

Последние законодательные изменения преюдиции были связаны с тем, что доля разбирательств, проводимых в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ), в российской судебной практике была и остается весьма существенной. Преюдициальность приговоров, при вынесении которых суд не исследует доказательства, представленные стороной обвинения, и самостоятельно не устанавливает фактические обстоятельства дела, активно критиковалась в литературе. Ведь

---

¹ СЗ РФ. 2008. № 18, ст. 2090.

согласно ст. 316 УПК РФ суд только сопоставляет эти обстоятельства в том виде, в каком они установлены органами предварительного расследования, с имеющимися в деле доказательствами. По мнению И.С. Дикарева, результат такого исследования – это компромисс, о котором заранее договорились стороны защиты и обвинения. Так, автор в этой связи отмечает, что «применение по делу особого порядка судебного разбирательства должно, по нашему мнению, выступать объективным препятствием для признания преюдициального значения приговора, вынесенного в рамках такой процедуры»¹.

Как полагает О.Н. Тисен, рассмотрение в особом порядке уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, возможно только после вступления в законную силу приговора в отношении соучастников преступления. Так, по словам автора, к тому моменту, когда приговор будет вынесен, сторона обвинения сможет убедиться в достоверности предоставленных сведений, что в общем виде и будет приведено в качестве обоснования вынесения предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ представления².

В редакции федерального закона от 29 июня 2015 г. № 191-ФЗ правовая норма о преюдиции исключает из числа преюдициальных судебных актов приговоры, постановленные судом в особом порядке судебного разбирательства, а также приговоры, постановленные в результате судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме.

Как представляется, отказавшись от понятия «предсудимость», советский законодатель создал термин «преюдиция» в значении правила, освобождающего от доказывания отдельных обстоятельств по уголовному

---

¹ Дикарев И.С. Преюдициальность судебных решений в уголовном процессе // Законность. 2014. № 10. С. 53.

² См.: Тисен О.Н. К проблеме ограниченной преюдиции фактов, установленных в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 67–69.

делу. Разорвав, таким образом, связь преюдиции в смысле предсудимости с уголовным судопроизводством и создав общеправовой, основанный на единстве процесса и презумпции истинности вступившего в законную силу приговора и иного решения суда механизм межотраслевой преюдиции. Задачи этого механизма ближе всего стоят к задачам других приемов юридической техники, являясь законным предположением, освобождающим от доказывания конкретных фактов, с той лишь разницей, что преюдиция в отличие от фикции или презумпции не общенаучный, а специально-правовой термин, более ни в одной из областей научного познания не используемый.

§ 2. Сущность преюдиции, понятие и виды преюдиции в российском уголовном судопроизводстве

Ввиду широкого использования преюдиции в современном российском судопроизводстве, а также большого ее значения в доказывании по уголовному делу отсутствие единого подхода к пониманию данного правового явления пагубно влияет на правоприменительную практику. Так, А.В. Карданец писал о принципиальной неизученности преюдиции, отмечая отсутствие ее однозначного понимания в науке, которое, в свою очередь, не позволяет законодателю сформулировать менее противоречивую норму права¹. П.А. Смирнов указывал на необходимость констатации того факта, что в настоящее время наблюдается лишь приближение к пониманию сущности преюдиции, которая является «глубоким, сложным и многообразным явлением»². Негативное влияние преюдиции на современную правоприменительную практику с точки зрения возможности злоупотребления правом отмечалась В.А. Азаровым и Д.М. Нурбаевым³. Следует отметить, что в рамках диссертационного исследования был проведен анализ более чем 80

---

¹ См.: Карданец А.В. Указ. раб. С. 3.

² Смирнов П.А. Рецензия на статью Чашина И.В. Проблемы применения преюдиции в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 47.

³ См.: Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Внутреннее убеждение при оценке в уголовном процессе преюдициального значения решений, принятых в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве. М., 2016. С. 3.

различных судебных актов, вынесенных в рамках уголовного судопроизводства с 2011 по 2020 гг. (обвинительные и оправдательные приговоры, постановления и определения апелляционной и кассационной инстанций по вопросам обжалования незаконных действий и решений должностных лиц органов предварительного расследования в порядке ст. 125 УПК РФ и др.), в которых затрагивались вопросы толкования и применения ст. 90 УПК РФ. На основании проведенного анализа можно сделать вывод о существенном влиянии правовых позиций Конституционного Суда РФ, изложенных в определении от 15 января 2008 г. № 193-О-П¹ и постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30², на судебную практику, в текстах решений часто встречается цитирование и толкование отдельных положений. При этом в некоторых случаях толкование данных позиций приобретает достаточно спорный характер. Так, в постановлении Московского областного суда от 7 июня 2016 г. при разрешении апелляционной жалобы суд пришел к выводу о несостоятельности доводов заявителя о необходимости применения процессуальной преюдиции, поскольку решением Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30 по делу гр-на Власенко разъяснено, что применительно к уголовному судопроизводству преюдициальное значение для решений судов общей юрисдикции имеют лишь те факты, которые ранее были установлены судом по приговору, вступившему в законную силу. Другие же обстоятельства, имеющие значение для дела, не имеют заранее установленной силы и подлежат проверке и оценке судами в общем порядке. В завершение своих рассуждений суд указал, что из проверенных материалов, за исключением решений арбитражных судов,

---

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2008 № 193-О-П «По жалобе гражданина Суринова Т.Р. на нарушение его конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 4.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // СЗ РФ. 2012. № 2, ст. 398.

никаких приговоров по делу судами ранее не выносилось¹. Представляется, что суд имел возможность указать на тот факт, что решением арбитражного суда не мог быть предрешен вопрос о виновности или невиновности по конкретному делу, т. к. данные вопросы рассматриваются исключительно в уголовном судопроизводстве, либо иным образом объяснить неприменимость преюдиции. Однако он прямо указывает на отсутствие преюдициальности у решений, вынесенных в рамках арбитражного, гражданского и административного судопроизводства. В другом случае в постановлении Астраханского областного суда от 7 апреля 2016 г. также при рассмотрении апелляционной жалобы в обоснование своей позиции суд указал, что согласно ст. 90 УПК РФ преюдицией признаются обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором суда, но никак не судебным решением по гражданскому делу². Представленные примеры демонстрируют сложность процессуального применения и неоднозначность понимания правоприменителем не только правовых позиций Конституционного Суда РФ, но и действующей преюдициальной формулы вообще.

Представляется, что для подробного исследования механизма преюдиции в национальном уголовном судопроизводстве необходимо провести ее сравнительный анализ с другим, не используемым в России, правовым явлением, характерным для англосаксонской системы права, – прецедентом.

В переводе с латинского *praecedens* (*praecedentis*) – идущий впереди, предшествующий; случай, служащий примером, оправданием для последующих случаев этого же рода; решение суда или какого-нибудь другого государственного органа, вынесенное по конкретному делу и обязательное при

---

¹ См.: Апелляционное постановление Московского областного суда от 07.06.2016 № 22-3818 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=96cf683d27745fab0794bb1255ed8210&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 15.02.2021).

² См.: Апелляционное постановление Астраханского областного суда от 07.04.2016 № 22-593 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=c9edd41ca30d4b51de5a1c12ca480239&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 15.02.2021).

решении аналогичных дел в последующем¹.

Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова, прецедент – это случай, поступок в прошлом, служащий примером или оправданием для последующих поступков того же рода. В юридическом значении – это решение суда или иного органа государственной власти, ставшее образцом для разрешения сходных вопросов на последующее время².

Исследователи общей теории права рассматривают судебный прецедент как судебное решение по конкретному делу, имеющее значение общеобязательного правила для всех аналогичных дел³. В качестве главного достоинства прецедента называют «большую точность и предметность в сравнении с общей нормой права и способность отразить существо конкретного дела»⁴.

Основное из свойств прецедента – необходимость судебным органам ему следовать – С.В. Фидельский описывает так: «Это очень важное свойство прецедента в английской правовой теории обозначается понятием «staredecisis». «Staredecisis» – то обозначение принципа, согласно которому «по умолчанию» прецеденту нужно следовать, если нет аргументов против такого поведения. Суть этого латинского словосочетания передается фразой «let the decision stay», что значит примерно «пусть решение остается». Такой принцип имеет под собой элементарное логическое основание: если было вынесено правильное решение, то нет никаких причин, по которым решение по аналогичному делу не оказалось бы аналогичным»⁵.

В основе каждого из понятий – и «преюдиция», и «прецедент», безусловно, лежит авторитет ранее принятого решения, различается лишь

---

¹ Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008. С. 256.

² Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2005. С. 312.

³ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М., 1999. С. 401.

⁴ Мухаев Р.Т. Теория государства и права. М., 2005. С. 351.

⁵ Фидельский С.В. Становление института преюдиции в уголовно-процессуальном праве: опыт Российского государства и некоторых зарубежных стран // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 4. С. 28.

механизм действия. Если прецедент ограничивает суд в вынесении резолютивного итогового решения и основной задачей суда остается установить сходство обстоятельств в рассматриваемом и в уже решенном деле, то преюдиция ограничивает суд, прокурора, следователя и дознавателя в оценке обстоятельств, ранее установленных, оставляя возможность принять решение самостоятельно. Впрочем, преюдицию можно воспринимать и как усеченный вариант прецедента. Если обстоятельства дела установлены ранее вынесенными судебными решениями и им дана соответствующая оценка, то вывод из заранее установленных сведений можно назвать предрешенным.

Представленные в теории уголовно-процессуального права определения и трактовки понятия преюдиции различаются между собой в той мере, в какой такие различия возможны при выявлении основных свойств преюдиции.

Необходимо отметить, что преюдиция в научной литературе определяется очень разнопланово: 1) итоговый судебный акт; 2) обстоятельство или совокупность обстоятельств, установленных судом; 3) способ доказывания; 4) процессуальное правило; 5) правило, освобождающее от доказывания; 6) значение для правоприменителя фактов и выводов, установленных ранее вынесенным судебным актом; 7) прием юридической техники и средство процессуальной экономии.

Определение, сформулированное В.К. Бабаевым, исходит из того, что преюдиция – это вступившее в законную силу итоговое судебное решение или административный акт, изданный компетентным органом в установленном законом порядке, о наличии или отсутствии обстоятельства или правоотношения, обязательные для уголовного суда, разрешающего дело¹.

Другую позицию занимает С.В. Голубинская, утверждая, что преюдиция не итоговый акт суда, но обстоятельство (или совокупность обстоятельств), установленное одним судом, которое не может повторно устанавливаться другим судом и должно расцениваться иными правоприменителями как

---

¹ Бабаев В.К. Указ. раб. С. 33.

окончательное, итоговое, в смысле не прецедентного, но преюдициального значения решение¹. Аналогичной точки зрения придерживается И.В. Чащина, полагая, что «преюдиция применяется для обозначения совокупности обстоятельств, не нуждающихся в доказывании, поскольку они установлены вступившим в законную силу судебным актом по ранее рассмотренному делу»².

Отдельные исследователи рассматривают преюдицию как правило общего, процессуального характера, не относящееся напрямую к доказыванию. Например, Ю.М. Грошевой полагал, что преюдиция – «это не способ доказывания фактов, а общее положение (правило), в силу которого лицо, осуществляющее оценку доказательств, и суд вправе считать установленными обстоятельства, имеющие значение для разрешения уголовного дела»³. В.Рясенцев пришел к выводу, что «преюдиция – юридическое правило, согласно которому решение, вступившее в законную силу (приговор), одного суда является обязательным для другого, а поэтому исключается повторное рассмотрение того же дела в целом или в части»⁴.

А.Г. Гореликова в данной дискуссии занимает промежуточную позицию, представляя преюдицию в качестве процессуального правила, освобождающего от доказывания по уголовному делу⁵.

Р. Искандеров считал, что «под преюдицией принято понимать значение для органов расследования, суда фактов и правовых выводов, содержащихся в ранее вынесенных судебных решениях и приговорах»⁶.

Некоторые авторы рассматривают преюдицию с позиции юридической техники и связывают ее с оценкой доказательств. Так, А.Р. Белкин указывает,

---

¹ См.: Голубинская С.В. Решение Конструкционного суда РФ в правовой системе России: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М. 2002. С. 22–23.

² Чащина И.В. Указ. раб. С. 23.

³ Грошевой Ю.М. Теоретические проблемы формирования убеждения судьи в советском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1975. С. 86.

⁴ Рясенцев В. Вопросы преюдиции при рассмотрении судами гражданских дел // Советская юстиция. 1985. № 10. С. 46.

⁵ См.: Гореликова А.Г. Указ. раб. С. 57.

⁶ Искандеров Р. О преюдициальном значении приговора // Советская юстиция. 1990. № 22. С. 56.

что преюдицию необходимо рассматривать как результат действия презумпции истинности вступившего в законную силу итогового решения суда¹. Другой автор, А.В. Карданец, позиция которого представляется наиболее верной, полагает, что преюдиция – это прием юридической техники². В свою очередь, некоторые ученые представляют преюдицию одним из средств процессуальной экономии, поскольку она позволяет использовать доказанные обстоятельства в ранее вынесенном решении без повторного исследования³.

Представляется, что ни один из указанных подходов в должной мере не раскрывает сущность исследуемого понятия. По нашему мнению, преюдиция является законным предположением об истинности обстоятельств, установленных в приговоре или ином судебном решении. При этом она занимает промежуточное место между правовыми презумпциями и правовыми фикциями. В отношении этих приемов юридической техники существует давно сложившееся учение, которое предполагает определенный перечень конкретных свойств. Основным свойством для их разграничения признается опровержимость (или неопровержимость). Для преюдиции данное свойство также имеет большое значение (от этого зависит механизм ее использования в доказывании), но это свойство в российском уголовном судопроизводстве напрямую зависит от воли законодателя.

Таким образом, преюдиция – это закрепленный в уголовно-процессуальном законе прием юридической техники, в основе которого лежит законное предположение об истинности обстоятельств уже вступившего в законную силу приговора или иного решения суда, и обязывающий посредством его применения не совершать обязательные процессуальные действия по проверке и оценке отдельных обстоятельств и фактов уголовного дела, ввиду того что подобные действия уже были совершены.

Для дальнейшего исследования механизма преюдиции необходимо

---

¹ См.: *Белкин А.Р.* Теория доказывания: научно-методическое пособие. М., С. 295.

² *Карданец А.В.* Указ. раб. С. 45.

³ *Оськина И., Луну А.* Как избежать судебных противоречий // *ЭЖ-Юрист.* 2015. № 1. С. 8.

рассмотреть используемое в литературе понятие «преюдициальность».

«Большой юридический словарь» дает такое определение преюдициальности, как «обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки и доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением или приговором по какому-либо другому делу»¹.

Согласно «Российской юридической энциклопедии», преюдициальность в процессуальном праве – это обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки и доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу решением или приговором по какому-либо другому делу².

И.С. Дикарев предлагает следующую трактовку: преюдициальность в его изложении – это свойство вступивших в законную силу судебных решений, выражающееся в обязательности установленных ими обстоятельств для органов предварительного расследования, прокурора и суда, которые должны признавать такие обстоятельства без дополнительной проверки³. Автор, таким образом, раскрывает преюдициальность через категорию «свойство» и указывает на то, что ряд специалистов в области уголовно-процессуального права рассматривают ее как самостоятельный признак вступивших в законную силу актов суда, выделяя преюдициальность наряду с обязательностью, исключительностью и др.⁴ В соответствии с данными позициями преюдициальность как свойство представляет собой частный случай общеобязательности судебного акта, специфика которой проявляется в первую очередь в конкретном адресате (суд, прокурор, следователь, дознаватель), а

---

¹ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1999. С. 544.

² Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 2394.

³ См.: Дикарев И.С. Преюдициальность судебных решений в уголовном процессе // Законность. 2014. № 10. С. 51–53.

⁴ См., напр.: Бутов В.Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. С. 14; Алиев Т.Т. Принцип презумпции истинности приговора, вступившего в законную силу // Российский судья. 2003. № 7. С. 21; и др.

также в особой сфере проявления обязательности судебного решения – доказывании по делам, требующим учета обстоятельств, установленных преюдициальным судебным актом. По нашему мнению, с учетом последних изменений ст. 90 УПК РФ преюдициальность стала уже самостоятельным и исключительным свойством приговора, подтверждающим, что процесс доказывания по конкретному делу проводился согласно всем требованиям общего порядка расследования и рассмотрения уголовных дел.

Переходя к вопросу о видах преюдиции, необходимо отметить, что единого комплексного исследования, посвященного проблеме видов и классификаций преюдиций, в научной литературе не представлено. В отдельных диссертационных исследованиях были сделаны попытки проанализировать и объединить различные точки зрения по данной проблеме, но сложившегося, классического подхода (как этот вопрос представлен в теории правовых презумпций) в настоящее время нет. При этом общий обзор представленных в литературе классификаций дает представление об основных свойствах преюдиции, а также позволяет оценить смысл изменений, когда-либо вносимых в ст. 90 УПК РФ, а также в должной мере проанализировать формулировки преюдиции и механизм их действия в советском законодательстве.

Существует классическое деление преюдиций в зависимости от сферы действия в рамках системы права на общеправовые, межотраслевые, отраслевые¹. Также А.П. Еремина выделяет преюдиции логические и юридические. Логические преюдиции объединяют несколько видов судопроизводства, юридические существуют в рамках одного вида процесса².

И.В. Чашина предлагает различать преюдицию обстоятельств и преюдицию правовых выводов в зависимости от того, какой правовой материал в решении приобретает преюдициальное значение. Также она выделяет

---

¹ См.: Карданец А.В. Указ. раб. С. 59.

² См.: Еремина А.П. Преюдиции в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 3.

преюдицию, имеющую материально-правовое или процессуально-правовое значение. Первая, по ее мнению, предполагает зависимость последующего решения от квалификации и вынесенного наказания, вторая выражается в использовании фактических обстоятельств, входящих в предмет доказывания по ранее рассмотренному делу¹. Сходную классификацию предлагает М.Г. Авдюкова, различая преюдицию факта и преюдицию правоотношения².

Самостоятельную классификацию представила А.Г. Гореликова, предложив делить преюдиции в зависимости от субъекта принятия процессуального решения в уголовном судопроизводстве: 1) преюдиция, применяемая следователем, дознавателем; 2) преюдиция, применяемая прокурором; 3) преюдиция, применяемая судом³.

Н.Б. Зейдер выделяет преюдиции обязательные и необязательные, в основе этого деления лежит императивное указание закона на обязательность преюдициальных отношений⁴. П.А. Скобликов также различает два вида преюдиции – неопровержимую (строгую) и опровержимую (нестрогую). В основе этого деления лежит возможность преодоления преюдиции участниками уголовного судопроизводства. Неопровержимая преюдиция обязывает суд, рассматривающий дело, при наличии предусмотренных законом условий принять ранее установленные факты без дополнительной проверки. Опровержимая преюдиция предоставляет суду возможность усомниться в предыдущем итоговом судебном акте и отвергнуть презюмируемые сведения. Этим же автором предложено выделить преюдицию полную (не ограниченную законом) и преюдицию усеченную (ограниченную какими бы то ни было условиями)⁵.

С учетом последних изменений ст. 90 УПК РФ можно предложить также деление преюдиции в зависимости от того, результатом какого судебного

---

¹ См.: *Чащина И.В.* Указ. раб. С. 29-30.

² См.: *Авдюков М.Г.* Судебное решение. М., 1959. С. 161-164.

³ См.: *Гореликова А.Г.* Указ. раб. С. 59.

⁴ См.: *Зейдер Н.Б.* Судебное решение по гражданскому делу. М., 1996. С. 146, 166–170.

⁵ См.: *Скобликов П.А.* Преюдиция актов арбитражных судов в уголовном процессе: новое прочтение // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 70.

приговора она является. В основу данного деления положено волеизъявление законодателя о том, какие конкретно приговоры имеют преюдициальное значение, а какие нет. Таким образом, следует выделять общую преюдицию (все без исключения вступившие в законную силу решения суда являются преюдициальными) и исключительную преюдицию (в законе перечислено, какие итоговые решения суда, вступившие в законную силу, преюдициальностью не обладают). Следует также заметить, что данная классификация является подтверждением позиции автора о том, что преюдициальность необходимо выделять как самостоятельный признак приговора в уголовном процессе.

Таким образом, преюдиция – это закрепленный в уголовно-процессуальном законе прием юридической техники, в основе которого лежит законное предположение об истинности обстоятельств уже вступившего в законную силу приговора или иного решения суда, и обязывающий посредством его применения не совершать обязательные процессуальные действия по проверке и оценке отдельных обстоятельств и фактов уголовного дела, ввиду того что подобные действия уже были совершены. Преюдициальность – это самостоятельное и исключительное свойство некоторых приговоров, подтверждающее, что процесс доказывания по конкретному делу проводился согласно всем требованиям общего порядка расследования и рассмотрения уголовных дел. Также до 2009 г. ст. 90 УПК РФ устанавливала отраслевую преюдицию. После внесения соответствующих изменений данная норма права закрепила в отечественном уголовном судопроизводстве межотраслевую, непроверяемую преюдицию. Изменения 2015 г. также сделали отечественную преюдицию исключительной, лишив свойства преюдициальности приговоры, вынесенные без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением, приговоры в отношении подсудимых, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, а также приговоры, вынесенные по результатам дознания в сокращенной форме.

§ 3. Пределы действия преюдиции в российском уголовном судопроизводстве

В литературе не сложилось однозначного отношения к современной формуле преюдиции. Так, по мнению В.С. Балакшина, изменения 2009 г. имели положительный эффект, сделав норму права четче и понятней, чем раньше¹. Другие авторы активно критикуют современный вид преюдиции и считают подобное сочетание (межотраслевая и неопровержимая) неудачным, поскольку на практике это приводит к ситуации, в рамках которой зачастую невозможно достичь установленных ст. 6 УПК РФ целей уголовного судопроизводства².

Представляется, что в основе спора о характере преюдиции лежит проблема, в равной мере не решенная ни в теории доказывания, ни в практике правоприменения. Так, с одной стороны, безусловным представляется суждение о недопустимости наличия двух противоречивых судебных решений по одному и тому же факту, установленному различными судами. С другой стороны, в научной литературе не раз указывалось на непреодолимые различия в правилах доказывания, качественном и количественном уровне процессуальных гарантий, предусмотренных законом, технических, материальных, организационных возможностях, используемых при формировании доказательственной базы в гражданском и уголовном судопроизводстве³.

Проблема преюдициального значения обстоятельств, установленных решением одного суда, для дела, рассматриваемого другим судом, т. е. проблема соотношения межотраслевой неопровержимой преюдиции с

---

¹ См.: Балакшин В.С. Преюдициальная сила решения, принятого в рамках административного процесса, в уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 110.

² См.: Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Внутреннее убеждение при оценке в уголовном процессе преюдициального значения решений, принятых в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве. М., 2016. С. 5.

³ См., напр.: Треушников М.Г. Судебные доказательства : монография. М., 2005. С. 16; Головкин Л.В. Три аксиомы применения института преюдиции в уголовном процессе // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: матер. междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти д-ра юрид. наук, проф. П.А. Лупинской (17-18 марта 2011 г.). М., 2011. С. 48-58.

принципом свободы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, не раз исследовалась в научной литературе. Современная формулировка преюдиции предполагает, что в отношении целого ряда фактов, на которые суд ссылается в описательно-мотивировочной части выносимого им решения, не применяются такие элементы доказывания, как проверка и оценка доказательств, ввиду уже проведенного их исследования другим судом.

Каким же образом данное положение закона соотносится с традиционным принципом свободы оценки доказательств? Этот принцип, как известно, установлен ст. 17 УПК РФ и содержит следующие положения: судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. В этой связи И.Я. Фойницкий писал: «Но что же понимает закон под свободной оценкой доказательств, им насаждаемую? ...[Закон] предполагает знание дела путем изучения его по объективным данным, в самом деле заключающимся. Оценка доказательств есть умственная деятельность, разрешающаяся сомнением или убеждением»¹.

В юридической литературе не раз отмечалось данное непримиримое противоречие: с одной стороны, участники, которым законом даны полномочия по оценке доказательств, должны самостоятельно, не руководствуясь ничем, кроме собственного усмотрения и требований закона, оценить истинность достигнутого знания в рамках конкретного уголовного дела. Причем знание это будет касаться как действительных обстоятельств дела, так и прав и обязанностей его участников. С другой стороны, преюдиция – это не что иное, как «обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки и доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную

---

¹ Фойницкий И.Я. Указ. раб. С. 191.

силу судебным решением или приговором по какому-либо другому делу»¹. Фактически судья, подчиняясь межотраслевой, неопровержимой преюдиции, даже не имеет права усомниться в достоверности фактов, установленных иным итоговым актом суда. Дискуссия о превалировании одного положения закона над другим нередко возникала на страницах печати. Позиции зачастую занимались диаметрально противоположные: либо предпочтение отдавалось внутреннему убеждению, либо преюдиции. Так, например, Я.О. Мотовиловкер полагал, что подобное противоречие нельзя решить в пользу преюдиции².

Рассматривая преюдицию, закрепленную в ст. 28 УПК РСФСР, Г.Я. Борисевич пишет: «Данная норма соответствовала убеждениям практических работников в том, что в определенных случаях (обоснованных сомнениях в истинности судебного решения) преюдиция должна быть опровержимой. Другое представление о сущности преюдиции противоречило бы принципу свободы оценки доказательств»³.

Позиция Р. Искандерова основана на незыблемости самостоятельного судебного усмотрения; по его мнению, суд вправе дать новую оценку установленным ранее фактам и выводам в соответствии с той совокупностью доказательств, которая имеется в его распоряжении, и вынести приговор по своему внутреннему убеждению при появлении доказательств, их опровергающих⁴.

З.З. Зинатуллин предполагает, что суд, следователь, дознаватель и прокурор «не могут входить в обсуждение доброкачественности соответствующего процессуального акта, в котором они констатированы, и

---

¹ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1999. С. 544.

² Мотовиловкер Я.О. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 117.

³ Борисевич Г.Я. О проблемах применения статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Вест. Пермс. ун-та. Юридические науки. 2014. № 1. С. 264.

⁴ Искандеров Р. О преюдициальном значении приговора // Советская юстиция. 1990. №22. С. 21.

делать новые выводы, противоречащие этому акту, пока последний не отменен в установленном законом порядке»¹.

Самый лаконичный, однако не решающий спора, ответ был дан М.С. Строговичем, считавшим, что первоначальный приговор не имеет силу закона, это официальный ненормативный акт, удостоверяющий отдельные факты, принимаемые судом как истинные без дополнительной проверки в том случае, когда они представляются суду бесспорными и не вызывающими сомнений в своей истинности. При сомнении в том или ином факте, установленном вступившим в законную силу приговором, при возражении против этого факта обвиняемого или иного участника процесса суд обязан данный факт исследовать по существу².

По нашему мнению, межотраслевая преюдиция имеет безусловное превалирующее значение над принципом свободы оценки доказательств. Данное законное предположение согласовывает различные виды судопроизводств, которые не могут существовать в изоляции друг от друга. Признание того факта, что свобода оценки доказательств в конкретном деле является более «сильным» аргументом, нежели мнение суда, уже рассматривавшего данные обстоятельства, – это путь к формированию фактической презумпции некомпетентности суда при решении вопросов, непосредственно отнесенных к его ведению.

Однако пределы действия преюдиции, вопрос об опровержимой либо неопровержимой преюдиции необходимо рассматривать в контексте проблемы «преюдициальности» судебного акта вообще.

Так, на наш взгляд, рассуждения о неопровержимой преюдиции несостоятельны и являются результатом исследования правила, установленного ст. 90 УПК РФ, в отрыве от остальных норм уголовно-процессуального законодательства. В любом случае преюдиция не относится к классу правовых фикций, которые не могут быть опровержимы никогда.

---

¹ Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск, 1993. С. 74.

² Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. Л., 1947. С. 214.

Предусмотренная законодателем возможность пересмотра приговора в кассации, надзоре, а также ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в любом случае предполагает возможность правоприменителя и сторон по делу отменить не соответствующий фактическим обстоятельствам судебный акт. Свойство преюдициальности появляется у судебного решения после вступления его в законную силу, а прекращается после его отмены в порядке, установленном главами 47.1, 48.1 и 49 УПК РФ, главами 41, 41.1 и 42 ГПК РФ, главами 35, 36.1 и 37 АПК РФ, а также главами 35, 36 и 37 КАС РФ. Предусмотреть же возможность дачи новой оценки установленным ранее фактам и выводам не только судом, но и всеми участниками уголовного судопроизводства, перечисленными в ст. 17 и 90 УПК РФ, приведет к размыванию понятия законной силы судебного акта и к ликвидации презумпции истинности вступившего в законную силу решения суда.

Безусловно, замечания в адрес межотраслевой неопровержимой преюдиции были сформулированы достаточно давно. Так, по мнению И.В. Чащиной, отсутствие разработанного механизма действия межотраслевой преюдиции привело к ситуации, при которой в силу вступивших в законную силу решений гражданских и арбитражных судов, вынесенных на основе сфальсифицированных доказательств или обстоятельств, признанных сторонами и судом истинными без проверки, в следственной и судебной практике возникают коллизии, принимаются юридически не обоснованные решения, тем более усугубляющие положение участников уголовного судопроизводства, что уголовный суд не может не только игнорировать подобные решения, но и усомниться в их достоверности¹.

По мнению В.А. Азарова и Д.М. Нурбаева, межотраслевая преюдиция не позволяет правоохранительным органам в должной мере осуществлять свои полномочия по возбуждению и расследованию преступлений экономической направленности, если арбитражный суд уже вынес решение, в котором оценил

---

¹ См.: Чащина И.В. Преюдиция в уголовном процессе России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 3.

действия конкретных лиц и признал их законными¹.

Однако анализ судебной практики в полной мере не подтверждает данного утверждения. Так, судебной коллегией по уголовным делам Омского областного суда рассматривалась кассационная жалоба адвоката на постановление Центрального районного суда г. Омска, в котором решение о возбуждении уголовного дела по признакам ч. 4 ст. 159 УК РФ в отношении Д. было признано законным и обоснованным. В жалобе заявитель указал, что данное уголовное дело было возбуждено без достаточных на то оснований, вопреки состоявшимся судебным решениям Первомайского районного суда г. Омска, в которых суд признал факт невнесения средств гражданами Н. и П. в счет исполнения обязательств по договору инвестирования строительства жилого комплекса. Суд кассационной инстанции признал доводы необоснованными, поскольку, как следует из текста указанных решений, в них установлен факт отсутствия надлежаще оформленного первичного бухгалтерского документа, подтверждающего внесение Н. и П. вклада в инвестирование по договорам долевого строительства, в то время как уголовное дело возбуждено в связи с тем, что Д., являясь директором, путем обмана и злоупотребления доверием граждан, использованием своего служебного положения заключил от имени юридического лица договоры о долевом участии в инвестировании строительства жилого дома с Н. и П. и, получив от них денежные средства, выдав квитанции к приходным кассовым ордерам на полученную сумму, не внес последних в реестр дольщиков, не передал денежные средства главному бухгалтеру для отражения прихода денежных средств в кассовой книге и на счете организации, а похитил их, используя по личному усмотрению². В данном случае судом правомерно отказано в

---

¹ См.: Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Внутреннее убеждение при оценке в уголовном процессе преюдициального значения решений, принятых в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве. М., 2016. С. 5.

² См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 30.08.2012 № 22-3673/12 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=ac11348fb320fe859b0617fcdff7f1e8&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 08.02.2021).

удовлетворении жалобы, поскольку, хотя приведенные решения имеют преюдициальное значение для рассматриваемого дела, они не подтверждают и не могут подтверждать правомерность действий Д. К сожалению, данный пример демонстрирует не только правильное применение межотраслевой преюдиции, но также и грубое нарушение принципа презумпции невиновности, поскольку суд без оговорок на стадии предварительного расследования признает лицо виновным в совершении преступления.

В другом случае также судебная коллегия по уголовным делам Омского областного суда при рассмотрении кассационного представления прокурора на постановление Центрального районного суда г. Омска, которым было отменено постановление следователя о прекращении уголовного дела в отношении К. С. по ч. 3 ст. 159 УК РФ, признала обжалуемое решение законным и обоснованным. Суд кассационной инстанции поддержал выводы Центрального районного суда г. Омска, указав, что следователь, необоснованно сославшись на преюдицию – решение арбитражного суда (которым отказано в удовлетворении иска в связи с тем, что истец не доказал факта наличия обязательства по оплате самовольно захваченного имущества), фактически устранился от установления обстоятельств самовольного захвата помещения¹.

Представляется, что на основе данных примеров невозможно прийти к однозначному выводу о том, что межотраслевая преюдиция является безусловным препятствием для расследования и рассмотрения уголовных дел. Данные примеры также демонстрируют деление преюдиции в зависимости от субъекта принятия процессуального решения в уголовном судопроизводстве (преюдиция, применяемая судом, прокурором, следователем).

Примером обоснованного применения межотраслевой преюдиции может служить следующий пример. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ установила, что Б. признан виновным и осужден за

---

¹ См.: Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 26.07.2012 №22–3104/12 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=41a3056423a7751b53ec075443b79249&share=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 08.02.2021).

злостное неисполнение служащим коммерческой организации вступившего в законную силу решения суда, а равно воспрепятствование его исполнению. Проверив материалы уголовного дела и обсудив доводы, приведенные в надзорной жалобе, Судебная коллегия находит судебные постановления подлежащими отмене, а уголовное дело в отношении Б. – прекращению на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т. е. за отсутствием в его действиях состава преступления, поскольку решением Советского районного суда г. Омска было установлено, что с 10 октября 2008 г. по 14 января 2010 г. должность генерального директора ЗАО «...» занимал М. В связи с этим, принимая решение о виновности Б., суд установил иные факты, чем те, которые ранее были установлены решением суда по гражданским делам¹. Представляется, что в данном случае межотраслевая преюдиция позволила законно отменить обвинительный приговор, установить факт отсутствия состава преступления, что также соответствует назначению уголовного судопроизводства – защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2, ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Также это пример межотраслевой (или логической), обязательной преюдиции обстоятельств.

Также в литературе сформировалось достаточно твердое убеждение, что обязательность преюдиции «означает недопустимость проверки судом установленных в ранее вынесенном решении обстоятельств, имеющих значение для дела, которое рассматривается. Все это ограничивает активность суда в части исследования обстоятельств, входящих в предмет доказывания, что является прямым нарушением принципа публичности в уголовном процессе»². Также Е.И. Жидкова указывает, что в плоскости производства по делам о налоговых правонарушениях межотраслевая уголовно-процессуальная преюдиция играет роль «абсолютного препятствия», ввиду того что решение гражданского или арбитражного суда по факту налогового правонарушения,

---

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.07.2013 № 50-Д13-56 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² *Оськина И., Лулу А.* Как избежать судебных противоречий // ЭЖ-Юрист. 2015. № 1. С. 8.

вступившее в законную силу и признавшее действия лица законными, становится непреодолимым для правоохранительных органов вне зависимости от характера положенных в основу такого судебного решения доводов, процессуальной позиции сторон и доказательств, имеющих в распоряжении следователя и дознавателя¹.

Так, в литературе высказывались предложения предусмотреть в процессуальном законодательстве «перечень исключительных условий, при наличии которых допускается аннулирование законной силы судебного акта, и субъектов, компетентных инициировать подобные процедуры»². По нашему мнению, данный механизм «аннулирования законной силы» без отмены самого судебного акта представляется спорным, поскольку не понятно, какими свойствами в данном случае будет обладать подобный документ. Представляется, однако, что в любом случае дальнейшее его использование невозможно, ввиду того что законная сила судебного акта определяет его целевое назначение. Если же речь идет об отмене приговора или иного решения суда, то этот механизм представлен как в УПК РФ, так и в АПК РФ и ГПК РФ и именуется «возобновлением производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств».

Другой автор – С.И. Скабелин считает, что «при отсутствии между сторонами спора о существовании закреплённого судебным решением факта необходимость в его доказывании отсутствует. Исключением являются случаи фальсификации доказательств, использованных в процессе доказывания по гражданскому, арбитражному или административному делу»³. Представляется, что механизм преодоления межотраслевой преюдиции предполагает, что факты, противоположные установленным, должны подтверждаться доказательствами, которые суд будет оценивать с точки зрения относимости,

---

¹ См.: *Жидкова Е.И.* Новая редакция УПК РФ: возврат к прежнему порядку производства по уголовным делам о налоговых преступлениях? // *Уголовное право.* 2015. № 2. С. 120.

² *Денисова А.В.* Межотраслевые правовые институты как средство обеспечения системности российского уголовного законодательства // *Общество и право.* 2011. № 1. С. 94–98.

³ *Скабелин С.И.* Объективные данные и преюдициальные факты как основание для производства процессуальных действий // *Адвокат.* 2014. № 9. С. 24–28.

допустимости, достоверности и достаточности. Оспариваемые одной из сторон и вызывающие сомнения у суда факты также, в свою очередь, должны подтверждаться соответствующими доказательствами.

Впрочем, последние по времени исследования данной проблемы показывают, что отношение правоприменителя существенным образом изменилось. Так, Конституционный Суд РФ не принял к рассмотрению жалобу А. В. Молотовой, привлеченной к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 159 УК РФ, притом что суд первой инстанции отклонил доводы стороны защиты о наличии преюдициального значения актов арбитражных судов, признавших недействительным решение инспекции Федеральной налоговой службы о привлечении возглавляемого А.В. Молотовой юридического лица к налоговой ответственности, поскольку предметы рассмотрения в рамках арбитражного и уголовного судопроизводства не совпадали¹.

Так, по справедливому замечанию Н.В. Азаренка, можно сделать вывод о том, что в настоящее время «не исключается возможность проведения дополнительной проверки обстоятельств, вызывающих сомнение у суда, прокурора, следователя, дознавателя, когда эти обстоятельства установлены вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского судопроизводства»².

Однако наличие явных проблем, касающихся использования межотраслевой преюдиции при расследовании и рассмотрении уголовного дела, выразилось в подавляющем негативном отношении большинства респондентов к введению межотраслевой преюдиции в УПК РФ: более 58 % следователей, дознавателей ответили, что отрицательно относятся к введению в 2009 г. межотраслевой преюдиции, поскольку эта новелла существенно

---

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1697-О. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Молотовой Агнесы Вилюровны на нарушение ее конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Азаренок Н.В. Изменение конституционно-правового подхода к преюдиции? // Российская юстиция. 2019. № 7. С. 54.

затруднила процесс возбуждения уголовных дел; мнение судей разделилось так: 49 % опрошенных высказали свое негативное отношение к данному приему юридической техники, однако 51 % опрошенных из числа судей поддержали межотраслевую преюдицию.

Впрочем, не следует забывать, что сложившаяся к 2009 г. диаметрально противоположная ситуация в правоприменительной практике как раз и вынудила законодателя сменить отраслевую преюдицию на межотраслевую. Основным же назначением преюдиции сегодня остается «исключение противоречий между итоговыми судебными актами, обеспечение их стабильности, а также упрощение процесса доказывания в тех случаях, когда факты и правоотношения уже были предметом судебного рассмотрения и установлены судебным решением»¹.

Таким образом, механизм межотраслевой преюдиции объединяет различные виды судопроизводства и в перспективе ведет к созданию единых принципов доказывания и возрождению идеи единства процесса. В настоящее время законодательное закрепление межотраслевой преюдиции предполагает необходимость выработки, с одной стороны, единого доктринального подхода к ее пониманию и законодательному закреплению, с другой стороны, единого механизма ее использования в правоприменительной практике для всех видов судопроизводства. При этом не стоит забывать, что нарушение правила о межотраслевой преюдиции воспринимается и органами, осуществляющими международное правосудие², и Верховным Судом РФ³ как одно из проявлений нарушения принципа правовой определенности. Таким образом, решение данного вопроса, скорее всего, лежит в плоскости четкого определения пределов действия преюдиции, однако, как справедливо отметил С.Ю. Кузнеценко, «на данный момент УПК РФ лишь частично урегулировал вопрос

---

¹ *Фидельский С.В.* Преюдиция в уголовно-процессуальном праве: нормативное закрепление и порядок реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 13.

² См.: Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 по делу «Рябых против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25.12.2013 № 315-П13ПР [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

пределов действия преюдиции, в значительной степени этот важный аспект остается освещенным лишь в интерпретационных актах Конституционного Суда РФ, что видится законодательным упущением»¹.

Так, необходимо разрешить вопрос о правилах исследования в судебном заседании преюдициальных судебных актов. В практике представлены примеры, когда суду было достаточно одного соответствующим образом заверенного судебного акта, в иных случаях суд исследовал также и документы, на основании которых он был принят. По нашему мнению, при рассмотрении уголовного дела должно быть достаточно одного судебного акта, поскольку факт исследования оснований (доказательств) его вынесения не соответствует сущности современной преюдиции (должны приниматься судом без дополнительной проверки).

Также не урегулирован вопрос о том, насколько суд в уголовном судопроизводстве при квалификации деяния может опираться на приговоры, уже вступившие в законную силу, в которых соучастники по рассматриваемому делу уже признаны виновными. При этом речь не идет о производстве в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Так, в определенных случаях суд при переквалификации деяния напрямую ссылается на приговор в отношении соучастника². По нашему мнению, вопрос о квалификации непосредственно затрагивает вопрос виновности, поэтому прямая и категоричная ссылка без исследования иных доказательств недопустима.

На основе представленной судебной практики можно сделать вывод о том, что постепенно сам правоприменитель изыскивает способы обходить правило о преюдиции в тех случаях, когда это является обоснованным, и

---

¹ Кузнеченко С.Ю. Особенности преюдиции в уголовно-процессуальном праве России. Отличие от института преюдиции в гражданском, арбитражном и административном процессах // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 28.

² См.: Приговор Сыктывкарский городской суд Республики Коми от 03.09.2015 № 1698/2015 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=513f1d99e4a3ec8035767f1423072834&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 15.02.2021).

применять это правило, когда оно соответствует назначениям уголовного судопроизводства. Однако отдавать данный вопрос исключительно на откуп самим правоприменителям никак нельзя. В настоящее время категорически не хватает разъяснений Пленума Верховного Суда РФ о правомерном и неправомерном использовании межотраслевой преюдиции.

К дискуссионным в теории уголовного процесса относят вопрос о преюдициальности решений международных судебных органов. Так, в ст. 90 УПК РФ не упоминаются решения Европейского суда, руководствующегося в своей деятельности Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

В силу ст. 413 УПК РФ вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены и производство по уголовному делу возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Так, новыми обстоятельствами признается установленное Европейским судом нарушение положений Конвенции при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с:

а) применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

б) иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: обладают ли решения Европейского суда свойством преюдициальности по отношению к судебным актам, вынесенным российскими судами?

Согласно ч. 5 ст. 415 УПК РФ пересмотр приговора, определения или постановления суда по обстоятельствам, указанным в п. 1 и 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, осуществляется Президиумом Верховного Суда РФ по представлению Председателя Верховного Суда РФ не позднее одного месяца со дня поступления данного представления. По результатам рассмотрения представления Президиум Верховного Суда РФ отменяет или изменяет судебные решения по уголовному делу в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ или постановлением Европейского суда. Копии

постановления Президиума Верховного Суда РФ в течение трех суток направляются в Конституционный Суд РФ, лицу, в отношении которого принято данное постановление, прокурору и Уполномоченному РФ при Европейском суде.

Л.С. Заржицкая приходит к выводу о фактической преюдициальности актов Европейского суда, несмотря на то что они не перечислены в ст. 90 УПК РФ. Впрочем, по мнению автора, данная преюдициальность является ограниченной, поскольку установленные Европейским судом по правам человека обстоятельства фактически являются только поводом к пересмотру ранее вынесенных решений. Указанные обстоятельства не признаются за истинные и нуждаются в повторном подтверждении в рамках возобновленного производства по делу. Таким образом, существует вероятность того, что позиция национального суда не совпадет с позицией Европейского суда и установленные факты будут опровергнуты¹.

Представляется, что подобная позиция не может быть признана обоснованной. Механизм действия преюдиции и преюдициальность как свойство судебных актов рассматриваются и теорией, и практикой уголовного судопроизводства как средство или метод доказывания. Преюдиция – это использование в доказывании по уголовному делу фактов, уже доказанных ранее в другом процессе. В рассматриваемом случае, как верно указала сама Л.С. Заржицкая, Европейский суд устанавливает, что какое-либо событие, вернее сказать, решение судебных органов и других должностных лиц не соответствует Конвенции и, следовательно, в рамках международного права должно быть отменено. Пользуется ли национальный суд, возобновивший дело ввиду новых обстоятельств, выводами и обстоятельствами, установленными Европейским судом? Нет, он заново рассматривает уголовное дело с учетом новых обстоятельств, исследуя доводы заявителя жалобы. В сущности, национальный суд вовсе не обязан прийти к тем же выводам, что и

---

¹ См.: Заржицкая Л.С. Преюдициальное значение актов Европейского суда по правам человека и других международных судов // Мировой судья. 2013. № 5. С. 29, 30.

Европейский суд, и, соответственно, нельзя говорить о преюдициальности актов, вынесенных этим международным органом правосудия.

Будет ли суд после отмены вынесенного им приговора руководствоваться обстоятельствами, уже установленными Европейским судом? Вероятно, нет. В данном случае не может идти речь ни об общей, ни об усеченной преюдиции. Представлен иной правовой механизм, имеющий к процессу доказывания весьма опосредованное отношение. Если же придется рассматривать решения Европейского суда в качестве преюдициальных, то необходимо будет признавать преюдициальными и судебные акты апелляционной и кассационной инстанции по отношению к решению судов первой инстанции. На наш взгляд, указанная позиция напрямую противоречит таким основополагающим началам уголовного судопроизводства, как принцип независимости судей и принцип свободы оценки доказательств. Решения Европейского суда необходимо рассматривать исключительно как инстанцию международного уровня по обжалованию приговоров согласно признанному Россией приоритету международного законодательства над национальным, хотя бы в силу специфики процедуры рассмотрения дел Европейским судом. Также невозможно признать преюдициальное значение приговоров или иных решений, вынесенных судами иностранных государств¹.

С учетом вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

В основе механизма межотраслевой преюдиции лежит идея объединения различных видов судопроизводства, что в перспективе может привести к созданию единых принципов доказывания и возрождению идеи единства процесса. На современном этапе законодательное закрепление межотраслевой преюдиции предполагает необходимость, с одной стороны, выработки единого доктринального подхода к ее пониманию, с другой стороны, создания единого механизма ее использования в правоприменительной практике для всех видов

---

¹См.: Приговор Верховного Суда Республики Крым от 28.02.2018 №1-1/201 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=6960d4aba0b5b71cb7fb7f7cc99d8b5c&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 05.02.2021).

судопроизводства. Так, анализ судебной практики показывает, что постепенно сам правоприменитель изыскивает способы обойти правило о преюдиции в тех случаях, когда это является обоснованным, и применять это правило, когда оно соответствует назначениям уголовного судопроизводства. Однако оставлять данный вопрос только в руках правоприменителя нельзя. Так, в настоящее время категорически не хватает руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по основным вопросам правомерного и неправомерного использования межотраслевой, непроверяемой преюдиции. Решения Европейского суда по правам человека, а также решения иностранных судов не имеют преюдициального значения.

ГЛАВА 3. ПРАВОВАЯ ФИКЦИЯ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1. Сущность правовой фикции

Правовая фикция является приемом юридической техники и используется в законодательствах как стран континентальной системы права, так и стран англосаксонской правовой семьи. В российском уголовном судопроизводстве законодатель прибегает к использованию фикции не часто. При этом использование ее, особенно в гражданском судопроизводстве, всегда служит для преодоления «процессуальной недисциплинированности участника процесса и является мерой гражданско-процессуальной ответственности»¹, а также выступает как вид процессуальной санкции за невыполнение обязанности по доказыванию и способствует сокращению объема доказывания².

Отношение к исследуемому явлению в правовой науке не раз менялось в зависимости от тех идеологических основ, которые господствовали в отдельные периоды существования Российского государства, а равно и в других зарубежных странах. Исследуя становление и развитие понятия правовой фикции в истории права, следует отметить, что это понятие неразрывно связано с римским правом и его рецепцией, а также то, что понятие фикции широко использовалось и используется в законодательстве и научной литературе Германии, Франции и других стран романо-германской правовой семьи.

В русском языке слово «фикция» происходит от латинского *factio* – «выдумка, вымысел, плод воображения»³, перестановка, лицемерие, притворство, обман»⁴, а также юридическая (законная, правовая) фикция.

---

¹ Резиньков П.М. Юридическая фикция: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид наук. Волгоград, 2012. С. 190.

² См.: Нахова Е.А. Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 3, 7.

³ См.: Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / сост. М. Попов. М., 1911. С. 502.

⁴ Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М., 2010. С. 61.

В толковом словаре С.И. Ожегова фикция рассматривается как «намеренно созданное, измышленное положение, построение, не соответствующее действительности, а также вообще подделка»¹.

Толковый словарь В.И. Даля объясняет «фиктивный» как «мнимый, небывалый, вымышленный, воображаемый. Фиктивное богатство, по счету, на бумаге, на выкладках, не истое. Фикция, вещь или дело мнимое, вымысел, плод воображения, мороки»².

В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона фикции определяются как представления и понятия, которыми оперируют таким образом, «как если бы им соответствовало в действительности то, чего на самом деле не существует, – приписываем, например, предмету качество, которого он в действительности не имеет, ставим лицо в положение, которого он не занимает в действительности, распространяем на него последствия этого положения»³.

По справедливому замечанию Г.Ф. Дормидонтова, фикция широко используется не только в науке, но и в бытовой, повседневной деятельности человека как прием мышления и изложения мысли и применяется в самых различных ситуациях: «К ним прибегают дети и взрослые в шутках и играх, их постоянно употребляют в разговорной и письменной речи (солнце садится, звезды мигают). Карточные игроки, которым недостает партнера, отыскивают его при помощи фикции, садясь играть в преферанс или ералаш с болваном. Драматические писатели, а равно авторы романов и повестей рисуют нам жизнь воображаемого врага». Автор также отмечает ее широкое использование в различных науках⁴.

В греческой науке фикция рассматривалась исключительно как логический прием. Свое правовое отражение она получила только в Древнем Риме: «Фикция (fictio) – важнейший инструмент претора по

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1989. С. 765.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 2. С. 965.

³ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: Т. 70. Ярославль, 1992. С. 730.

⁴ См.: Дормидонтов Г. Ф. Указ. раб. С. 137.

совершенствованию позитивного права»¹. Как замечает К.К. Панько, «с творчеством Аристотеля в философии оформились традиции в использовании понятий «закон» и «фикция», которые в период дифференциации форм научного знания покидают философскую почву и начинают этап собственного правового осмысления»².

Древний Рим – первое из государств, правовая система которого восприняла фикцию исключительно как прием юридической техники и признала ее необходимой для преодоления неопределенности в праве. Так, римское право характеризовалось «сознательной разработкой и систематическим обращением к фикциям как к техническому инструменту», а использовали фикцию «с таким усердием и таким постоянством, какие не встречаются ни в одном другом правопорядке – историческом или современном»³. Консерватизм и косность старого законодательства (Законов 12 таблиц) легко преодолевались с помощью этого приема, создавались иные субъекты права, произошел качественный скачок, позволивший в том числе поддерживать правоотношения с чужеземцами. По мнению Е.Ю. Марохина, нельзя рассматривать правовую фикцию только в контексте преодоления консерватизма в праве, фикция для римского права – это средство быстрого простого решения юридических вопросов⁴. Впрочем, римское право не оставило нам определения ни правовой фикции, ни правовой презумпции в силу того, что римская правовая система вообще признавала всякое законодательно данное определение опасным и ненужным. Единственное дошедшее до наших дней объяснение данного приема принадлежит М.А. Лабееву, суть теории которого можно свести к следующей формуле: «Закон не в состоянии изменить границы данных от природы типов социального взаимодействия (так он не в силах сделать того вором, кто вором

---

¹ Дождев Д.В. Римское частное право : учебник. М., 2008. С. 220.

² Панько К.К. Фикции в уголовном праве: в сфере законотворчества и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 1998. С. 133.

³ См.: Pugliatti S. Finzione // Enciclopedia del diritto. Vol. XVII. [Milano,] 1968. P. 660-662.

⁴ См.: Марохин Е.Ю. Указ. раб. С. 13.

не является), но ему под силу установить для не вора такую ответственность, как если бы он совершил кражу»¹.

Римская традиция сделала фикцию общеупотребительной и широко используемой. Можно перечислить огромное количество норм-фикций, регулирующих сферу уголовных, гражданских и иных правоотношений, сконструированных римским правом: хозяин дома, где при проведении ритуального обыска была обнаружена вещь, совершил *furtum manifestum*²; нельзя считать имуществом то, что приносит больше вреда, чем пользы; имущество умершего принадлежит ему до тех пор, пока не вступит в права наследник; считается невозвращенной та вещь, которая возвращается поврежденной; иностранец, защищающий свои права в римском суде, признается римским гражданином; лицо не имеет права требовать возмещения ущерба, если вред причинен по его вине; потраченные легионером денежные средства признаются потраченными на пользу Рима; римский гражданин, попавший в плен и ставший рабом, но сумевший сбежать до прекращения военных действий, признается свободным и вовсе никогда в плену не бывшим; гражданин, попавший в рабство, но выкупленный родственниками или друзьями, считается рабом до тех пор, пока не выплатит полную свою стоимость.

Однако было бы неверно говорить о том, что именно в правовых актах Древнего Рима впервые появились нормы, содержащие положения, противоречащие действительности. Еще в памятниках Древнего Востока обнаруживаются правовые фикции. В качестве примера можно привести ст. 17 Законов Хаммурапи, в параграфе 7 которых было установлено: «Если человек купит из руки сына человека или из руки раба человека без свидетелей и договора или возьмет на хранение либо серебро, либо золото, либо раба, либо рабыню, либо вола, либо овцу, либо осла, либо что бы то ни было, то этот

---

¹ *Ширвинт А.М.* Указ. раб. С. 71.

² Явную кражу; кражу, раскрытую при ее совершении.

человек – вор, его должно убить»¹. Как видно из этой нормы, Законы Хаммурапи расширяли понятие вора и относили к ворами лиц, фактически ими не являвшихся. Формально лицо, которое приобрело вещь не у собственника этой вещи, а у лица, у которого появилась возможность ею распорядиться (сын или раб), признавалось виновным, если отсутствовала возможность другими способами доказать легальность приобретения. Впрочем, осознанная постановка фикции на службу права, формулирование основных задач, которые бы решались при помощи фикции, принадлежит все-таки древнеримским юристам.

Средневековое законодательство содержит достаточный объем нормативного материала для изучения фикции. Так, во Франции Большой ордонанс 1670 г. предусматривал возможность привлечения к уголовной ответственности умершего человека². Логично предположить, что основной целью данной процедуры являлось изменение правового положения самого умершего, его наследников и его имущества.

Ярким примером средневековой фикции О.В. Танимов называет индульгенцию – «систему признания удовлетворения за совершенный грех, т. е. искупление его, определение эквивалента важности преступления, который можно было определить только лишь условно, применяя фикции»³.

Однако представленные примеры принципиальным образом отличаются от разработок древнеримских юристов. В Средние века правовая фикция становится инструментом инквизиционного процесса и неотъемлемой частью системы формальных доказательств⁴. Именно против дальнейшего применения средневековых фикций выступал Ч. Беккария, осуждавший фиктивное положение, ограничивающее права осужденного: «Среди прочих

---

¹ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. В 2 т. Т. 1. Древний мир и Средние века. М., 2003. С. 17.

² См.: Антология мировой правовой мысли: В 5 т. М., 1999. Т. II. Европа: V–XVII вв. С. 26.

³ Танимов О.В. Юридические фикции в Средневековье // История государства и права. 2013. № 22. С. 43–47

⁴ См.: Исаев И.А. Юридическая фикция как форма заполнения правовых пробелов // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 35.

злоупотреблений, буквальным толкованием которые имели немалое влияние на дела человеческие, довольно известным является признание ничтожным и недействительным показаний уже осужденного преступника. ”Наступила его *гражданская смерть*, – говорят с серьезным видом юристы-перипатетики, – а мертвый недееспособен”. Чтобы доказать действенность этой пустой метафоры, было принесено множество жертв и часто спорили, и размышляли о том, должна ли истина уступить приоритет юридическим формулам»¹. Отрицательная позиция Денелиуса, считавшего, что наличие фикции в праве свидетельствует о неразвитости правовой науки, также основывается на неприятии средневековых фикций².

Приведенные утверждения подтверждают слова И.В. Каминской о том, что и презумпция, и фикция более всего использовались в формальном процессе, в том числе для доказательства вины без доказательств, априорно³.

В российских памятниках права также можно найти примеры фикции – как в самых ранних, так и в нормативных актах более поздних периодов.

Интересный пример фикции из древнерусского права приводит А.Ю. Болдыш: «Ст. 2 Краткой редакции текста по академическому списку Русской Правды (перевод Б.Б. Кафенгауза)⁴: Если придет на суд человек, избитый до крови или в синяках, то не надо искать свидетеля, но если не будет на нем никаких следов побоев, то он должен привести свидетеля. Если он не может привести его, то делу конец. Если потерпевший не может мстить за себя, то пусть возьмет с виновного 3 гривны и сверх того плату лекарю». По мнению автора, представленная конструкция условна, фиктивность вывода суда об установлении или опровержении факта очевидна, ввиду того что никакие средства доказывания не были применены: освидетельствование не

---

¹ Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004. С. 92.

² Марохин Е.Ю. Юридическая фикция в современном российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 63.

³ См.: Каминская В.И. Указ. раб. С. 54.

⁴ Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 4.

проводилось, свидетели не допрашивались, размер морального вреда также установлен без оценки реально причиненного вреда¹.

В Своде законов Российской империи также можно встретить правовые фикции. К примеру, в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений (п. 35 Главы о предупреждении и пресечении суеверий) было установлено, что «в случае суеверных действий или разглашений, производящих в народе заметное впечатление, особенно с признаками неблагонамеренного вымысла или корыстных видов, Епархиальный Архиерей обращается к мерам вразумления и увещания, а между тем относится к Губернатору и, смотря по важности дела, доносит Святейшему Синоду, от которого и ожидает дальнейшего разрешения»². Несмотря на то что в данном разделе рассматриваются исключительно суеверные действия, с ними отождествляются иные действия, результатом которых может стать возмущение народа, вне зависимости от того, являются данные действия «суеверными» или нет.

В УУС 1864 г. также были представлены нормы-фикции: «Если в числе призванных к судебным заседаниям (о преступлениях ...) *тридцати заседателей* окажутся лица неправославного исповедания, то пред составлением присутствия присяжных по жребию для рассмотрения дела по преступлению против веры, означенные лица заменяются запасными православного исповедания» (ст. 1010)³. Соответственно, в данном случае законом признавалось, что лица неправославного вероисповедания вне зависимости от их истинных убеждений признаются неблагонадежными. По всей видимости, по мнению законодателя, такой кандидат в присяжные заседатели в лучшем случае не способен верно оценить действия подсудимого против веры, в худшем он злонамеренно будет оправдывать виновного или судить невиновного. Так или иначе, кандидат в присяжные заседатели

---

¹ Болдыш А.Ю. Юридические фикции: положительная или отрицательная составляющая права // Научно-методический электронный журнал. Концепт Т. 4. 2013. С. 801–805.

² Свод законов Российской империи. В 16 т. Т. 14. СПб., 1912. С. 102.

³ Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть 2. СПб., 1866. С. 365.

неправославного исповедания признавался негодным для исполнения этих обязанностей, а опровергнуть подобное утверждение было невозможно.

Первые теоретические размышления о месте фикции в российском законодательстве относятся к середине и второй половине XIX в. Этому посвящены труды Д.И. Мейера «О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях», С.А. Муромцева «О консерватизме римской юриспруденции», И.А. Покровского «Право и факт в римском праве» и Г.Ф. Дормидонтова «Классификация явлений юридического быта». Указанные авторы занимались глубоким теоретическим исследованием фикции, однако в своих работах практически не затрагивали сферу уголовного судопроизводства. На исключительно высоком теоретическом уровне ими были рассмотрены такие основополагающие вопросы, как сущность и понятие фикции, ее свойства, признаки и виды.

Д.И. Мейер одним из первых дал дефиницию *fictionis juris*: фикция – прием мышления, допускаемый или прямо предписываемый правовой нормой и состоящий в признании известного несуществующего факта существующим или наоборот¹. Другой дореволюционный автор Г.Ф. Дормидонтов одним из первых сделал попытку отделить логическое понятие фикции от юридического и указал, что «большинство ученых издавна было того мнения, что под фикцией вообще надо понимать, как мы уже не раз заявляли, известный прием мышления, состоящий в допущении признания существующим заведомо несуществующего или наоборот, а под юридической фикцией – тот же прием, допускаемый объективным правом»².

Следует отметить, что отношение к правовой фикции не всегда было благожелательным. Так, например, негативное отношение к фикции высказывал С.А. Муромцев, считавший, что такой несовершенный логический прием, как фикция, созданный известными историческими условиями, «не

---

¹ См.: Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях. М., 2003. С. 53.

² См.: Дормидонтов Г. Ф. Указ. раб. С. 6.

должно распространять далее границ, установленных для него историей»¹. Данное мнение согласуется с ранее представленными высказываниями Ч. Беккария и Денелиуса.

Зарубежная литература того же периода, посвященная исследуемому приему юридической техники (по большей части немецкая), весьма обширна. Самыми цитируемыми и основополагающими можно считать работы Л.Л. Фуллера «Правовые фикции», Й. Эссера «Ценность и значение юридических фикций», а также Р. Иеринга «Дух римского права на различных ступенях его развития», фундаментальным признается труд Демелиуса².

В советской научной литературе никогда не уделялось достаточного внимания исследуемому приему. Впрочем, забыт он тоже не был, изучение фикции проводилось, однако только в контексте правовой презумпции³. Причиной такого отношения стало сформировавшееся в 50-е гг. XX в. отрицательное отношение к понятию «фикция». Научная общественность резко раскритиковала фиктивные конструкции в праве, и фикция была заклеена как псевдонаучный прием, основной целью которого является обман трудящегося народа. В этой связи Л.С. Явич писал: «Наша законодательная практика по принципиальным соображениям отказалась от использования данного юридико-технического средства. Советскому суду, равно как и всем иным правоприменительным органам, нет необходимости пользоваться фикциями, «подводящими» факты действительности под понятия (формулы), не соответствующие или прямо противоположные этим фактам»⁴.

Отмеченное в литературе негативное отношение советской правовой науки к фикции не помешало использовать данный прием в УПК РСФСР 1922 г. (в ред. 1923 г.). Так, ст. 29 устанавливала, что ведению военных трибуналов

---

¹ Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М., 1883. С. 364.

² Работа Р. Иеринга в дальнейшем детализировалась в трудах Унгера, Прингсхайма, Жени, Деккера.

³ См., напр.: Алексеев С.С. Общая теория. Т.2. М., 1982. С. 52, 277; Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 25–33; Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 116–117.

⁴ Явич Л.С. Право регулятор общественных отношений в СССР. М., 1957. С. 129–130.

там, где таковые учреждены, подлежат исключительно дела о воинских преступлениях, совершенных военнослужащими, и те дела о преступлениях невоеннослужащих, кои были совершены ими совместно с военнослужащими, или были совершены невоеннослужащими в районе, где по условиям обстановки нет иных судов, кроме военных революционных трибуналов. На формальном уровне данная норма представляет собой пример правовой фикции, когда объект, не обладающий определенными качествами, тем не менее признается законодателем обладающим ими и в итоге регулируется специальным правовым режимом.

В современной российской правовой науке обращает на себя внимание учение о фикциях в уголовном праве. Авторы, работающие в данном направлении, существенным образом расширили понимание содержания правовой фикции, также приведено множество примеров правовых фикций в этой отрасли права.

Так, К.К. Панько указывает на фиктивность понятия преступления и его состава¹. Легальное определение, представленное в ч. 1 ст. 14 УК РФ, ограничено ч. 2 этой же статьи, где содержится классическая фикция: не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности². Таким образом, деяние не должно считаться преступлением, если оно не затрагивает такие объекты уголовно-правовой охраны, как жизнь и здоровье личности, а также если размер причиненного вреда, ущемления прав и иного урона не достигает той величины, которая характерна для преступных посягательств.

Также к правовым фикциям в уголовном праве К. К. Панько закономерно отнесены и все без исключения обстоятельства, исключющие преступность

---

¹ См.: *Панько К.К.* Фикции в уголовном праве: в сфере законотворчества и правоприменении: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 1998. С. 133.

² См.: *Лобанова Л.В., Рожнов А.П.* Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правоохранительной реализации // *Законность.* 2016. № 6. С. 49.

деяния, как то: необходимая оборона (ст. 37 УК РФ); причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ); крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ); физическое или психическое принуждение (ст. 40 УК РФ); обоснованный риск (ст. 41 УК РФ); исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ)¹. В данном случае представлена классическая формула фикции: преступное деяние было, но ввиду ряда обстоятельств преступлением оно считаться не может.

П.М. Резиньковым приведены примеры других уголовно-правовых фикций². Автор указывает на то, что исследуемый прием применялся законодателем при конструировании ч. 3 и 5 ст. 34, а также ч. 5 и 6 ст. 35 УК РФ.

Так, ч. 3 ст. 34 УК РФ устанавливает, что уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на ст. 33 УК РФ, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления. Фиктивность нормы права, по мнению автора, заключается в том, что законодатель «признает организацию и руководство совершением преступления окончанными и квалифицирует действия субъекта преступления по соответствующей статье Особенной части УК РФ»³.

Точно так же ч. 5. ст. 34 УК РФ предполагает, что в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. За приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления. По мнению П.М. Резинькова, норма права построена законодателем таким образом, чтобы отождествить действия

---

¹ См.: *Панько К.К.* Указ раб. С. 133.

² См.: *Резиньков П.М.* Указ. раб. С. 168.

³ Там же.

субъекта преступления, носящие окончательный характер, с неоконченной преступной деятельностью¹. Следует отметить, что примеры норм-фикций, приведенные П.М. Резиньковым, становятся таковыми только во взаимосвязи различных норм права и обладают более сложным многосоставным характером. Точно так же и в уголовном процессе – некоторые фикции закреплены законодателем в нескольких статьях.

По мнению некоторых авторов, нормы-фикции присутствуют и в уголовно-исполнительном праве. Так, правовой фикцией В.В. Николюк признает ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ, согласно которой по решению суда осужденный может быть заключен под стражу и направлен в колонию-поселение под конвоем в порядке, предусмотренном ст. 75 и 76 УИК РФ, в случаях уклонения его от следствия или суда, нарушения им меры пресечения или отсутствия у него постоянного места жительства на территории РФ. Данная норма признается автором правовой фикцией, поскольку, по его мнению, на данной стадии уголовного судопроизводства невозможно говорить об уклонении от следствия и суда, а применение любой из мер пресечения противоречило бы логике, так как обязанность самостоятельно следовать в колонию-поселение предполагает оставление осужденным постоянного или временного места жительства². Представляется, что данная норма права – пример не правовой фикции, а скорее «правовой безалаберности» законодателя, установившего взаимоисключающие обстоятельства. Описанные конструкции не принимаются В.В. Николюком как фикции в их правоприменительном значении, больше как разновидность фиктивных норм, хотя и это определение не представляется полностью правильным, скорее в указанном случае имеет место правовая коллизия, окончательно не урегулированная правом.

Современное зарубежное законодательство также предлагает примеры правовых фикций. Так, положение 11 УПК ФРГ о подсудности в отношении

---

¹ Там же. С. 169.

² См.: Николюк В.В. Особенности рассмотрения судом вопроса о заключении под стражу осужденного, уклоняющегося от прибытия в колонию-поселение // Уголовное право. 2015. № 4. С. 95.

немецких чиновников за границей устанавливает, что в отношении граждан ФРГ, на которых не распространяется юрисдикция иностранных государств, а также федеральных или земельных чиновников, занятых за границей, сохраняется подсудность по месту жительства, которое они имели на территории ФРГ. Если они не имели такого места жительства, их местом жительства считается резиденция федерального правительства¹. Данная правовая фикция в указанном случае помогает избежать спора о подсудности.

Ввиду того что фикция не является исключительно правовым понятием, исследование ее правовой сущности невозможно без анализа логического и философского существа данного явления.

Общефилософское и общелогическое значение фикции в современной науке исследовано достаточно глубоко. Сам этот термин лег в основу философского течения, именуемого фикционизмом. В данном учении фикция рассматривается как разновидность мнимого представления. Фиктивно всякое умозраительное понятие, когда о нем думают или говорят как о реальном или когда отождествляют обозначаемое со значением. Так, фиктивен весь логический и математический инструментарий. Г. Радбрух и Н.Н. Алексеев в качестве отдельной проблемы теории права рассуждают о феномене фикционизма в праве. В свою очередь, Д.В. Доржиев пишет, что соотношение фикции с общими представлениями о праве исследуется в рамках философии фикционизма, строящегося на противопоставлении сущего и должного, само право в рамках данной концепции признается сферой «должного», а значит, реально не существующего².

Понимание фикции как логического приема принадлежит основоположнику логики – Аристотелю, который сформулировал ее классическую концепцию: «Говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть – значит говорить ложное, а говорить, что сущее есть, не-сущее не

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс // ЦППР. URL: [http://www.pravo.org.ua/files/_\(1\).pdf](http://www.pravo.org.ua/files/_(1).pdf) (дата обращения: 05.02.2020).

² Доржиев В.Д. Предисловие к мон. Ширвиндт А.М. Значение фикции в римском праве. М., 2011. С. 4.

есть, – значит говорить истинное»¹. Комментируя Аристотеля, А. Тарский в конце XX в. переформулировал это суждение: «Истинность предположения состоит в его согласии с реальностью»². Наиболее простая характеристика логической структуры фикции отражена в работе О.А. Курсовой, которая пишет о том, что норма-фикция соотносится с логической схемой: если А, то В считается С³. В отличие от логического построения презумпции, которое было рассмотрено в первой главе настоящего исследования, фикция представляет собой высказывание, не принадлежащее к классу истинных высказываний, т. е. это заведомо не соответствующее действительности утверждение, которое тем не менее признается существующим, а его опровержение необоснованно.

Таким образом, следует признать, что правовая фикция используется в законодательствах разных государств и характерна практически для любой правовой системы – от самых ранних сводов законов до современных отраслевых кодексов различных правовых систем. Представляется, что подобная широкая распространенность фикции происходит из близости данного понятия существу права и искусственности природы познания в целом, вне зависимости от того, одобряется или нет этот прием существующей научной теорией. С древних времен фикция применяется для упорядочивания правоотношений, их согласования с уже установленными обстоятельствами, что в итоге позволяет правоприменителю принять необходимое процессуальное решение. Использование понятий «фикция» и «фиктивный» в значении «ложный» или «не соответствующий действительности» в праве умаляет значение данного приема юридической техники.

---

¹ Аристотель. Раб. в 4 т. Т.1. М., 1976. С. 141.

² Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие. М, 1998. С. 93.

³ См.: Курсова О.А. Фикции в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2001. С. 82.

§ 2. Понятие правовой фикции, ее признаки и классификации

За последние годы использование правовых фикций в законодательстве России существенно расширилось. По мнению П.М. Резинькова, это обстоятельство связано с реформированием правового регулирования и появлением новых областей научно-теоретического знания и новых отраслей права¹, а также с тем, что для некоторых отраслей права (налоговое или финансовое право)² исследуемое правовое явление ранее было нетипично³. Возможно также, что интерес к данному приему и его распространение обусловлены возвращением российской правовой системы в «лоно» романо-германской правовой семьи. Подтверждает данную гипотезу К. Оскаве, утверждающий, что использование, в том числе в правотворчестве, юридических фикций является отличительным признаком континентально-европейской правовой семьи от англо-американской семьи общего права⁴.

Анализируя научные труды, посвященные названной проблематике, следует признать, что мнение, высказанное еще в конце XIX в. Г.Ф. Дормидонтовым о литературе по проблеме правовой фикции как о неоднородной и исключительно вариативной в вопросах ее сущности и значения, остается более чем справедливым и в настоящее время⁵.

За прошедшие четверть века выполнен ряд как общетеоретических⁶, так и отраслевых¹ диссертационных исследований, написано множество монографий и статей, освещающих это ранее малоизученное правовое явление.

---

¹ См.: Резиньков П.М. Указ. раб. С. 10.

² См.: Демин А.В. Принцип определенности налогообложения : монография. М.: Статут, 2015. С. 56.

³ См.: Резиньков П.М. Указ. раб. С. 64.

⁴ См.: Оскаве К. Размышления о природе сравнительного правоведения: некоторые теоретические вопросы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2006. № 3. С. 54–71.

⁵ См.: Дормидонтов Г.Ф. Указ. раб. С. 110.

⁶ См., напр.: Курсова Л.А. Фикция в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2001; Душакова Л.А. Правовые фикции: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004; Марохин Е.Ю. Юридическая фикция в современном российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004; Никиташина Н.А. Юридические предположения в механизме правового регулирования (правовые презумпции и фикции): дис. ... канд. юрид.

Проблематика учения о приемах экономии мышления, применяемых юридической техникой, была сформулирована Г.Ф. Дормидонтовым еще в XIX в. Автор отметил противоречивость во взглядах на сущность и происхождение правовой фикции и смежных с ней явлений, а также обилие подлежащего исследованию законодательного и иного материала. Цель его работы была сформулирована следующим образом: 1) установить причины, в соответствии с которыми законодатель и теория права продолжают обращаться к данным приемам; 2) ответить на вопрос о возможности использования данных приемов в праве вообще; 3) определить границы и меру пользования как вымыслами, так и предположениями².

Перечисленные проблемы до настоящего времени остаются не решенными в должной степени.

Несмотря на уже отмеченный научный интерес к содержанию исследуемой правовой категории, единого доктринального определения правовой фикции в науке не представлено, то же касается и единого представления о ее признаках и свойствах.

Следует признать, что в теории права и цивилистике уже сложились определенные подходы к пониманию правовой фикции, основные из них – традиционный и расширенный (при этом представленные авторские позиции относительно сущности правовой фикции в полной мере не дублируют друг друга, фактически каждый из авторов предлагает и свое собственное определение правовой фикции, и оригинальные сущностные характеристики данного правового явления). Важно отметить, что ряд авторов, занимавшихся

наук. Абакан, 2004; *Давыдова М.Л.* Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010;

¹ См., напр.: *Панько К.К.* Фикция в уголовном праве (в сфере законотворчества и правоприменения): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 1998; *Нахоева Е.А.* Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004; *Филимонова И.В.* Фикции в досудебном производстве: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007; *Тарасенко В.В.* Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017 и др.

² См.: *Дормидонтов Г.Ф.* Указ. раб. С. 6.

исследованием правовых фикций в уголовном процессе и праве, также придерживаются названных подходов. При этом разработаны также самостоятельные подходы.

Первый подход – традиционный, именуемый также узким, в рамках которого правовая фикция воспринимается как прием юридической техники. В данном случае фикция – это правовая норма, сформированная на основе специфического приема мышления, или прием юридической техники, выраженный в виде нормы права. Так, правовая фикция представляет собой особое средство юридической техники, посредством которого заведомо ложное положение условно признается истиной, а возможность ее опровержения, как правило, не имеет никакого юридического значения. Данного подхода придерживается В.М. Горшенев, который определил правовую фикцию как «закрепленное в правовых актах и используемое в юридической практике нормативное предписание в виде специфического способа (приема), выражающегося в провозглашении существующего факта или обстоятельства, в действительности не имеющих места»¹.

Вообще традиционный подход поддерживается большинством авторов и особенно распространен в теории права. Так, Л. А. Морозова пишет о юридической фикции как о несуществующем положении, признанном законодателем за существующее и ставшем в силу этого общеобязательным, а основной ее задачей называет «конструирование условной реальности, которая охраняется законом, закреплена в нормативном акте и является обязательным предписанием»². Сходную позицию занимает А.М. Ширвиндт, который рассматривает фикцию как мыслительный прием, «посредством которого ситуация, имевшая место в действительности, рассматривается так, как если бы налицо была иная»³. По справедливому замечанию Р.К. Лотфуллина, главным

---

¹ Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 117.

² Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник. М.: Эксмо, 2007. С. 343

³ Ширвиндт А.М. Значение фикции в римском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 35.

недостатком данного подхода следует признать его ограничительный характер: отсутствует возможность отнести к правовым фикциям отдельные правила, выработанные судебной практикой, в первую изложенные в некоторых постановлениях Пленума Верховного Суда РФ¹. Таким образом, в рамках традиционного подхода правовая фикция воспринимается как прием юридической техники, на основе которого конструируется норма права, при этом правовая фикция здесь понимается достаточно узко (в контексте приравнивания существующего к несуществующему и наоборот), иные правила, кроме правовых норм, регулирующие деятельность субъектов, за правовые фикции не принимаются.

Расширенный подход строится на признании факта создания фикций и на стадии нормотворчества, и на стадии правоприменения. О.В. Танимов рассматривает юридическую фикцию как универсальный технико-юридический прием разработки и реализации норм права, основной смысл которого заключается в преодолении состояния неопределенности в процессе регулирования². Аналогичного мнения придерживается Е.Ю. Марохин, признающий универсальный характер фикции³.

С точки зрения О.А. Курсовой, фикцию невозможно ограничить только правотворческой деятельностью, это универсальная категория права, в равной мере широко распространенная на уровне правореализации, однако на этом уровне она приобретает нехарактерные специфические черты и качества. Благодаря им фикция легко интегрируется «в самые разнообразные правовые технологии, в том числе и негативные, «теневые»⁴. Это же подтверждает и Р.К. Лотфуллин, указывая на большое количество правотворческих и

---

¹ См.: *Лотфуллин Р.К.* Юридические фикции в гражданском праве. М.: Юрист, 2006. С. 63, 42, 47.

² См.: *Танимов О.В.* Юридические фикции и проблемы их применения в информационном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2004. С. 9

³ См.: *Марохин Е.Ю.* Юридическая фикция в современном российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 6.

⁴ См.: Курсова О.А. Указ. раб. С. 10.

правореализационных ошибок, причиной которых следует признать фиктивность норм, которые можно назвать фикциями¹.

Таким образом, в рамках данного подхода фиктивную норму (недействующую норму права) признают за правовую фикцию. Представляет исследовательский интерес мнение О.А. Курсовой о фиктивной норме как о разновидности правотворческой ошибки, которая возникает вследствие заблуждения законодателя ввиду неполноты его знаний о правовых явлениях². К.К. Панько идет еще дальше в своих рассуждениях и заключает, что правовая фикция – это не только прием законодательной техники, закрепленный в законодательстве, но и «свойство нормы права не соответствовать потребностям общества в процессе правотворческой и правоприменительной деятельности»³. Так, нередко фикцией называют, например, положение, содержащееся в ст. 241 УПК РФ, предусматривающее открытое разбирательство всех уголовных дел (за исключением случаев, перечисленных в ч. 2 ст. 241 УПК РФ). Как известно, лицу, которое не является участником уголовного судопроизводства в конкретном деле, достаточно сложно пройти в зал судебного заседания и присутствовать при его рассмотрении. При этом можно ли назвать данную норму права правовой фикцией? С позиции расширительного подхода – возможно.

Однако соотнесение понятий «правовая фикция» и «фиктивная норма» и попытка расширить таким образом дефиницию правовой фикции справедливо критикуются в научной литературе⁴. Если правовые фикции – это правовые нормы, которые закрепляют в интересах правового регулирования

---

¹ См.: *Лотфуллин Р.К.* Юридические фикции в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 11, 12.

² Там же. С. 16

³ *Панько К.К.* Указ. раб. С. 49; Его же. Фикции в уголовном праве: в сфере законотворчества и правоприменении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1998. С. 7, 8.

⁴ См., напр.: *Душакова Л.А.* Правовые фикции: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 34; *Кузнецова О.А.* Презумпции в гражданском праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 62; *Курсова О.А.* Указ. раб. С. 14, 15; *Никиташина Н.А.* Юридические предположения в механизме правового регулирования (Правовые презумпции и фикции): дис. ... канд. юрид. наук. Абакан, 2004. С. 42.

несуществующие положения в качестве существующих и реально действуют, носят позитивный характер, способны к реализации, то фиктивные нормы также не соответствуют действительности, однако носят негативный характер и заведомо не могут быть реализованы¹. Правовая фикция – это инструмент, направленный, как и вся правовая система в целом, на создание условий благополучного функционирования общества и государства. Фиктивная норма – это норма неисполняемая, т. е. правило поведения, на практике оказавшееся непригодным. В противовес правовой фикции фикция «правоприменительная» мало кем признается. Резко против подхода К.К. Панько высказались многие авторы, в частности Л.А. Душакова². Представляется, что фиктивность нормы отражает ее чужеродность в правовой системе, невозможность органично регулировать правоотношения. Так, по замечанию Г. Кельзена, таких норм в праве быть не должно, они недопустимы³. Другие авторы, например С.Ф. Афанасьев, признают ее очень редким юридическим явлением, полагая, что ее использование в судебной практике всегда указывает на латентную попытку изменения законодательства⁴.

Так, расширенный подход позволяет сформулировать достаточно очевидную идею: фиктивность в праве вообще распространена широко, и сводить это разностороннее явление только к правовой фикции нельзя. Безусловно, для уголовного процесса фиктивность нормы права представляется существенным недостатком, но, к примеру, О.В. Танимов, рассматривая вопрос о развитии подходов к пониманию фикции в праве, отдельно выделяет рассуждения К.К. Панько и О.А. Курсовой и оценивает их позицию в позитивном ключе – как существенно продвинувшую вперед теоретические знания о правовой фикции.

---

¹ *Ишигилов И.Л.* Юридические фикции и презумпции на разных стадиях правового регулирования // История правового регулирования. 2009. № 21. С.23.

² См.: *Душакова Л.А.* Указ. раб. С. 34

³ См.: *Ширвинт А.М.* Значение фикции в римском праве. М., 2013. С. 174.

⁴ См.: *Афанасьев С.Ф.* К проблеме существенных процессуальных ошибок или безусловных оснований к отмене судебных решений по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2015. № 3. С. 61.

Следует отметить, что расширительный подход, несомненно, открывает новые горизонты для изучения «фиктивности» в праве, но рассматривать фиктивные нормы с точки зрения формальных средств доказывания, экономии доказывания и его эффективности невозможно. Так, правоприменительной фикцией можно признать задержание подозреваемого, который застигнут в момент совершения или непосредственно после совершения преступления (п.1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ). Мера уголовно-процессуального принуждения может быть применена только после возбуждения уголовного дела, в данной ситуации отсутствует возможность предполагать уже инициированное производство по делу. Наличие подобных правоприменительных фикций в уголовном судопроизводстве крайне нежелательно, поскольку их появление в силу асимметрии правового статуса участников уголовного судопроизводства всегда неизбежно будет ущемлять права и законные интересы участников, не обладающих властными полномочиями.

Самостоятельный подход к сущности фикции предлагает П. М. Резиньков, характеризующий фикцию как способ правового регулирования, при котором законодатель придает объекту этого регулирования такие свойства, которыми данный объект не обладает. Указанный способ позволяет, ничего не объясняя, императивно принуждать субъекта права к исполнению предписания, оптимизировать законодательство и правовую систему и исключать избыточность правового регулирования¹. По мнению данного автора, целевое использование правовой фикции обусловлено тем, что фикция освобождает от необходимости объяснять некоторые нормативные правила, служит инструментом упрощения процесса правового регулирования и исключает его избыточность, а также оптимизирует правовую систему². Данный подход более всего близок к традиционному подходу и является его продолжением.

---

¹ Резиньков П.М. Указ. раб. С. 65.

² Там же. С. 188.

В настоящее время можно говорить о формировании самостоятельного подхода к пониманию правовой фикции в теории уголовного процесса – «доказательственного».

Автором данного подхода является Д.В. Зотов, который рассматривает понятие и свойства доказательственных фикций в уголовном процессе. Согласно его точке зрения, доказательственная фикция – это закрепленная в уголовно-процессуальном законодательстве императивная норма, содержащая неопровержимое предположение о наличии или отсутствии доказательственных фактов¹. Самостоятельность позиции автора заключается в признании того, что доказательственная фикция не ложное суждение, признаваемое истинным в силу определенных обстоятельств, а неопровержимое предположение законодателя о конкретном доказательственном факте, проверка истинности которого закрепленными в законе процессуальными средствами «затруднительна и малоэффективна»². Исходя из содержания работ автора, его интересует исключительно фиктивность норм, непосредственно относящихся к теории судебных доказательств. Однако фактически не рассматриваются иные процессуальные фикции.

Таким образом, представленные подходы разнятся в определении родовой принадлежности правовой фикции, называя ее 1) приемом мышления; 2) приемом юридической техники; 3) способом правового регулирования; 4) нормативным предписанием, неопровержимым предположением.

Представляется, что ни одно из представленных определений не является удачным, поскольку «прием мышления» не может являться нормой права, а правовая фикция всегда имеет выражение в правовой материи. Под «способом правового регулирования» понимается определенный прием или режим направляющего или закрепляющего воздействия на регулируемые

---

¹ См.: Зотов Д.В. Доказательственные фикции в уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 51.

² Зотов Д.В. Указ. раб. С. 54.

общественные отношения (обязывание, дозволение и запрещение)¹. Определение правовой фикции через понятие «положение закона» также представляется неудачным, так как не отражает взаимосвязи логической составляющей понятия фикции с ее юридическим закреплением.

Содержательным следует признать определение В.М. Горшенева, согласно которому фикция выступает нормативным предписанием, сформулированным в виде специального приема. Однако данное определение также нельзя признать верным в силу того, что правовая фикция – это в первую очередь прием или способ экономии мышления, который призвали на службу юриспруденции.

В зависимости от стадии правового регулирования юридические фикции выступают в роли различных правовых явлений. Так, на стадии правотворчества фикция выступает приемом юридической техники, прием предшествует правовой норме и является ее основой. Это такой прием, при котором существующее признается несуществующим и наоборот, при этом данное средство признается исключительным и применяется только тогда, когда другие средства будут неэффективны.

В этой связи представляется, что правовая фикция – это прием юридической техники, существующий в виде законного неопровержимого предположения, которое применяется в уголовном судопроизводстве с целью упорядочивания правоотношений и их согласования с установленными нормативными предписаниями, результатом действия фикции является экономия познавательной деятельности.

Традиционно выделяют следующие свойства правовой фикции:

– неоспоримый (императивный) характер, не предусматривающий случаев иного толкования нормы права². Так, любая правовая фикция является неоспоримой, устанавливает единственный возможный вариант развития правоотношения;

---

¹ См.: Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2007. С. 184.

² См.: Панько К.К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж, 1998. С. 71.

– очевидный характер фикции, по мнению Д.В. Зотова, связан с тем, что «на ее счет никто не обманывается, и она никогда не предполагается, не подразумевается, а является специальным открытым средством преодоления обстоятельств невосполнимой неизвестности»¹;

– объектом регулирования правовой фикции могут быть обстоятельства, которые находятся в состоянии невосполнимой неизвестности, т. е. не могут быть восполнены никаким образом. Причем данный признак указывает не на преднамеренную ложность нормы-фикции, а на предположительный характер императивного вывода;

– правовой статус фикции сравним со статусом юридического факта, при этом самим юридическим фактом она не является, а лишь заполняет появившуюся в правоотношении «неизвестность»². Подобным статусом будет обладать не сама норма, а результат ее действия.

Однако нельзя не заметить, что ряд авторов рассматривает правовую фикцию как категорию, тождественную юридическому факту. Например, С.В. Липень и В.В. Лазарев утверждают, что фикция – это вариативный вид юридического факта, явление или событие несуществующее, но признанное в установленном порядке существующим³. Представляется, что юридическим фактом правовая фикция все-таки не является, хотя бы в силу того, что как раз при отсутствии юридического факта, невозможности его установления и используется норма-фикция, таким образом, это взаимоисключающие понятия.

В качестве самостоятельного признака фикции можно выделить «условную» ложность, так как не всегда фикция строго не соответствует действительности. Вероятно, основным признаком фикции является не ее ложность, а ее необратимость, невозможность суда прийти к иному выводу при наличии определенных юридически значимых обстоятельств. Этот признак

---

¹ См.: *Зотов Д.В.* Доказательства и фикция в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 45.

² См.: *Панько К.К.* Указ. раб. С. 71.

³ См.: *Лазарев В.В.* Теория государства и права. М., 2004. С. 355

отметила еще И.В. Каминская, указав на ложность оболочки юридической фикции, но не ее содержания¹.

Таким образом, необязательным представляется и признак несоответствия правовой фикции объективным обстоятельствам дела. Данное утверждение отлично иллюстрирует фикция, определяющая порядок наследования в дореволюционном праве. Так, «если несколько лиц погибли вместе при крушении поезда, в интересах определения наследственных прав истцов необходимо определить, кто из них умер раньше, тогда суду, за невозможностью точно установить минуту смерти каждого погибшего, приходится прибегнуть к заключению, основанному на естественной вероятности, что несовершеннолетние дети умерли раньше родителей, а дед и бабушка – раньше своих несовершеннолетних детей»².

Кроме перечисленных, выделяются и другие признаки правовой фикции. М.Л. Давыдова называет такой признак, как «намеренно деформирующий характер» фикций³. Так, во-первых, фикция искусственно приравнивает такие обстоятельства и понятия, которые в действительности различны, а в реальном мире могут быть и противоположны. Во-вторых, фикция может признавать реальными несуществующие обстоятельства либо отрицать существующие. В-третьих, известны случаи, когда с помощью фикции можно признать существующими обстоятельства до того, как они появились на самом деле, либо отрицать наличие факта уже существующего обстоятельства.

В зависимости от вида правовой фикции в литературе представлены различные классификации данной правовой категории.

Одну из первых классификаций правовых фикций предложил Г.Ф. Дормидонтов. По его мнению, юридические фикции следует подразделять на фикции исторические и догматические, которые «требуются с точки зрения

---

¹ См.: Каминская В. И. Указ. раб. С. 53.

² Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. В 82 т. Т. 49. Ярославль, 1992. С. 52.

³ См.: Давыдова М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 251.

справедливости и пользы, но не могут быть обоснованы средствами действующего права»¹. Фикция историческая используется для преодоления консерватизма в праве, объект правового регулирования в данном случае либо фиктивно приобретает свойство, либо его теряет, совершается это для того, чтобы можно было применить конкретный правовой режим. С помощью догматических фикций в праве формулируются правовые понятия, упрощающие юридический быт. Наиболее яркими примерами догматических фикций являются такие правовые конструкции, как государство и юридическое лицо.

Невозможно на сегодняшний день представить современную систему права, как национальную, так и международную, без такого понятия, как государство. Однако материальный объект в данном случае отсутствует, можно перечислить только его реально существующие признаки: территория, население, система органов власти и др. Все это дает нам представление о том, какими чертами должен обладать специальный субъект правоотношений, именуемый государством, притом что соединение этих признаков и соотнесение их с реальностью так и не дадут нам четкого образа объекта. То же самое касается понятия юридического лица. Объект назван, функционирует, обладает правами и обязанностями, но на самом деле его нет. Изложенный взгляд на юридические лица называется теорией олицетворения, поддержанной авторитетом Савиньи². Юридической фикцией признается и рыночная стоимость имущества, ввиду того что она не может быть фактом действительности, а является лишь отражением экономических законов, поскольку любое имущество должно быть выражено в денежном эквиваленте. Кроме того, рыночная стоимость не может быть подтверждена ни свидетельскими показаниями, ни договорами о продаже аналогичного

---

¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: Т. 35. СПб., 1900. С. 730.

² См.: Танимов О.В. Юридические фикции в Средневековье // История государства и права. 2013. № 22. С. 45.

имущества¹. Подмены понятий или изменения свойства на противоположное в данном случае не происходит. Для удобства правового быта создаются понятия, для них формулируются правила существования, документооборот, ответственность за различного рода преступления закона и др.

В то же время несправедливым следует признать мнение Р. Иеринга, который утверждал, что догматические фикции правовыми фикциями считаться не могут, поскольку их цель в этом случае «не в том, чтобы облегчить добавление новой нормы к прежнему праву, а в том, чтобы облегчить юридическое представление»². Р. Иеринг писал, что фикцией может называться только «историческая» фикция, основной задачей которой является «облегчение трудностей, связанных с принятием или переработкой новых норм, сулящих более или менее радикальные преобразования», обеспечение «сохранности традиционных учений при введении новшеств в юридическую практику»³.

На наш взгляд, формирование принципиально нового объекта, не существующего в действительности, но необходимого для регулирования общественных отношений, следует признавать за правовую фикцию ввиду «фиктивности» данного объекта.

В современной литературе представлены следующие классификации правовых фикций:

- 1) в зависимости от суждения, с помощью которого закреплена фикция, она может быть утвердительной и отрицательной;
- 2) в зависимости от источника закрепления фикции можно подразделить на закрепленные в конституции (общеправовые), в законах (межотраслевые и отраслевые), в подзаконных актах, в международных актах

---

¹ См.: *Савиных В.А.* Функция суда по делам об оспаривании результатов оценки имущества // Закон. 2015. № 8. С. 147–157.

² *Иеринг Р.* Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875. С. 299.

³ Там же. С. 296–297.

(международные), а также в разъяснениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ (судебные)¹;

3) в зависимости от отрасли права существуют фикции материальные и процессуальные². Так, к примеру, норма, регулирующая в уголовном праве обстоятельства, исключающие преступность деяния, по мнению К.К. Панько, является правовой материальной фикцией, поскольку закреплена в УК РФ. А, соответственно, ч. 2. ст. 2 УПК РФ является процессуальной фикцией;

4) в зависимости от отраслевой принадлежности выделяются фикции гражданского, уголовного, административного, финансового, конституционного права и т. д. Причем далеко не всегда одной и той же фикции удастся оставаться в рамках определенной отрасли права. Как пишет И.П. Усманов, в исключительных случаях возможно использование фикций в различных отраслях права для оптимизации сходных между собой правоотношений³;

5) законодательные и правоприменительные фикции в праве. Под законодательными фикциями следует понимать законодательный прием, в результате которого возникает правовая норма, создающая заведомо условную, не соответствующую действительности позицию (законодательную формулу). Правоприменительные фикции, по мнению П.М. Резинькова, в уголовном праве связаны с квалификацией преступлений⁴;

6) Е.Ю. Марохин предлагает делить фикции на открытые и скрытые (латентные), обнаружить которые возможно только с помощью детального анализа норм конкретной отрасли права;

7) Д.В. Зотов выделяет доказательственную фикцию, представляющую собой «закрепленную в уголовно-процессуальном

---

¹ См.: Тарасенко В.В. Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид наук. Краснодар, 2017. С. 8.

² См.: Дормидонтов Г.Ф. Указ. раб. С. 6.

³ См.: Усманов И.П. Бездокументарная ценная бумага – фикция ли это? // Общество и право. 2009. №2. С. 54.

⁴ См.: Резиньков П.М. Указ. раб. С. 11.

законодательстве императивную норму, содержащую неопровержимое предположение о наличии и отсутствии доказательственных фактов»¹.

Для диссертационного исследования имеют значение следующие виды фикций: отраслевые, судебные, процессуальные (закрепленные в нормах УПК РФ), открытые и скрытые, а также доказательственные.

Таким образом, правовая фикция – это прием юридической техники, существующий в виде законного неопровержимого предположения, которое применяется в уголовном судопроизводстве с целью упорядочивания правоотношений и их согласования с установленными нормативными предписаниями, результатом действия фикции является экономия познавательной деятельности. Положение, которое можно классифицировать как правовую фикцию, может быть сформировано как в нормативных актах, так и в разъяснениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. Важнейшими для дальнейшего развития уголовно-процессуального права следует признать понятия правовой и доказательственной фикции.

§ 3. Правовые фикции в российском уголовном судопроизводстве

Вопрос о количественном соотношении правовых фикций в отраслях материального и процессуального права является дискуссионным. Так, И. Зайцев пишет о высоком уровне распространенности правовой фикции в гражданском судопроизводстве по сравнению с гражданским правом, ссылаясь при этом на детальность процессуального регулирования правосудия и отказ от объективной истины в состязательном процессе². Другой точки зрения придерживается Е.Ю. Марохин, ссылаясь на то, что в материальном праве могут существовать как фактические (не урегулированные нормами права), так и правовые фикции, при осуществлении же правосудия возможно использовать

---

¹ *Зотов Д.В.* Доказательства и фикция в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 45.

² См.: *Зайцев И.* Правовые фикции в гражданском процессе // Российская юстиция. 1997. № 1. С. 35.

только правовые или юридические фикции¹. В такой ситуации «удельный вес» фикций в материальном праве, безусловно, оказывается выше. Сравнивая по тому же принципу уголовное право и уголовный процесс, приходится признать невозможность установить фактическое количество правовых фикций, действующих в данных отраслях права, в первую очередь ввиду неизученности вопроса о понятии, сущности и структуре правовой фикции в уголовно-процессуальном праве. При этом следует заметить, что в уголовном праве есть работы, авторы которых претендуют на перечисления полного перечня правовых фикций².

Можно предположить, что правовая фикция в меньшей степени распространена в уголовном судопроизводстве, чем в других отраслях права. Этот факт косвенно подтверждается тем, что в большинстве диссертационных исследований, посвященных правовой фикции, вообще не рассматривались уголовно-процессуальные фикции, в то время как фикции гражданского процесса, гражданского и уголовного права исследовались детально. Однако данное предположение следует признать ошибочным³.

В процессуальных отраслях права фикции используются в целях повышения эффективности юридических средств, с их помощью конструируется «несуществующая условная правовая реальность»⁴, замещающая необходимые для правоотношений, но не существующие в объективной реальности обстоятельства. По мнению И. Зайцева, использование юридических фикций в уголовно-процессуальном праве обусловлено

---

¹См.: *Марохин Е.Ю.* Юридическая фикция в современном российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. С. 147.

²См.: *Тарасенко В.В.* Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 8.

³См.: подробнее: *Каландаришвили, Х.А.* Правовые фикции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3. С. 135-141.

⁴Общая теория права: курс лекций / под ред. *В.К. Бабаева*. Н.Новгород, 1993. С. 448.

«детальностью процессуального регулирования правосудия... и отказом от объективной истины в состязательном процессе»¹.

Вопрос о количестве действующих фикций в уголовном судопроизводстве является дискуссионным. Классической уголовно-процессуальной фикцией признается ч. 2 ст. 2 УПК РФ, в отношении других примеров норм-фикций продолжаются научные дебаты.

При выявлении правовых фикций в уголовно-процессуальном законодательстве следует пользоваться таким признаком данной правовой категории, как «искусственное приравнивание различных в действительности обстоятельств и понятий». Уже названная норма права, описывающая действие уголовно-процессуального закона в пространстве, устанавливает, что к территории РФ приравнивается пространство воздушного, морского или речного судна, идущее под флагом РФ и приписанное к соответствующему порту. Судно в данном случае приобретает условный статус, с помощью которого определяется подсудность и подсудность преступления. Независимо от того, где совершено преступление – на территории России или на территории иностранного государства, в воздушном пространстве, открытом море или в космическом пространстве, виновный в этом преступлении находится в сфере уголовной юрисдикции Российского государства, уголовное дело по поводу данного преступления возбуждается, расследуется, рассматривается и разрешается судом на территории РФ по правилам, установленным УПК РФ. Данная фикция является отраслевой, процессуальной, открытой.

Как было указано ранее, самостоятельную систему уголовно-процессуальных (доказательственных) фикций предлагает Д. В. Зотов. Доказательственными фикциями в представленном значении автор признает «показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи

---

¹ Зайцев И. Правовые фикции в гражданском процессе // Российская юстиция. № 1. 1997. С. 35.

отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде» (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ); «показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности» (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ); «признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств» (ч. 2 ст. 77 УПК РФ). По справедливому замечанию правоведа, все отмеченные положения закона являются доказательственными фикциями, поскольку каждое из перечисленных сведений (свидетельство по слуху, признание вины, не подтвержденное иными доказательствами), полученное при расследовании уголовного дела, может содержать в себе как истинные, так и ложные сведения. Но законодатель осознанно ограничивает возможность их использования в доказывании по уголовному делу и признает их недопустимыми в любом случае, поскольку они не соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам в уголовном процессе (допустимость и достаточность)¹. Следует заметить, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» первая из названных доказательственных фикций прописана более явно. Так, согласно п. 11, неподтверждение подсудимым показаний, данных им в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, в силу п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ влечет признание их недопустимым доказательством вне зависимости от причин, по которым подсудимый их не подтвердил. Так, указание на то, что причины неподтверждения показаний не имеют юридического значения, особо указывает на принадлежность данного положения к классу правовых фикций. Представляется, что все перечисленные фикции являются отраслевыми, процессуальными, открытыми и доказательственными.

---

¹ См.: *Зотов Д.В.* Указ. раб. С. 54.

Также правовая фикция может признавать реальными несуществующие обстоятельства либо отрицать существующие. Так, особый субъектный состав имеют правоотношения, возникающие из причинения вреда террористическим актом. Согласно ч. 1 ст. 18 федерального закона от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, осуществляет государство в порядке, установленном Правительством РФ. Признание государства гражданским ответчиком по делам о терроризме может быть также приведено в данном контексте в качестве примера фикции. На государство возлагается обязанность по возмещению материального вреда, характерная для виновного лица, однако причинно-следственной связи между действиями государства или отдельных его органов и наступившими общественно опасными последствиями при совершении террористического акта установить нельзя, но обязанность по возмещению вреда императивно возложена на государство, т. е. на субъект, не совершавший преступления. Ввиду того что данное правило поведения регулирует распределение прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, его следует признать уголовно-процессуальной, открытой фикцией.

В литературе существует мнение, что ряд фиктивных конструкций напрямую связан с институтом обжалования судебных решений. Как известно, срок обжалования вынесенного приговора составляет 10 суток со дня его вынесения. Приговор вступает в законную силу либо после истечения данного срока, либо непосредственно после вынесения судебного акта апелляционной инстанции. Соответственно, после вступления в законную силу приговор обращается к исполнению. Однако кассационная жалоба (представление) одного из участников уголовного судопроизводства, принятая судом к рассмотрению, приостанавливает исполнительное производство. В данном случае можно говорить о том, что приговор временно теряет законную силу, так возникает возможность проверки законности, обоснованности и справедливости вступившего в законную силу приговора суда.

Известны случаи, когда с помощью фикции можно признать существующими обстоятельства до того, как они появились на самом деле, либо отрицать наличие факта уже существующего обстоятельства.

К такого рода фикциям можно отнести правила установления возраста наступления уголовной ответственности. В соответствии с ними лицо считается достигшим необходимого возраста не в день рождения, а по истечении суток, на которые приходился этот день, т. е. с нуля часов следующих суток. А также правила установления возраста подсудимого с помощью судебно-медицинской экспертизы. Днем его рождения считается последний день того года, который назван экспертами, а при определении возраста минимальным и максимальным числом лет суду следует исходить из предполагаемого экспертами минимального возраста такого лица. Налицо правовые фикции, в соответствии с которыми за истину принимается ложное предположение, опровержение которого превращает всю деятельность по проведению судебно-медицинской экспертизы в абсурд. Данная фикция является судебной и открытой.

Представляется, что правовая фикция не всегда закреплена в рамках одной нормы права, на наш взгляд, она может быть разбита на составляющие части: несколько следующих друг за другом правил поведения в результате могут привести к признанию ложных обстоятельств за истинные при невозможности дальнейшего их опровержения. Так, действующие попарно нормы, закрепленные в ст. 316 и 317 УПК РФ, представляют подобного рода правовую фикцию. В данном случае судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу (исследуются только обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание). Приговор же, постановленный в соответствии со ст. 316 УПК РФ, не может быть обжалован в апелляционном порядке по основанию несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела: 1) выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании; 2) суд не учел обстоятельств, которые могли существенно

повлиять на выводы суда; 3) в приговоре не указано, по каким основаниям при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, суд принял одни из этих доказательств и отверг другие; 4) выводы суда, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности или невиновности осужденного или оправданного, на правильность применения уголовного закона или на определение меры наказания (ст. 389.15, 389.16 УПК РФ).

В результате заранее не исследованные судом обстоятельства признаются истинными и не могут быть пересмотрены ввиду ложности.

Возможно, представленный пример в некоторой мере не отвечает предусмотренным юридической техникой правилам построения правовой фикции. В первую очередь потому, что норма-фикция практически всегда называет конкретные обстоятельства, которые признаются истинными. В приведенном случае невозможно назвать подобные «конкретные» обстоятельства. Данная фикция является отраслевой, процессуальной и скрытой.

В рамках исследования проблемы пределов упрощения уголовного судопроизводства Т.В. Трубникова, перечисляя субъектов, обладающих правом на судебную защиту, рассматривает такую правовую фикцию: в представлении правоприменителя общество выступает как самостоятельный субъект права на судебную защиту, это позволяет учитывать публичный характер уголовного процесса и воспринимать его как средство защиты публичных интересов¹. Так, по мнению автора, при отказе обвиняемого или потерпевшего от реализации права на судебную защиту следователь и прокурор не вправе по своему усмотрению от него отказаться в силу публичного характера уголовного иска.

Особым случаем юридической фикции является ситуация чрезвычайного положения. Пороговая ситуация, в которой единичный случай освобождается

---

¹ См.: Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 131–139.

от обязанности соблюдать правило, создает исключение, свидетельствующее о проникновении в правовую систему внешнего факта, своего рода правовую фикцию. Законность оценивается фактически, связываясь с внеправовой реальностью. При этом потенциал и действительность разделены, что и порождает юридическую фикцию. Она нацелена на общую приостановку действия права¹.

При отграничении правовой презумпции от правовой фикции важным представляется вопрос о тождественности неопровержимой презумпции и нормы-фикции. Удобнее всего эту коллизию рассмотреть на примере презумпции знания закона. Данное правовое предположение вытекает из ст. 15 Конституции РФ. Так, соответствующее опубликование и обнародование законов в России обязывает органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединения к надлежащему их исполнению, в свою очередь, незнание закона не освобождает от ответственности.

В контексте прав и обязанностей описанная проблема кажется решенной, но можно ли при этом принять вероятностный характер презумпции знания закона, так необходимый любой презумпции? Законодатель предполагает, что граждане обладают знаниями не только основной базы правового регулирования, такой как Конституция, но и разбираются в общем массиве законодательства.

Многочисленные же опросы авторитетных статистических организаций показывают, что подавляющая часть российского общества находится в состоянии правового нигилизма и сроки изменения этой ситуации прогнозированию не поддаются.

По мнению А.А. Крымова, действующую в российском уголовном судопроизводстве презумпцию осознания субъектом преступления противоправности совершаемого деяния или презумпцию знания закона

---

¹ См.: Агамбен Д. Чрезвычайное положение. М., 2011. С. 45, 53.

следует понимать как принцип несущественности юридической ошибки¹. Так, по мнению автора, предположение о знании закона дает возможность признать юридическую ошибку как юридически значимое обстоятельство (обстоятельство, смягчающее преступность деяния; обстоятельство, устраняющее умысел, и др.).

Рассматривая действие презумпции знания закона, следует обратить особое внимание на механизм опровержения данного предположения. Как представляется, именно разрешение вопроса о возможности или невозможности опровержения этой презумпции даст право говорить о типологической принадлежности этой конструкции. Итак, по результатам рассмотрения уголовного дела судом вынесен обвинительный приговор. Вместо подачи апелляционной жалобы в вышестоящий суд осужденный оспорил указанный приговор в прокуратуре и, соответственно, пропустил установленный УПК РФ 10-дневный срок обжалования. Возможно ли здесь говорить об опровержимости презумпции знания закона и есть ли основания для восстановления пропущенного срока? Незнание порядка обжалования вынесенного приговора не свидетельствует о том, что подсудимый не мог своевременно подать жалобу в суд, поскольку он не был лишен возможности воспользоваться юридическими услугами. Незнание закона не является уважительной причиной нарушения требований закона и, следовательно, – *ignorantia juris nocet*². Таким образом, заведомо ложное предположение принимается за истинное и в опровержении не нуждается. Из чего можно сделать вывод, что перед нами общеправовая, открытая фикция.

Одной из наиболее «свежих» правовых фикций следует признать п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ. Так, данное положение закона устанавливает тождественность результатов проверки сообщения о преступлении с допустимыми доказательствами. Конкретизируя данное положение,

---

¹ См.: *Крымов А.А.* Правовые презумпции в уголовном процессе: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 15.

² Правовое незнание ничего не меняет.

законодатель заключил, что объяснения, отобранные в ходе доследственной проверки и имеющие значение для уголовного дела, соответствуют процессуальной форме «показаний» участников уголовного судопроизводства, полученных в соответствии с правилами, указанными в ст. 187–191 УПК РФ. Таким образом, это отраслевая, процессуальная, открытая фикция.

Вопрос о месте правовой фикции в уголовном судопроизводстве остается открытым и сегодня. С одной стороны, способность правовой фикции упорядочивать правоотношения, экономить процессуальные средства при доказывании и заполнять пробелы законодательства¹, которые иным путем заполнить невозможно, делает ее неоценимым помощником в практической деятельности судьи, следователя и дознавателя; с другой стороны, фикция остается опасным союзником ввиду ее категоричности и постоянного конфликта ее с объективной действительностью. Использование юридической фикции в различных отраслях права связано в первую очередь с оптимизированием правового регулирования сходных между собой отношений². Данная позиция связывает юридическую фикцию как с преюдицией, так и с презумпцией, подтверждая мнение о том, что использование данных правовых категорий должно производиться по определенным алгоритмам.

Представляется, что основное отличие правовой фикции от презумпции и преюдиции – ее императивность. Так, все рассмотренные в работе уголовно-процессуальные фикции не предлагают правоприменителю какого-то иного варианта действия, кроме того, который определен нормой права, результат ее действия всегда категоричен. В отличие, к примеру, от уголовно-процессуальных презумпций, которые в конечном счете всегда предполагают как минимум два возможных варианта (либо предположение будет опровергнуто, либо нет). Примеры судебной практики также предлагают

---

¹ См.: *Исаев И.А.* Юридическая фикция как форма заполнения правовых пробелов // Пробелы в российском законодательстве. 2012. №5. С. 35.

² См.: *Резиньков П.М.* Указ раб. С. 188.

варианты опровержения межотраслевой преюдиции, например, в случае отмены преюдициального судебного акта¹.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что юридический вымысел как технико-юридический прием всегда обладает императивно-деформирующим характером. Это делает его весьма опасным для любой отрасли права, тем более для уголовного процесса, основными задачами которого является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод. Подобный вывод подтверждается данными эмпирического исследования: на вопрос о распространении в уголовно-процессуальном законодательстве такого технико-юридического приема, как фикция, против расширения его действия проголосовало подавляющее большинство опрошенных.

В то же время не следует забывать и о том, что фикция существует в праве уже не одну тысячу лет и, как справедливо отмечает М.Л. Давыдова, всегда имела «какое-либо рациональное обоснование, вытекающие из специфики соответствующего общественного отношения. Она никогда не формировалась произвольно, устанавливаемое ей правило всегда имело логическое обоснование с точки зрения целесообразности, справедливости и гуманизма»². В противовес сказанному можно отметить и то, что нормы-фикции в большей мере характерны и были широко распространены именно при использовании формальной системы доказательств.

Все же позитивная практика применения фикций не дает уверенности в том, что и дальнейшее использование ее будет столь же разумным и осмотрительным, ведь низкий уровень правовой культуры в сфере правотворчества рассматривается как один из факторов, способствующих

---

¹ См.: Кассационное постановление Ставропольского краевого суда от 23.01.2014 № 44у473/13 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=4e5e0d99d9fec8d7fc1bec0b111c4051&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 06.02.2020).

² Давыдова М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 251.

возникновению коррупции и злоупотреблению властью. Представляется, что «разумность» и «необходимость» также должны быть признаны в теории уголовного процесса как обязательные признаки фикции, выраженные в наличии рационального обоснования, вытекающего из специфики соответствующего правоотношения.

Большинство из представленных правовых фикций соответствуют древнеримскому правилу *fictio legis inique operator alieni damnum vel injuriam* – «юридическая фикция не должна использоваться для того, чтобы причинить другому вред»¹. Однако усеченные порядки уголовного судопроизводства, получившие в последнее время широкое распространение, ввели в правовой обиход ряд правовых фикций, ограничивающих права обвиняемого. Добровольность применения данных институтов в теории сглаживает императивный и деструктивный характер данных фикций. Однако часто отмечаемый на страницах печати фактически низкий уровень правовой грамотности населения в России в сочетании с низким уровнем предварительного расследования может привести к катастрофическим результатам. Ввиду этого не следует забывать другое правило древнеримских юристов: *fictio cedit veritati; fictio juris non est, ubi veritas* – «фикция уступает истине; юридическая фикция не имеет силы, когда ей противостоит истина»². Правовая фикция необходима для доказывания, однако обширность ее применения является объективным признаком формализации процессуальной деятельности.

---

¹ Латинская юридическая фразеология / сост. Б.С. Никифоров. М., 1979. С. 90.

² Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение общих проблем презумпции, преюдиции и фикции в уголовно-процессуальном праве и правоприменении и особенностей их конструирования в отдельных уголовно-правовых институтах позволяет сформулировать следующие выводы.

Правовые презумпции в уголовном судопроизводстве: отражают повторяемость явлений, обстоятельств, жизненных процессов, приобретают характер закономерности; обладают вероятностным характером и придают законный характер обстоятельствам, если не предложено доказательств обратного; опровержимы; распределяют бремя доказывания между сторонами; способствуют процессуальной эффективности и экономии средств познавательной деятельности.

Правовая презумпция в уголовном судопроизводстве – это прием юридической техники, существующий в виде законного предписания (при этом не обязательно именуемый в тексте закона презумпцией), который представляет собой предположение о фактах, подтвержденных или опровергнутых при расследовании и рассмотрении уголовного дела, распределяющий бремя доказывания между сторонами. Использование правовой презумпции в уголовном судопроизводстве обусловлено особенностями уголовно-процессуального познания и служит эффективности и процессуальной экономии уголовного судопроизводства.

В литературе традиционно выделяются фактические и законные презумпции. Деление правовых презумпций на опровержимые и неопровержимые необоснованно, поскольку неопровержимая презумпция не предусматривает возможности своего опровержения представленными доказательствами, следовательно, рассматривать ее через категорию вероятности (основной признак правовой презумпции) невозможно. Распределение бремени доказывания является сущностным признаком правовой презумпции в уголовном судопроизводстве и отличает ее как от

материальных презумпций уголовного права, так и от других приемов юридической техники.

Презумпция невиновности прошла сложный эволюционный путь развития. Социальные преобразования XVII–XVIII вв., буржуазно-демократические революции внесли неоценимый вклад в процесс формирования той стройной системы процессуальных ценностей и гарантий, которой пользуется и по сей день большинство европейских государств. Произошел качественный переход от инквизиционного типа уголовного судопроизводства к состязательному посредством установления правила о предположении невиновности лица до вступления приговора в законную силу. В настоящее время презумпция невиновности является как международным, так и национальным принципом осуществления правосудия. Существенные проблемы реализации принципа презумпции невиновности связаны с декларативным характером ее действия. Необходимо законодательное изменение формулы презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) с целью распространения ее действия на иных лиц. Однако законодательное признание этого принципа – большой шаг для Российского государства как в сторону реальной охраны прав и законных интересов граждан, так и в сторону приведения национального законодательства в соответствие с международными принципами и нормами. Установление этого принципа в Конституции РФ имеет важное значение для расследования и рассмотрения уголовного дела, а также является дополнительной гарантией осуществления справедливого правосудия. Широкое использование презумпции невиновности в практике Европейского суда послужило условием дальнейшего процессуального развития отдельных ее постулатов. В настоящее время презумпция невиновности остается наиболее разработанной правовой презумпцией, которая имеет процессуальное закрепление и получила свое логическое развитие в постулатах, устанавливающих распределение бремени доказывания.

Уголовно-процессуальные презумпции могут быть сформулированы в нормах уголовно-процессуального закона и постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Использование правовой презумпции в уголовном судопроизводстве обусловлено особенностями уголовно-процессуального познания и служит эффективности и процессуальной экономии уголовного судопроизводства, распределяет бремя доказывания между сторонами. К уголовно-процессуальным презумпциям следует относить презумпцию невиновности, презумпцию истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда; презумпцию недопустимости необоснованного ограничения прав личности при применении мер пресечения. Европейский суд по правам человека в своей практике активно использует презумпцию невиновности, презумпцию факта и презумпцию свободы личности. Частным случаем презумпции свободы личности следует признать презумпцию в пользу освобождения.

Отказавшись от понятия «предсудимость», советский законодатель создал термин «преюдиция» в значении правила, освобождающего от доказывания отдельных обстоятельств по уголовному делу, разорвав, таким образом, связь преюдиции в смысле предсудимости с уголовным судопроизводством и создав общеправовой, основанный на единстве процесса и презумпции истинности вступившего в законную силу приговора и иного решения суда механизм межотраслевой преюдиции. Задачи этого механизма ближе всего стоят к задачам других приемов юридической техники, являясь законным предположением, освобождающим от доказывания конкретных фактов, с той лишь разницей, что преюдиция в отличие от фикции или презумпции не общенаучный, а специально-правовой термин, более ни в одной из областей научного познания не используемый.

Преюдиция – это закрепленный в уголовно-процессуальном законе прием юридической техники, в основе которого лежит законное предположение об истинности обстоятельств уже вступившего в законную силу приговора или иного решения суда, и обязывающий посредством его применения не

совершать обязательные процессуальные действия по проверке и оценке отдельных обстоятельств и фактов уголовного дела, ввиду того что подобные действия уже были совершены. Преюдициальность – это самостоятельное и исключительное свойство приговора, подтверждающее, что процесс доказывания по конкретному делу проводился согласно всем требованиям общего порядка расследования и рассмотрения уголовных дел. Также до 2009 г. ст. 90 УПК РФ устанавливала отраслевую преюдицию. После внесения соответствующих изменений данная норма права закрепила в отечественном уголовном судопроизводстве межотраслевую, неопровержимую преюдицию. Изменения 2015 г. также сделали отечественную преюдицию исключительной, лишив свойства преюдициальности приговоры, вынесенные без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением, приговоры в отношении подсудимых, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, а также приговоры, вынесенные по результатам дознания в сокращенной форме.

В основе механизма межотраслевой преюдиции лежит идея объединения различных видов судопроизводства, что в перспективе может привести к созданию единых принципов доказывания и возрождению идеи единства процесса. На современном этапе законодательное закрепление межотраслевой преюдиции предполагает необходимость, с одной стороны, выработки единого доктринального подхода к ее пониманию, с другой стороны, создания единого механизма ее использования в правоприменительной практике для всех видов судопроизводства. Так, анализ судебной практики показывает, что постепенно сам правоприменитель изыскивает способы обходить правило о преюдиции в тех случаях, когда это является обоснованным, и применять это правило, когда оно соответствует назначениям уголовного судопроизводства. Однако оставлять данный вопрос только в руках правоприменителя нельзя. Так, в настоящее время категорически не хватает руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по основным вопросам правомерного и неправомерного использования межотраслевой, неопровержимой преюдиции. Решения

Европейского суда по правам человека, а также решения иностранных судов не имеют преюдициального значения.

Правовая фикция используется в законодательствах разных государств и характерна практически для любой правовой системы – от самых ранних сводов законов до современных отраслевых кодексов различных правовых систем. Представляется, что подобная широкая распространенность фикции происходит из близости данного понятия существу права и искусственности природы познания в целом, вне зависимости от того, одобряется или нет этот прием существующей научной теорией. С древних времен фикция применяется для упорядочивания правоотношений, их согласования с уже установленными обстоятельствами, что в итоге позволяет правоприменителю принять необходимое процессуальное решение. Использование понятий «фикция» и «фиктивный» в значении «ложный» или «не соответствующий действительности» в праве умаляет значение данного приема юридической техники. Важнейшими для дальнейшего развития уголовно-процессуального права следует признать понятия правовой и доказательственной фикции.

Правовая фикция – это прием юридической техники, существующий в виде законного неопровержимого предположения, которое применяется в уголовном судопроизводстве с целью упорядочивания правоотношений и их согласования с установленными нормативными предписаниями, результатом действия фикции является экономия познавательной деятельности. Положение, которое можно классифицировать как правовую фикцию, может быть сформировано как в нормативных актах, так и в разъяснениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ.

Юридический вымысел как технико-юридический прием всегда обладает императивно-деформирующим характером. Это делает его весьма опасным для любой отрасли права, тем более для уголовного процесса, основными задачами которого является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод.

Позитивная практика применения фикций не дает уверенности в том, что их дальнейшее использование будет столь же разумным и осмотрительным, ведь низкий уровень правовой культуры в сфере правотворчества рассматривается как один из факторов, способствующих возникновению коррупции и злоупотреблению властью. Представляется, что «разумность» и «необходимость» также должны быть признаны в теории уголовного процесса как обязательные признаки фикции, выраженные в наличии рационального обоснования, вытекающего из специфики соответствующего правоотношения.

В качестве самостоятельных направлений дальнейшего развития учения о законных предположениях (презумпции, преюдиции и фикции) в уголовном процессе можно выделить следующие:

- исследование особенностей реализации законных предположений в упрощенных формах досудебного производства;

- исследование особенностей реализации законных предположений в фактически формируемом в настоящем времени новом особом производстве в отношении предпринимателей;

- исследование правовой природы и степени опровержимости законных предположений в дифференцированных порядках судебного разбирательства, в частности предположения о добросовестном выполнении собственных процессуальных функций государственным обвинителем и защитником; предположения о законности собранных в уголовном деле доказательств; презумпции истинности обвинения, предъявленного обвиняемому; презумпции законности, обоснованности и справедливости приговора, постановленного в особом порядке;

- научное обоснование целесообразности и необходимости создания исчерпывающего перечня уголовно-процессуальных норм, сформулированных законодателем с помощью презумпции и фикции как приемов юридической техники в целях последовательного контроля механизма конструирования законодателем уголовно-процессуальных законных предположений.

Реализация данных научно-исследовательских направлений позволит обеспечить завершенность учения о законных предположениях (презумпции, преюдиции и фикции) в уголовном процессе и сформулировать системные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., и доп. от 01.07.2020 №1-ФКЗ) [Текст] // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.; СЗ РФ. – 2020. – № 11, ст. 1416.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят в Нью-Йорке 16.12. 1966 [Текст] // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. XXXII. – М., 1978.

3. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10.12.1948 [Текст] // Рос. газета. – 1995. – 5 апр.; 1998. – 10 дек.

4. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в Риме 04.11.1950 [Текст] // СЗ РФ. – 2001. – № 2, ст. 163.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1697-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Молотовой Агнесы Вилюровны на нарушение ее конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» [Текст] // СЗ РФ. – 2012. – № 2, ст. 398.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» [Текст] // СЗ РФ. – 2000. – № 27, ст. 2882.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2008 № 193-О-П «По жалобе гражданина Суринова Т.Р. на нарушение его конституционных

прав статьей 90 Уголовно процессуального кодекса Российской Федерации» [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2008. – № 4.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 11.06.2021, № 215-ФЗ) [Текст] // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I), ст. 4921; Рос. газета. – 2021. – 17 июня.

10. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп. от 11.06.2021, № 206-ФЗ) [Текст] // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. I), ст. 1; Рос. Газета. – 2021. – 17 июня.

11. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (с изм. и доп. от 26.05.2021 № 142-ФЗ) [Текст] // Рос. газета. – 1999. – 1-5 мая; Рос. газета. – 2021. – 31 мая.

12. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 08.12.2020, № 428-ФЗ) [Текст] // СЗ РФ. – 2002. – № 30, ст. 3012; Рос. газета. – 2020. – 11 дек.

13. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 30.04.2021, № 106-ФЗ) [Текст] // СЗ РФ. – 2002. – № 46, ст. 4532; Рос. газета. – 2021. – 5 мая.

14. Федеральный закон от 29.12.2009 № 383-ФЗ (с изм. и доп. от 07.02.2011 № 3-ФЗ) «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Текст] // Рос. газета. – 2009. – 31 дек.

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [Текст] // Рос. газета. – 2015. – 10 июля. – № 150.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1.

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел

в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» [Текст] // Рос. газета. – 2017. – 29 дек.

18. Инструкция НКЮ от 16 июня 1918 г. [Текст] (*утратила силу*) // СУ РСФСР. – 1918. – № 44, ст. 33.

19. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (с изм. и доп. от 18.12.2001) [Текст] (*утратил силу*) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40, ст. 592; Рос. газета. – 2001. – 22 дек.

20. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 [Текст] (*утратили силу*) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1, ст. 15.

21. Свод законов Российской империи. В 16 т. [Текст] / под ред. И.Д. Мордухай-Болотского Т. 14. / сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. – СПб.: печ. Графического института Бр. Лукшевиц, 1912. – 1030 с.

2. Монографии, учебники, учебные пособия, комментарии

22. Demelius G. Die Rechtsfiktion in ihrer geschichtlichen und dogmatischen Bedeutung. – Weimar: Hermann Böhlau, 1858. – 162 s.

23. *Авдюков, М.Г.* Судебное решение [Текст] / М.Г. Авдюков. – М.: Госюриздат, 1959. – 192 с.

24. *Агамбен, Д.* Чрезвычайное положение [Текст] / Д. Агамбен. – М.: Изд-во Европа, 2011. – 148 с.

25. *Агутин, А.В., Агутина Н.В.* Теоретические и нравственные основания принципов в современном отечественном уголовном судопроизводстве [Текст] / А.В. Агутин, Н.В. Агутина. – М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2009. – 106 с.

26. *Азаров, В.А.* Внутреннее убеждение при оценке в уголовном процессе преюдициального значения решений, принятых в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве [Текст] / В.А. Азаров, Д.М. Нурбаев. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 206 с.

27. *Алексеев, С.С.* Общая теория социалистического права: учебник [Текст] / С.С. Алексеев. – Свердловск: Средне-уральское книжное изд-во, 1966. – 211 с.

28. *Алексеев, С.С.* Общая теория. В 2-х т. Т.2 [Текст] / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1982. – 360 с.

29. Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т. 2. [Текст] / Нац. обществ.-науч. фонд. – М.: Мысль, 1999. Т.2. Европа: V - XVII вв. – 829 с.

30. *Аристотель.* Соч. в четырех томах. Т.1 [Текст] / Аристотель. – М.: Мысль Год, 1976. – 550 с.

31. *Бабаев, В.К.* Презумпции в российском праве и юридической практике [Текст] / В.К. Бабаев // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2000. – 821 с.

32. *Бабаев, В.К.* Презумпции в советском праве: учебное пособие [Текст] / В.К. Баев. – Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. – 122 с.

33. *Безлепкин, Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / Б.Т. Безлепкин. – М.: Проспект, 2012. – 576 с.

34. *Беккария, Ч.* О преступлениях и наказаниях [Текст] / сост. В.С. Овчинского. – М.: Инфра-М, 2004. – 184 с.

35. *Белкин, А.Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве [Текст] / А.Р. Белкин. – М.: НОРМА, 2005. – 528 с.

36. *Бозров, В.М.* Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу [Текст] / В.М. Бозров, Н.В. Костовская. – М: Юрлитинформ, 2013. – 160 с.

37. *Бурданова, В.С.* Презумпция невиновности - условие соблюдения прав и законных интересов граждан [Текст] / В.С. Бурданова. – Л.: Ленингр. орг. о-ва «Знание» РСФСР, 1989. – 14 с.

38. *Буцковский, Н.А.* Основания кассационной практики по вопросам преюдициальным [Текст] / Н.А. Буцковский. – СПб: В тип. 2-го отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1872. – 59 с.

39. *Васильев, Л.М.* Фактические презумпции в советском уголовном судопроизводстве [Текст] / Л.М. Васильев. – Краснодар: изд-во Кубан. ун-та, 1977. – 62 с.

40. *Вилкова, Т.Ю.* Принципы уголовного судопроизводства России [Текст] / Т.Ю. Вилкова. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 328 с.

41. *Владимиров, Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах (общая часть) [Текст] / Л.Е. Владимиров. – Харьков: Законоведение, 1910. – 440 с.

42. *Головненков, П.В.* Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона [Текст] / П.В. Головненков, Н.П. Спица. – Потсдам: изд-во Потсдамского ун-та, 2012. – с. 408.

43. *Гриненко, А.В.* Принцип презумпции невиновности и его реализация в досудебном уголовном процессе: монография [Текст] / А.В. Гриненко, Г.К. Кожевников, С.Ф. Шумилин. – Харьков: Консум, 1997. – 96 с.

44. *Громов, Н.А.* Правоприменительная деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и судов. Основные начала [Текст] / Н.А. Громов, Ю.В. Францифоров. – М.: Приор, 2000. – 160 с.

45. *Давлетов, А.А.* Основы уголовно-процессуального познания [Текст] / А.А. Давлетов. – Екатеринбург: Изд-во Гум. ун-та, 1997. – 191 с.

46. *Даев, В.Г.* Взаимосвязь уголовного права и процесса [Текст] / В.Г. Даев. – Л.: Изд-во Ленинград.ун-та, 1982. – 112 с.

47. *Демин, А.В.* Принцип определенности налогообложения: монография [Текст] / А.В. Демин. – М.: Статут, 2015. – 368 с.

48. *Деришев, Ю.В.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе [Текст] / Ю.В. Деришев, Ю.Е. Кайгародова, О.А. Волторнист. – Омск: Из-во Ом.юрид. ин-т, 2010. – 107 с.

49. *Дождев, Д.В.* Римское частное право: учебник [Текст] / Д.В. Дождев. – М.: Норма, 2008. – 224 с.

50. *Дормидонтов, Г.Ф.* Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций [Текст] / Г.Ф. Дормидонтов. – Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1895. – 176 с.

51. *Дрягин, М.А.* Презумпция невиновности: история и теория проблемы: учеб. Пособие [Текст] / М.А. Дрягин. – Иркутск: изд-во БГУЭП, 2004. – 54 с.

52. *Духовский, М.В.* Русский уголовный процесс [Текст] / М.В. Духовский. – М.: Тип. А.П. Поплавского, 1910. – 448 с.

53. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. Т. 2. [Текст] / ред. кол.: В. А. Туманов и др.– М.: НОРМА, 2000. – 808 с.

54. *Звягинцев, А.Г.* История российской прокуратуры (1722–2012) [Текст] / А.Г. Звгинцев. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 416 с.

55. *Зейдер, Н.Б.* Судебное решение по гражданскому делу [Текст] / Н.Б. Зейдер. – М.: Юрид. лит., 1996. – 190 с.

56. *Зинатуллин, З.З.* Уголовно-процессуальное доказывание [Текст] / З.З. Зинатуллин. – Ижевск: Детектив-информ, 2003. – 228 с.

57. *Иеринг, Р.* Дух римского права на различных ступенях его развития [Текст] / Р. Иеринг. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1875. – 321 с.

58. *Каминская, В.И.* Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе [Текст] / В.И. Каминская. – М.: АН СССР, 1948. – 132 с.

59. *Кашанина, Т. К.* Юридическая техника: учебник [Текст] / Т. К.Кашанина. – М.: Эксмо, 2008. – 496 с.

60. *Колотинский, Н.Д.* История римского права [Текст] / Н.Д. Колотинский. – Казань: Типо-Лит. В. В. Вараксина, 1912. – 396 с.

61. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / под ред. А.В. Смирнова. – М.: Питер, 2009. – 508 с.

62. *Куцова, Э.Ф.* Хрестоматия по уголовному процессу России [Текст] / Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – 272 с.

63. *Крысин, Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л.П. Крысин.– М.: Эксмо, 2008. – 944 с.

64. *Кудрявцева, Е.В.* Судебное решение в английском гражданском процессе [Текст] / Е.В. Кудрявцева. – М.: Изд-во Городец, 1998. – 143 с.
65. *Кузнецова, О.А.* Презумпции в гражданском праве / О.А. Кузнецова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 349 с.
66. *Лазарев, В.В.* Теория государства и права [Текст] / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М.: Спарк, 2004. – 634 с.
67. *Лазарева, В.А.* Доказывание в уголовном процессе [Текст] / В.А. Лазарева. – М.: Зерцало-М, 2011. – 343 с.
68. *Левченко, О.В.* Уголовно-процессуальное доказывание (сущность, средства доказывания, предмет и пределы [Текст] / О.В. Левченко. – Ижевск, 2001. – 51 с.
69. *Лотфуллин, Р.К.* Юридические фикции в гражданском праве [Текст] / Р.К. Лотфуллин. – М.: Юрист, 2006. – 220 с.
70. *Лукич, Р.* Методология права [Текст] / Р. Лукич. – М.: Прогресс, 1981. – 302 с.
71. *Мажинян, Д.Р.* Презумпция невиновности и гарантии ее осуществления в советском уголовном судопроизводстве [Текст] / Д.Р. Мажинян. – Ереван: Изд-во Ереван.ун-та, 1989. – 128 с.
72. Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации: науч.-практ. пособие [Текст] / отв. ред. В.П. Кашепов. – М.: Ин-т зак-ва и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013. – 312 с.
73. *Мейер, Д.О.* юридических вымыслах, предположениях, скрытых и притворных действиях / Д.О. Мейер. – Казань: Изд-во Казан.ун-та, 1854. – 127 с.
74. *Морозова, Л.А.* Теория государства и права: учебник [Текст] / Л.А. Морозова. – М.: Эксмо, 2007. – 496 с.
75. *Мотовиловкер, Я.О.* Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе [Текст] / Я.О. Мотовиловкер. – М.: Наука, 1956. – 179 с.

76. *Муромцев, С.А.* Гражданское право Древнего Рима [Текст] / С.А. Муромцев. – М., 1883. – 733 с.
77. *Мухаев, Р.Т.* Теория государства и права [Текст] / Р.Т. Мухаев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 431 с.
78. *Нерсесянц, В.С.* Общая теория права и государства. Учебник [Текст] / В.С. Нерсесянц. – М.: изд-во НОРМА–ИНФРА, 1999. – 560 с.
79. Общая теория права: курс лекций [Текст] / под ред. В.К. Бабаева. – Н.Новгород: изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. – 544 с.
80. *Омельченко, О.А.* Основы римского права [Текст] / О.А. Омельченко. – М.: ТОН, 1994. – 208 с.
81. *Орлов, Ю.К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе [Текст] / Ю.К. Орлов. – М.: Проспект, 2000. – 144 с.
82. *Панькина, И.Ю.* Презумпция невиновности: теория и практика реализации в российском уголовном процессе [Текст] / И.Ю. Панькина; под ред. Т.С. Волчецкой. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 133 с.
83. *Панько, К.К.* Фикции в уголовном праве и правоприменении [Текст] / К.К. Панько. – Воронеж: Истоки, 1998. – 135 с.
84. *Петрухин, И.Л.* Презумпции и преюдиции в доказывании // Теория доказательств в советском уголовном процессе [Текст] / отв. ред. Н.В. Жогин. – М.: Юридическая литература, 1973. – 736 с.
85. *Печников, Г.А.* Диалектические проблемы истины в уголовном процессе [Текст] / Г.А. Печников. – Волгоград, 2007. – 462 с.
86. *Полянский, Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного судопроизводства / Н.Н. Полянский. – М.: Изд-во МГУ, 1956. – 271 с.
87. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики [Текст] / под ред. В.М. Лебедева. – М.: Юрайт, 2013. – 231 с.

88. Принципы современного российского уголовного судопроизводства : монография / под науч. ред. И.В. Смольковой. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 384 с.

89. Проблемы развития процессуального права России: монография [Текст] / А.В. Белякова, Л.А. Воскобитова, А.В. Габов и др.; под ред. В.М. Жуйкова. – М.: Норма, 2016. – 224 с.

90. Радько, Т.Н. Презумпция невиновности и юридическая ответственность: лекция [Текст] / Т. Н. Радько; М-во внутр. дел Рос. Федерации. Моск. акад. – М.: Моск. акад. МВД России, 2001. – 31 с.

91. Решетникова, И.В. Доказательственное право Англии и США [Текст] / И.В. Решетникова. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. – 240 с.

92. Савицкий, В.М. Презумпция невиновности [Текст] / В.М. Савицкий. – М.: НОРМА, 1997. – 121 с.

93. Случевский, В.К. Учебник русского уголовного процесса: Судопроизводство [Текст] / под. ред В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – 488 с.

94. Смирнов, А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе: монография [Текст] / А. В. Смирнов. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 240 с.

95. Смолькова, И.В. Признание обвиняемым своей вины: доказательственное и правовое значение [Текст] / И.В. Смолькова. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 432 с.

96. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т.1 [Текст] / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – 470 с.

97. Строгович, М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе [Текст] / М.С. Строгович. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 384 с.

98. Строгович, М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности [Текст] / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1984. – 143 с.

99. Строгович, М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе Тарский А. / М.С. Строгович. – Л.: изд-во АН СССР, 1947. – 384 с.

100. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. [Текст] В 5 частях. Ч. 2. – СПб.: Тип. 2 Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1866. – 757 с.

101. *Тарский, А.* Семантическая концепция истины и основания семантики [Текст] / А. Тарский // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. – 528 с.

102. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции [Текст] / под ред. Н.А. Колоколова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 264 с.

103. *Треушников, М.Г.* Судебные доказательства: монография [Текст] / М.Г. Треушников. – М.: Городец, 2005. – 288 с.

104. *Трусов, А.И.* Основы теории судебных доказательств [Текст] / А.И. Трусов. – М.: Госюриздат, 1960. – 176 с.

105. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) [Текст] / под общ. ред. В.М. Лебедева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2021. – 936 с.

106. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник [Текст] / отв. ред. П.А. Lupинская. – М.: Норма, 2009. – 1072 с.

107. Уголовный процесс: учебник [Текст] / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. 8-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 784 с.

108. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. [Текст] // Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. – Т. 8: Судебная реформа. – М.: Юридическая литература, 1991. – 496 с.

109. *Фаткуллин, Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания [Текст] / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1973. – 176 с.

110. *Фойницкий, И.Я.* Курс уголовного судопроизводства [Текст] / И.Я. Фойницкий: Т.2. – СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1910. – 607 с.

111. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. В 2 т. Т. 1. Древний мир и Средние века [Текст] / отв. ред. Н.А. Крашенинникова., сост. О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз. – М.: Норма, 2003. – 816 с.

112. Хрестоматия по истории государства и права России [Текст] / сост. Ю.П. Титов. – М.: ТК Велби; Проспект, 2008. – 472 с.

113. Худяков Е.А. Эффективность применения норм с административной преюдицией: учеб. Пособие [Текст] / Е.А. Худяков. – М.: Изд-во МВШМ МВД, 1981. – 34 с.

114. Ширвинт, А.М. Значение фикции в римском праве [Текст] / А.М. Ширвинт. – М.: Статут, 2013. – 255 с.

115. Явич, Л.С. Право – регулятор общественных отношений в СССР [Текст] / Л.С. Явич. – М.: Наука, 1957. – 165 с.

3. Статьи в научных журналах и сборниках

116. Pugliatti S. Finzione // Enciclopedia del diritto (Milano). – 1968. № XVII. – P. 660-662.

117. Абдрашитов, В.М. Принцип презумпции невиновности в России и современные тенденции в области прав человека [Текст] / В.М. Абдрашитов // Legal Concept. – 2012. – №1. – С. 33-39.

118. Азаренок, Н.В. Изменение конституционно-правового подхода к преюдиции? [Текст] / Н.В. Азаренок // Российская юстиция. – 2019. – № 7. – С. 51-54.

119. Алиев, Т.Т. Принцип презумпции истинности приговора, вступившего в законную силу [Текст] / Т.Т. Алиев, В.О. Белоносов, Н.А. Громов // Российский судья. – 2003. – № 7. – С. 18-24.

120. Афанасьев, С.Ф. К проблеме существенных процессуальных ошибок или безусловных оснований к отмене судебных решений по гражданским делам [Текст] / С.Ф. Афанасьев // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 3. – С. 40-62.

121. Афанасьев, С.Ф. К проблеме существенных процессуальных ошибок или безусловных оснований к отмене судебных решений по гражданским делам

[Текст] / С.Ф. Афанасьев // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 3. – С. 40–62.

122. *Балакшин, В.С.* Преюдициальная сила решения, принятого в рамках административного процесса, в уголовном судопроизводстве [Текст] / В.С. Балакшин // Российский юридический журнал. – 2012. – № 6. – С. 110-113.

123. *Барабаш, А.С.* Вклад Ивана Яковлевича Фойницкого в определение места состязательности в российском уголовном процессе [Текст] / А.С. Барабаш // Российское правосудие. – 2008. – № 3. – С. 102-104.

124. *Болдыш, А.Ю.* Юридические фикции: положительная или отрицательная составляющая права [Текст] / А.Ю. Болдыш // Научно-методический электронный журнал – Концепт Т. 4. – 2013. – С. 801-805.

125. *Борисевич, Г.Я.* О проблемах применения статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ [Текст] / Г.Я. Борисевич // Вестник Перм. Ун-та. Юрид. науки. – 2014. – № 1. – С. 260-268.

126. *Будылин, С.Л.* Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом [Текст] / С.Л. Будылин // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 4. – С. 34-67.

127. *Булаевский, Б.А.* Функции правовых презумпций [Текст] / Б.А. Булаевский // Журнал российского права. – 2011. – № 3. – С. 33-14.

128. *Вилкова, Т.Ю.* Презумпция невиновности – принцип уголовного судопроизводства [Текст] / Т.Ю. Вилкова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) . – 2018. – № 2 (42) . – С. 57-65.

129. *Вилкова, Т.Ю.* Принцип презумпции невиновности в период действия УПК РСФСР 1923 года [Текст] / Т.Ю. Вилкова // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 141-146.

130. *Воронцов, А.А.* Перенос бремени доказывания законности происхождения собственности на обвиняемого [Текст] / А.А. Воронцов, М.В. Парфенова // Законность. – 2014. – № 3. – С. 47-50.

131. *Гатауллин, З.Ш.* Понятие и содержание уголовного преследования в состязательном судопроизводстве [Текст] / З.Ш. Гатауллин // Вестник КРУ МВД России. – 2017. – № 4 (38). – С. 51-55.

132. *Головки, Л.В.* Три аксиомы применения института преюдиции в уголовном процессе [Текст] / Л.В. Головки // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: матер. междунар. науч.-практ. конф, посвящ. памяти д-ра юрид. наук, проф. П.А. Лупинской (17-18 марта 2011 г.). – М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2011. – С. 48-58.

133. *Головки, Л.В.* Идеи М.С. Строговича и современность: переосмысливая принцип состязательности [Текст] / Л.В. Головки // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича: матер. конф. (24-25 октября 2019 г.). – М.: Юрлитинформ, 2020. – С. 5-13.

134. *Горшенев, В.М.* Нетипичные нормативные предписания в праве [Текст] / В.М. Горшенев // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 116-117.

135. *Грешнова, Н.А.* Проблема реализации принципа состязательности в рамках установления истины в уголовном судопроизводстве [Текст] / Н.А. Грешнова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – №3 (37). – С. 122-128.

136. *Григорьев, В.Н.* О современных воззрениях на презумпцию невиновности [Текст] / В.Н. Григорьев, И.А. Зинченко, А.В. Победкин // Вопросы правоведения. – 2012. – № 3. – С. 126-130.

137. *Денисова, А.В.* Межотраслевые правовые институты как средство обеспечения системности российского уголовного законодательства [Текст] / А.В. Денисова // Общество и право. – 2011. – № 1. – С. 94-98.

138. *Деришев, Ю.В.* Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении [Текст] / Ю.В. Деришев, Е.И. Земляничин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 3 (29). – С.95-100.

139. *Деришев, Ю.В.* Принцип презумпции невиновности: теория, противоречия реализации и пути их нейтрализации [Текст] / Ю.В. Деришев, И.Ю. Мурашкин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. – № 2. – С. 44-48.

140. *Дикарев, И.С.* Преюдициальность судебных решений в уголовном процессе [Текст] / И.С. Дикарев // Законность. – 2014. – № 10. – С. 51-53.

141. *Емузов, А.С.* Приоритет достижения юридической истины перед иными целями доказывания в условиях состязательности [Текст] / А.С. Емузов // Адвокат. практика. – 2004. – № 4. – С. 11-13.

142. *Зайцев, И.* Правовые фикции в гражданском процессе [Текст] / И. Зайцев // Российская юстиция. – 1997. – № 1. – С. 35-36.

143. *Заржицкая, Л.С.* Преюдициальное значение актов Европейского Суда по правам человека и других международных судов [Текст] / Л.С. Заржицкая // Мировой судья. – 2013. – № 5. – С. 28-32.

144. *Зотов, Д.В.* Доказательства и фикция в уголовном процессе [Текст] / Д.В. Зотов // Библиотека криминалиста. – 2018. – № 1. – С. 45-49.

145. *Зотов, Д.В.* Доказательственные фикции в уголовном процессе [Текст] / Д.В. Зотов // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 2. – С. 51-61.

146. *Зуев, Ю.Г.* Уголовно-правовые презумпции: понятие, признаки и виды [Текст] / Ю.Г. Зуев // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 331-338.

147. *Исаев, И.А.* Юридическая фикция как форма заполнения правовых пробелов [Текст] / И.А. Исаев // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 35-37.

148. *Искандеров, Р.* О преюдициальном значении приговора [Текст] / Р. Искандеров // Советская юстиция. – 1990. – № 22. – С. 22-23.

149. *Ишигилов, И.Л.* Юридические фикции и презумпции на разных стадиях правового регулирования [Текст] / И.Л. Ишигилов // История правового регулирования. – 2009. – № 21. – С. 41-44.

150. *Каландаришвили, Х.А.* Стандартизация доказывания с помощью уголовно-процессуальных презумпций в решениях Европейского суда по правам человека [Текст] / Х.А. Каландаришвили // Российский судья. – 2018. – № 5. – С. 44-48.

151. *Каландаришвили, Х.А.* Содержание презумпции истинности вступившего в законную силу приговора суда в уголовном судопроизводстве [Текст] / Х.А. Каландаришвили // Финансовая экономика. – 2018. – № 5. Ч. 8. – С. 938-940.

152. *Каландаришвили, Х.А.* Правовые фикции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации [Текст] / Х.А. Каландаришвили // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 3. – С. 135-141.

153. *Каландаришвили, Х.А.* Институт преюдиции в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года [Текст] / Х.А. Каландаришвили // Глаголь правосудия. – 2014. – № 2(8). – С. 14-16.

154. *Калиновский, К.Б.* Презумпция недопустимости доказательства, полученного с нарушением уголовно-процессуального закона [Текст] / К.Б. Калиновский // Актуальные проблемы права и судебной власти в современном российском обществе: матер. конф. (11 апреля 2008 г.). – Краснодар: СКФ РАП, 2009. – С. 34–37.

155. *Каранина, Н.С.* Сущность правовой презумпции: определение понятия «Презумпция» в современной теории права и российском законодательстве; признаки правовой презумпции [Текст] / Н.С. Каранина // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 213-220.

156. *Карякин, Е.А.* Взгляд на состязательное уголовное судопроизводство сквозь призму процессуальной формы [Текст] / Е.А. Карякин // Уголовное право. – 2005. – № 4. – С. 68-71.

157. *Карякин, Е.А.* Цель и бремя доказывания применительно к формированию судебной истины по уголовному делу в суде первой инстанции [Текст] / Е.А. Карякин // Российский судья. – 2016. – № 5. – С. 22-26.

158. *Колесникова, Е.С.* Реализация принципа презумпции невиновности в профессиональной деятельности прокурорского работника [Текст] / Е.С. Колесникова // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. – 2012. – № 1. – С. 88-95.

159. *Кондрат, И.Н.* Правовые коллизии, возникающие при реализации принципа «*indubio pro reo*» [Текст] / И.Н. Кондрат // Российская юстиция. – 2011. – № 8. – С.24-26.

160. *Конин, В.В.* Некоторые проблемные вопросы состязательности и равноправия в уголовном процессе [Текст] / В.В. Конин // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С.354-355.

161. *Корнакова, С. В.* Состязательность условие равноправия сторон в уголовном судопроизводстве [Текст] / С.В. Корнакова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 1 (7). – С. 92-97.

162. *Кузнеченко, С.Ю.* Особенности преюдиции в уголовно-процессуальном праве России. Отличие от института преюдиции в гражданском, арбитражном и административном процессах [Текст] / С.Ю. Кузнеченко // Российская юстиция. – 2019. – № 9. – С. 25-28.

163. *Левчук, С.В.* Политико-правовая природа принципа «презумпция невиновности» [Текст] / С.В. Левчук // История государства и права. – 2015. – № 16. – С. 11-16.

164. *Лобанова, Л.В.* Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правоохранительной реализации / Л.В. Лобанова, А.П. Рожнов // Законность. – 2016. – № 6. – С. 46-50.

165. *Лопатин, С.А.* К вопросу о преодолении преюдиции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации [Текст] / С.А. Лопатин // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 7. – С. 194-196.

166. *Лопатин, С.А.* К вопросу о юридической истине в случае применения преюдиции в уголовно-процессуальном доказывании [Текст] / С.А. Лопатин // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: матер.

всерос. науч.-практ. конф. (16-17 марта 2018 г.). – СПб.: ИП Петрополис. – С. 117-124.

167. *Макарова, З.В.* Презумпция невиновности: прошлое и настоящее // Уголовная юстиция: связь времен [Текст] / З.В. Макарова // Избранные материалы международной научной конференции. – 2012. – С. 74-78.

168. *Манова, Н.С.* Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности [Текст] / Н. С. Манова, М.А. Баранова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Вып. 45. – С. 564-593.

169. *Манова, Н.С.* Об основаниях и процедуре выдвижения подозрения в российском уголовном процессе [Текст] / Н.С. Манова // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: матер. круг. стола (19 декабря 2017 г.). – М.: РГУП, 2018. – С. 114-121.

170. *Маркунцов, С.А.* О понимании административной преюдиции как особого средства юридической техники и расширении ее использования в Уголовном кодексе Российской Федерации [Текст] / С.А. Маркунцов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. – № 4. – С. 31-42.

171. *Маслова, М.В.* Содержательный аспект позиции защитника по уголовному делу: факты и доказательства [Текст] / М.В. Маслова // Современное право. – 2015. – № 5. – С. 101-106.

172. *Морщакова, Т.Г.* Строгович Михаил Соломонович: 120 лет со дня рождения / Т.Г. Морщакова // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 3. – С. 15-19.

173. *Мурашкин, И.Ю.* Эволюция принципа презумпции невиновности в российском и международном праве [Текст] / И.Ю. Мурашкин // История государства и права. – 2014. – № 13. – С. 25-31.

174. *Николюк, В.В.* Особенности рассмотрения судом вопроса о заключении под стражу осужденного, уклоняющегося от прибытия в колонию-поселение [Текст] / В.В. Николюк // Уголовное право. – 2015. – № 4. – С. 93-99.

175. *Оскаве, К.* Размышления о природе сравнительного правоведения: некоторые теоретические вопросы [Текст] / К. Оскаве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2006. – № 3. – С. 54-71.

176. *Оськина, И.* Как избежать судебных противоречий [Текст] / И. Оськина, А. Лупу // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 1. – С. 8.

177. *Панько, К.К.* Презумпции в уголовном праве и процессе, их значение и классификация [Текст] / К.К. Панько // Вестник Воронежского государственного университета. – 2013. – № 1 (14). – С. 311-326.

178. *Подольный, Н.А.* Система принципов уголовного судопроизводства как система нравственных ценностей [Текст] / Н.А. Подольный // LexRussica. – 2014. – № 4. – С. 429-436.

179. *Прошляков, А.Д.* Мерзлякова М.В. О моменте вступления в силу промежуточных судебных решений по уголовным делам [Текст] / А.Д. Прошляков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2015. – Том 15. – № 3. – С. 57-60.

180. *Рясенцев, В.* Вопросы преюдиции при рассмотрении судами гражданских дел [Текст] / В. Рясенцев // Советская юстиция. – 1985. – № 10. – С. 23-25.

181. *Савиных, В.А.* Функция суда по делам об оспаривании результатов оценки имущества [Текст] / В.А. Савиных // Закон. – 2015. – № 8. – С. 147-157.

182. *Селина, Е.В.* Презумпция невиновности в уголовном праве [Текст] / Е.В. Селина // Российская юстиция. – 2015. – № 8. – С. 37-39.

183. *Скабелин, С.И.* Объективные данные и преюдициальные факты как основание для производства процессуальных действий [Текст] / С.И. Скабелин // Адвокат. – 2014. – № 9. – С. 24-28.

184. *Скобликов, П.А.* Преюдиция актов арбитражных судов в уголовном процессе: новое прочтение [Текст] / П. А. Скобликов // Журнал российского права. – 2009. – № 2. – С. 69-82.

185. *Смирнов, А.В.* Формальные средства юридического доказывания в уголовном праве и процессе / А.В. Смирнов // Юридическая истина в

уголовном праве и процессе: матер. всерос. науч.-практ. конф. (16-17 марта 2018 г.). – СПб.: ИД Петрополис», 2018. – С. 9-23.

186. *Спасович, В.Д.* Обзор решений гражданского кассационного департамента правительствующего Сената, по вопросам гражданского и торгового права [Текст] / В.Д. Спасович // Журнал гражданского и уголовного права. – 1873. кн. – 2 март. – С. 113-118.

187. *Сумин, А.А.* Презумпция невиновности и меры процессуального принуждения: совмещение несовместимого [Текст] / А.А. Сумин // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – №3. – С. 45-46.

188. *Тадевосян, В.С.* К вопросу об установлении материальной истины [Текст] / В.С. Тадевосян // Советское государство и право. – 1948. – № 6. – С. 65-72.

189. *Танимов, О.В.* Юридические фикции в Средневековье [Текст] / О.В. Танимов // История государства и права. – 2013. – № 22. – С. 43-47.

190. *Тисен, О.Н.* К проблеме ограниченной преюдиции фактов, установленных в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве [Текст] / О.Н. Тисен // Российская юстиция. – 2014. – № 10. – С. 67-69.

191. *Томин, В.П.* Презумпция невиновности и советский уголовный процесс [Текст] / В.П. Томин // Развитие науки и практики уголовного судопроизводства в свете требований Конституции СССР. – М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Генпрокурат. СССР, 1978. – С. 62-66.

192. *Трубникова, Т.В.* Пределы упрощения уголовного процесса [Текст] / Т.В. Трубникова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12. – С. 131-139.

193. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Общая часть: проект № 97700236-2 «Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в 1 чтении 06.06.1997) // Российская юстиция. – 1994. – № 9. – С. 9-15.

194. *Усманов, И.П.* Бездокументарная ценная бумага – фикция ли это? [Текст] / И.П. Усманов // Общество и право. – 2009. – № 2. – С.73-76.
195. *Фетисов, А.К.* Неопровержимые презумпции в праве России [Текст] / А.К. Фетисов // Юрист. – 2005. – № 6. – С. 18-21.
196. *Фидельский, С.В.* Становление института преюдиции в уголовно-процессуальном праве: опыт Российского государства и некоторых зарубежных стран [Текст] / С.В. Фидельский // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2011. – № 4. – С. 27-30.
197. *Филимонова, И.В.* Понятие юридической фикции: современные доктринальные подходы [Текст] / И.В. Филимонова // Право и жизнь. – 2013. – № 175. – С. 130-149.
198. *Харзинова, В.М.* Обвинение как институт уголовного процесса [Текст] / В.М. Харзинова, Г.Г. Небрятенко // ЮП. – 2015. – №4 (71). – С. 52-55.
199. *Хромова, Н.М.* Принцип презумпции невиновности при особом порядке судебного разбирательства [Текст] / Н.М. Хромова // Журнал российского права. – 2013. – № 6. – С. 107-115.
200. *Цыбулевская, О.И.* Презумпция невиновности: нравственный аспект [Текст] / О.И. Цыбулевская // Юридическая техника. – 2010. – №4. – С. 571-573.
201. *Цыбулевская, О.И.* Презумпция невиновности: аксиологическое измерение [Текст] / О.И. Цыбулевская, А.Н. Омариева // Вестник ПАГС. – 2015. – №4 (49). – С. 51-57.
202. *Чащина, И. В.* Проблемы применения преюдиции в уголовном процессе [Текст] / И.В. Чащина // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – №1. – С. 44-47.
203. *Чельцов, М.А.* О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию [Текст] / М.А. Чельцов // Ученые записки Всесоюзного юридического заочного института: Вопросы уголовного процесса. Вып. VI. – М., 1958. – С. 48-97.

204. *Червяковский, А.В.* Спорные вопросы презумпции знания закона [Текст] / А.В. Червяковский // Право и политика: история и современность. Омск, 2007. С. 82-84.

205. *Черниловский, З.М.* Презумпции и фикции в истории права [Текст] / З.М. Черниловский // Советское государство и право. – 1984. – № 1. – С. 98-99.

4. Диссертации и авторефераты диссертаций

206. *Бабаев, В.К.* Презумпции в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.К. Бабаев. – Свердловск, 1969. – 24 с.

207. *Бутов, В.Н.* Определения суда первой инстанции по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.Н. Бутов. – Свердловск, 1975. – 19 с.

208. *Васильев, Л.М.* Теоретические и практические проблемы презумпции невиновности обвиняемого в уголовном судопроизводстве (по материалам зарубежной и отечественной практики): дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Л.М. Васильев. – Краснодар, 2005. – 320 с.

209. *Голубинская, С.В.* Решение Конституционного суда РФ в правовой системе России: автореф. дис. ... канд. юр. наук [Текст] / С.В. Голубинская – М., 2002. – 26 с.

210. *Гореликова, А.Г.* Преюдиция в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.Г. Гореликова. – М., 2010. – 205 с.

211. *Горячев, И.Н.* Презумпция знания закона и принцип несущественности юридической ошибки в уголовном праве России: дис... канд. юрид. наук [Текст] / И.Н. Горячев. – Екатеринбург, 2010. – 210 с.

212. *Грошевой, Ю.М.* Теоретические проблемы формирования убеждения судьи в советском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Ю.М. Грошевой. – Харьков, 1975. – 403 с.

213. *Давыдова, М.Л.* Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / М.Л. Давыдова. – Волгоград, 2010. – 408 с.

214. *Душакова, Л.А.* Правовые фикции: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Л.А. Душакова. – Ростов н/Д, 2004. – 199 с.

215. *Еремина, А.П.* Преюдиции в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.П. Еремина. – М., 1970. – 190 с.

216. *Калинкин, А.В.* Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А. В. Калинин. – Саратов, 2016. – 26 с.

217. *Карданец, А.В.* Преюдиции в российском праве (Проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.В. Карданец. – Н. Новгород, 2002. – 181 с.

218. *Крымов, А.А.* Правовые презумпции в уголовном процессе: автореф. дис... канд. юрид. наук [Текст] / А.А. Крымов. – М., 1999. – 24 с.

219. *Кузнецова, О.А.* Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: автореф. дис. ... дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / О.А. Кузнецова. – Екатеринбург, 2007. – 43 с.

220. *Курсова, О.А.* Фикции в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / О.А. Курсова. – Н. Новгород, 2001. – 32 с.

221. *Курсова, О.А.* Фикции в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / О.А. Курсова. – Н. Новгород, 2001. – 193 с.

222. *Лотфуллин, Р.К.* Юридические фикции в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Р.К. Лотфуллин. – М., 2008. – 216 с.

223. *Марохин, Е.Ю.* Юридическая фикция в современном российском законодательстве: дис.... канд. юрид. наук [Текст] / Е.Ю. Марохин. – Ставрополь, 2005. – 179 с.

224. *Мизулина, Е.Б.* Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Мизулина Е.Б. – Ярославль, 1991. – 269 с.

225. *Нахоева, Е.А.* Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.А. Нахоева. – Саратов, 2004. – 176 с.

226. *Никиташина, Н.А.* Юридические предположения в механизме правового регулирования (правовые презумпции и фикции): дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.А. Никиташина. – Абакан, 2004. – 185.

227. *Нурбаев, Д.М.* Внутреннее убеждение при оценке в уголовном процессе преюдициального значения решений, принятых в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве (по материалам проверки и уголовным делам о преступлениях в сфере экономики): дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Д.М. Нурбаев. – Омск, 2014. – 208 с.

228. *Панько, К.К.* Фикции в уголовном праве: в сфере законотворчества и правоприменении: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / К.К. Панько. – Воронеж, 1998. – 233 с.

229. *Редькин, Н.В.* Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного процесса РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.В. Редькин. – Краснодар, 2007. – 34 с.

230. *Резиньков, П.М.* Юридическая фикция: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / П.М. Резиньков. – Волгоград, 2012. – 216 с.

231. *Танимов, О.В.* Юридические фикции и проблемы их применения в информационном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / О.В. Танимов. – Саранск, 2004. – 216 с.

232. *Тарасенко, В.В.* Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.В. Тарасенко. – Краснодар, 2017. – 27 с.

233. *Фидельский, С.В.* Преюдиция в уголовно-процессуальном праве: нормативное закрепление и порядок реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С.В. Фидельский. – М., 2011. – 26 с.

234. *Филимонова, И.В.* Фикции в досудебном производстве: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.В. Филимонова. – Барнаул, 2007. – 254 с.

235. *Чащина, И.В.* Преюдиция в уголовном процессе России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.В. Чащина. – М., 2011. – 189 с.

236. *Шахкелдов, Ф.Г.* Концептуальные аспекты презумпции невиновности в уголовном процессе: генезис и тенденции совершенствования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Ф.Г. Шахкелдов. – Ростов н/Д., 2006. – 39 с.

237. *Ширвиндт, А.М.* Значение фикции в римском праве: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.М. Ширвиндт. – М., 2011. – 306 с.

238. *Юсубова, У.М.* Преюдиция в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / У.М. Юсубова. – М., 1979. – 255 с.

5. Словари

239. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 790 с.

240. *Брокгауз, Ф.А., Ефрон, И.А.* Энциклопедический словарь: в 82 т. Т. 35, 49, 70 / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Ярославль: Издательский центр «ТЕРРА», 1992. – 478 с.

241. *Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М.: Терра, 1995. Т. 2. – 1065 с.

242. *Дворецкий, И.Х.* Латинско-русский словарь [Текст] / И.Х. Дворецкий. – М.: Рус. яз., 1986. – 1096 с.

243. *Епишкин Н.И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка [Текст] / Н.И. Епишкин. – М.: ЭТС, 2010. – 5140 с.

244. Латинская юридическая фразеология / сост. Б.С. Никифоров. – М.: Юрид. лит., 1979. – 264 с.

245. Латинско-русский словарь / под общ. ред. С.И. Соболевского. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. – 1949. – 952 с.

246. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1989. – 736 с.

247. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / сост. М. Попов. – М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. – 466 с.

248. Российская юридическая энциклопедия / гл. ред. А.Я.Сухарев. – М.: Дом Инфра-М, 1999. – 1110 с.

249. Современный словарь иностранных слов / сост. Т.В. Егорова. – М.:Аделант, 2014. – 800 с.

250. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2005. – 939 с.

251. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. – 1424 стб.

252. *Ушаков, Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Алта-Принт, 2005. – 1239 с.

6. Материалы судебной практики, справочно-статистические материалы

253. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2018 г. [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда РФ. – URL: <https://www.vsrp.ru/documents/statistics/?year=2018> (дата обращения: 11.12.2020).

254. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 г. [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда РФ. – URL: <https://www.vsrp.ru/documents/statistics/?year=2019> (дата обращения 12.12.2020);

255. Обзор статистических о рассмотрении в Верховном Суде РФ в 2019 г. административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда РФ. – URL: <https://www.vsrp.ru/documents/statistics/28771/> (дата обращения 12.12.2020).

256. Обзор статистических о рассмотрении в Верховном Суде РФ в первом полугодии 2020 г. административных, гражданских дел, дел по

разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел данных [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда РФ. – URL: <https://www.vsrf.ru/documents/statistics/29222/> (дата обращения 12.12.2020).

257. Постановление ЕСПЧ от 06.12.1988 по делу «Бербера, Мессеги и Хабардо против Испании» (жалоба № 10590/83) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

258. Постановление ЕСПЧ от 28.10.1994 по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (жалоба № 14310/88) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

259. Постановление ЕСПЧ от 10.02.1995 по делу «Аллене Де Рибемон против Франции» (жалоба № 15175/89) [Электронный ресурс] // Европейская конвенция о защите прав человека. – URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461453/2461453.htm>. (дата обращения: 18.10.2014).

260. Постановление ЕСПЧ от 17.12.1996 по делу «Саундерс против Соединенного Королевства» (жалоба № 19187/91) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

261. Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 по делу «Смирновы против Российской Федерации» (жалобы №№ 46133/99 и 48183/99) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

262. Постановление ЕСПЧ от 17.01.2006 по делу «Маккей против Соединенного Королевства» (жалоба № 543/03) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

263. Постановление ЕСПЧ от 08.06.2006 по делу «Корчуганова против Российской Федерации» (жалоба № 75039/01) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

264. Постановление ЕСПЧ от 12.06.2008 по делу «Власов против Российской Федерации» (жалоба № 78146/01) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

265. Постановление ЕСПЧ от 18.03.2010 по делу «Кузьмин против Российской Федерации» (жалоба № 58939/00) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

266. Постановление ЕСПЧ от 15.03.2011 по делу «Сизов против Российской Федерации» (жалоба № 33123/08) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

267. Постановление ЕСПЧ от 19.07.2011 по делу «Кондратишко и другие против Российской Федерации» (жалоба № 3937/03) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

268. Постановление ЕСПЧ от 20.09.2011 по делу «Федоренко против Российской Федерации» (жалоба № 39602/05) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

269. Постановление ЕСПЧ от 23.10.2012 по делу «Зенцов и другие против Российской Федерации» (жалоба № 35297/05) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

270. Постановление ЕСПЧ от 29.01.2019 по делу «Стирманов против Российской Федерации» (жалоба № 31816/08) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

271. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25.12.2013 № 315-П13ПР [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

272. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.07.2013 № 50-Д13-56. Документ опубликован не был // Доступ СПС КонсультантПлюс.

273. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 30.08.2012 № 22-3673/12 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=ac11348fb320fe859b0617fcdff7f1e8&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 08.02.2021).

274. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 26.07.2012 № 22 -3104/12 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: № <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=41a3056423a7751b53ec075443b79249&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 08.02.2021).

275. Кассационное постановление Ставропольского краевого суда от 23.01.2014 № 44у473/13 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=4e5e0d99d9fec8d7fc1bec0b111c4051&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 06.02.2020).

276. Апелляционное постановление Московского областного суда от 07.06.2016 № 22-3818 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=96cf683d27745fab0794bb1255ed8210&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 15.02.2021).

277. Апелляционное постановление Астраханского областного суда от 07.04.2016 № 22-593 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=c9edd41ca30d4b51de5a1c12ca480239&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 15.02.2021).

278. Постановление Октябрьского районного суда г. Иркутска Иркутской области от 18.11.2019 № 3/2-234/2019 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=81481fcd030d9e348706c390f6ab47ff&shard=Производство%20по%20материалам&from=p&r=> (дата обращения: 03.03.2021).

279. Постановление Каслинского городского суда Челябинской области от 29.04.2019 № 3/2-18/2019 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=bb7c97b46877e76bc0fad28c09cba4>

71&shard=Производство%20по%20материалам&from=p&r= (дата обращения: 04.03.2021).

280. Постановление Октябрьского районного суда г. Иркутска Иркутской области от 26.02.2020 № 3/2-35/2020 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=babe645bde4aa3e67d0b7290fbd04b31&shard=Производство%20по%20материалам&from=p&r=> (дата обращения: 04.03.2021).

281. Приговор Промышленного районного суда г. Самары Самарской области от 12.08.2016 № 13-36/2016 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: [https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=5726ac954d76e116ddde5b5fcda6b3ea&shard=Все%20дела%20\(новое\)&from=p&r=](https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=5726ac954d76e116ddde5b5fcda6b3ea&shard=Все%20дела%20(новое)&from=p&r=) (дата обращения: 07.02.2021).

282. Приговор мирового судьи судебного участка № 46 Волгоградской области от 18.02.2016 № 162/2016 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: [https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=52a557cfe77845de766a74c29c944b94&shard=Все%20дела%20\(новое\)&from=p&r=](https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=52a557cfe77845de766a74c29c944b94&shard=Все%20дела%20(новое)&from=p&r=) (дата обращения: 05.02.2021).

283. Приговор мирового судьи судебного участка № 4 по Мелеузовскому району и г. Мелеузу Республики Башкортостан от 29.04.2016 № 112/2016 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: [https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=323ad4380825e667a29c358baf22f27b&shard=Все%20дела%20\(новое\)&from=p&r=](https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=323ad4380825e667a29c358baf22f27b&shard=Все%20дела%20(новое)&from=p&r=) (дата обращения: 05.02.2021).

284. Приговор мирового судьи судебного участка № 2 по г. Кумертау от 03.06.2019 № 113/2019 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: [https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=ce43ac0f699f0801b609c8f587f1c61b&shard=Все%20дела%20\(новое\)&from=p&r=](https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=ce43ac0f699f0801b609c8f587f1c61b&shard=Все%20дела%20(новое)&from=p&r=) (дата обращения: 05.02.2021).

285. Приговор Сыктывкарский городской суд Республики Коми от 03.09.2015 № 1698/2015 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL:

<https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=513f1d99e4a3ec8035767f1423072834&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 15.02.2021).

286. Приговор Верховного Суда Республики Крым от 28.02.2018 № 1-1/201 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=6960d4aba0b5b71cb7fb7f7cc99d8b5c&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 05.02.2021).

287. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27.12.1946 по делу Калинина // Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946-1962 гг. – М.: Юрид. лит., 1964. – 334 с.

Приложение 1.

Анкета

В связи с проводимой в стране правовой реформой большое значение приобретает проблема использования различных приемов доказывания в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Предметом нашего исследования являются такие приемы доказывания, как презумпция, преюдиция и фикция, и их использование в уголовном судопроизводстве. Нам важно знать Ваше мнение!

Данные, полученные в результате анкетирования, будут использованы исключительно в научно-исследовательских целях. Надеемся, что Вы ответите на все наши вопросы, и благодарим за сотрудничество.

1. Какое из назначений уголовного судопроизводства, на Ваш взгляд, должно быть определено в законодательстве в качестве приоритетного?

а. защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

б. защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

в. раскрытие преступлений и изобличение лиц, виновных в их совершении

г. все перечисленное;

д. затрудняюсь ответить;

е. другое (напишите, пожалуйста).

---

2. Широко ли применяется в уголовно-процессуальном законодательстве такой технико-юридический прием, как презумпция?

а. да;

б. нет;

в. другое (напишите, пожалуйста).

---

3. Необходим ли принцип презумпции невиновности в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации?

а. да;

б. презумпция невиновности должна рассматриваться только как правило доказывания по уголовному делу;

в. нет;

г. затрудняюсь ответить;

д. другое (напишите, пожалуйста).

---

4. Распространяется ли действие презумпции невиновности на таких участников уголовного судопроизводства, как:

а) лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка;

б) лицо, привлекаемое к уголовной ответственности;

с) лицо, в отношении которого прекращено уголовное преследование;

д) лицо, совершившее преступное посягательство, в отношении которого действует правовой иммунитет в связи с исполнением им государственной или общественной деятельности.

а. да;

б. нет;

в. другое (напишите, пожалуйста).

---

5. Как Вы считаете, следует ли расширить круг лиц, закрепленный в ст. 14 УПК РФ (презумпция невиновности), и указать в нем иных участников уголовного судопроизводства, помимо обвиняемого?

а. да;

б. в указанной норме права следует использовать термин «лицо» вместо термина «обвиняемый»;

в. нет;

г. другое (напишите, пожалуйста).

б. Следует ли, на Ваш взгляд, изменить ч. 1 ст. 14 УПК РФ с «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» на «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом

порядке и установлена вступившим в законную силу **обвинительным** приговором суда»?

- а. да;
  - б. нет;
  - в. другое (напишите, пожалуйста).
-
-

7. Привлечение лица в качестве обвиняемого по уголовному делу позволяет сделать вывод о его виновности в совершении преступления?

- а. да;
  - б. нет;
  - в. другое (напишите, пожалуйста).
-
-

8. Какие, на Ваш взгляд, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным решением суда, могут признаваться судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки (преюдиция)?

- а. все без исключения;
  - б. только те, которые не предрешают виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле;
  - в. квалификация деяния и иные правовые выводы суда;
  - г. указанный вопрос должен решаться судом самостоятельно;
  - д. другое (напишите, пожалуйста).
-
-

9. На Ваш взгляд, необходимо ли установить закрытый перечень обстоятельств, которые могли бы быть установлены вступившим в законную силу приговором либо решением суда и подлежали бы в дальнейшем использованию при рассмотрении другого дела?

- а. да;
- б. следует законодательно установить открытый перечень этих обстоятельств;
- в. нет;
- г. другое (напишите, пожалуйста).

---

10. Обязан ли, на Ваш взгляд, суд при рассмотрении уголовного дела руководствоваться обстоятельствами, установленными иным решением или приговором суда (межотраслевая преюдиция), если он сомневается в истинности этих обстоятельств?

- а. да;
  - б. на усмотрение суда;
  - в. нет;
  - г. другое (напишите, пожалуйста).
-
-

11. Как Вы относитесь к введению межотраслевой преюдиции в Уголовно-процессуальный кодекс РФ?

- а. положительно;
  - б. отрицательно, так как это затруднило процесс возбуждения уголовных дел экономической направленности;
  - в. другое (напишите, пожалуйста).
-
-

12. Как Вы относитесь к тому, что преюдиция распространяется на обвинительные приговоры, вынесенные в особом порядке судебного разбирательства (Раздел X УПК РФ)?

- а. положительно;
  - б. отрицательно, так как особый порядок судебного разбирательства не соотносится с объективной истиной;
  - в. другое (напишите, пожалуйста).
-
-

13. Используете ли Вы термин «фикция» в положительном значении как обозначение приема юридической техники?

- а. да;
- б. нет;
- в. другое (напишите, пожалуйста).

---

14. На Ваш взгляд, такой технико-юридический прием, как фикция, может быть широко распространен в уголовно-процессуальном законодательстве?

- а. да;
- б. нет;
- в. другое (напишите, пожалуйста).

В заключение сообщите, пожалуйста, некоторые сведения о себе:

Ваш возраст:

- а. до 25 лет;
- б. 25–35 лет;
- в. 36–50 лет;
- г. Старше 50 лет.

Ваше образование:

- а. среднее;
- б. средне специальное;
- в. неполное высшее;
- г. высшее.

Ваша должность:

- а. федеральный судья;
- б. мировой судья;
- в. дознаватель;
- г. следователь;
- д. другое (напишите, пожалуйста)

БЛАГОДАРИМ ВАС ЗА ОТВЕТЫ!

Приложение 2.

Аналитическая справка о результатах проведенного анкетирования различных групп респондентов

В 2014–2021 гг. на территории РФ было проведено анкетирование 36 судей, 88 следователей и дознавателей, 164 помощника судей и секретаря судебного заседания. Интервьюирование осуществлялось на территории следующих субъектов РФ: Республики Бурятия, Республики Саха (Якутия), Республики Тыва, Иркутской области, Красноярского края.

Для получения наиболее объективных результатов нами по возможности сохранялся баланс опрашиваемых по гендерному признаку. 35,7 % выборки составили респонденты в возрасте от 25 до 35 лет; 62,3 % – лица старше 35 лет.

Итак, особенности профессионального взгляда на современные проблемы использования различных приемов доказывания в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел заключаются в следующем.

1. Подавляющее большинство лиц, выполняющих в уголовном деле процессуальную функцию обвинения, защиты или правосудия, высказалось за наличие в уголовном судопроизводстве не просто правила доказывания, но межотраслевого принципа презумпции невиновности. В цифрах ситуация может быть представлена следующим образом:

Варианты ответа	Группы опрошенных респондентов (в %):		
	Судьи	Помощники и секретари	Следователи, дознаватели
Необходим	70,8	49,3	58,3
Презумпция невиновности должна рассматриваться только как правило доказывания по уголовному делу	25	32,5	29,16
Не нужен	4,2	9,5	8,3
Затрудняюсь ответить	0	7,1	4,16

2. На вопрос о распространении действия презумпции невиновности на таких участников уголовного судопроизводства, как лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка; лицо, привлекаемое к уголовной ответственности; и др., был дан такой ответ:

Варианты ответа	Группы опрошенных респондентов (в %):		
	Судьи	Помощники и секретари	Следователи, дознаватели
Распространяется	72,8	68,8	83,3
Не распространяется	21	22,5	12,5
Затрудняюсь ответить	5,8	7,1	4,1

3. По проблеме расширения субъектного состава участников, на которых распространяется презумпция невиновности (подозреваемый; подсудимый; осужденный; лицо, совершившее преступное посягательство в состоянии невменяемости; лицо, совершившее преступное посягательство, но в отношении которого действует правовой иммунитет в связи с исполнением государственной или общественной деятельности), большинство респондентов высказалось за необходимость изменения ст. 14 УПК РФ ввиду введения в норму права термина «лицо».

Варианты ответа	Группы опрошенных респондентов (в %):		
	Судьи	Помощники и секретари	Следователи, дознаватели
Да	30,2	46,1	20,83
В указанной норме права следует использовать термин «лицо» вместо термина «обвиняемый»	49	37,3	29,16
Нет	20,8	16,6	50

4. Что же касается презумпции виновности, то, по мнению опрошенных респондентов, привлечение лица в качестве обвиняемого по уголовному делу не позволяет сделать вывод о его виновности в совершении преступления.

Варианты ответа	Группы опрошенных респондентов (в %):		
	Судьи	Помощники	Следователи,

		и секретари	дознаватели
Да	5,9	31,7	12,5
Нет	94,1	68,3	87,5

5. На вопрос о наличии в УПК РФ и в уголовном процессе России понятия «презумпция истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда» были даны различные ответы. Так, судьи в большинстве подтвердили наличие подобной презумпции, однако указали на отсутствие такого термина в тексте УПК РФ, менее половины следователей и дознавателей признались в незнании этого понятия.

Варианты ответа	Группы опрошенных респондентов (в %):		
	Судьи	Помощники и секретари	Следователи, дознаватели
Да	74,16	50,3	58,3
Она закреплена в УПК РФ	0	15,3	4,16
Нет	25,84	34,4	37,5

6. Какие, на Ваш взгляд, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным решением суда, могут признаваться судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки (преюдиция)?

Варианты ответа	Группы опрошенных респондентов (в %):		
	Судьи	Помощники и секретари	Следователи, дознаватели
Все без исключения	5,1	7,1	8,3
Только те, которые не предрешают виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле	78,8	32,5	16,66
Квалификация деяния и иные правовые выводы	4,2	9,5	16,66

суда			
Указанный вопрос должен разрешаться судом самостоятельно	11,9	49,3	58,33

7. Вопрос о сомнении в истинности обстоятельств, установленных ранее вынесенным решением или приговором суда, выявил несогласие следователей, дознавателей и судей с диспозицией ст. 90 УПК РФ, не предусматривающей возможности не принимать сведения, которые вызывают сомнения.

Варианты ответа	Группы опрошенных респондентов (в %):		
	Судьи	Помощники и секретари	Следователи, дознаватели
Да	22,2	30,8	12,5
На усмотрение суда	55,8	32,5	41,66
Нет	22	30,9	45,833
Другое	0	5,8	0

8. Наличие явных проблем, касающихся использования межотраслевой преюдиции при расследовании и рассмотрении уголовного дела, выразилось в подавляющем негативном отношении большинства респондентов к введению межотраслевой преюдиции в Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Варианты ответа	Группы опрошенных респондентов (в %):		
	Судьи	Помощники и секретари	Следователи, дознаватели
Положительно	38,2	46,5	37,5
Отрицательно, так как это затруднило процесс возбуждения уголовных дел экономической направленности	49,5	42,2	58,33

Другое	12,3	11,3	4,16
--------	------	------	------

9. Что касается распространения в уголовно-процессуальном законодательстве такого технико-юридического приема, как фикция, то против расширения его действия проголосовало подавляющее большинство опрошенных.

Варианты ответа	Группы опрошенных респондентов (в %):		
	Судьи	Помощники и секретари	Следователи, дознаватели
Да	19,2	22,5	15,5
Нет	80,8	77,5	87,5